

Кира Оллис

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЗАКОН ПОДЛОСТИ

18+

Кира Оллис

Закон подлости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69400045

SelfPub; 2023

Аннотация

В первый же день стажировки в Департаменте полиции Лилиан ожидает сюрприз: её наставником оказывается Макс – мужчина, которого она ударила накануне, приняв за преступника. Работа бок о бок постепенно меняет их отношение друг к другу. Его привлекает её непосредственность и лёгкое отношение к жизни, а её – его мужественность, внутренний стержень и остроумие. Кажется, ничто не мешает им быть вместе. Но Макс хранит тайну, способную полностью изменить их жизни и поставить перед нелёгким выбором. Что выберет он: долг или любовь?

Содержание

ГЛАВА 1 БРОСОК КОБРЫ или ЯД ЗАПУЩЕН	5
ГЛАВА 2 ЛЁГОК НА ПОМИНЕ	13
ГЛАВА 3 КРОВОПИЙЦА	22
ГЛАВА 4 МИССИЯ ВЫПОЛНИМА	31
ГЛАВА 5 ДЕВОЧКИН ДЕНЬ	40
ГЛАВА 6 ШПИОНСКИЕ ИГРЫ	47
ГЛАВА 7 ВЕЧЕР ПЕРЕСТАЁТ БЫТЬ ТОМНЫМ	57
ГЛАВА 8 БОЙ С ТЕНЬЮ	66
ГЛАВА 9 БЕГИ, ЛИЛИ, БЕГИ	78
ГЛАВА 11	98
ГЛАВА 12 СИЛЬНАЯ СЛАБОСТЬ	110
ГЛАВА 13 ШПИОНСКИЕ ИГРЫ 2.0	123
ГЛАВА 14 ОДНО ДЫХАНИЕ НА ДВОИХ	135
ГЛАВА 16 СОТРУДНИКИ	162
ГЛАВА 17 ЕГО ДЕНЬ	176
ГЛАВА 18 НА ВЫСОТЕ	189
ГЛАВА 19 НЕЛОВКИЙ МОМЕНТ	203
ГЛАВА 20 СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ	217
ГЛАВА 21 ЖЕНЩИНА-КОШКА	230
ГЛАВА 22 СВИДАНИЕ	245
ГЛАВА 23 ЛЮБИТ-НЕ ЛЮБИТ	259
ГЛАВА 24 ЦВЕТЫ ЖИЗНИ	274

ГЛАВА 25 ДАВАЙ БОЛЕТЬ ВМЕСТЕ	286
ГЛАВА 26 МЫ	297
ГЛАВА 27 КАТАСТРОФА	310
ГЛАВА 28 ИСПОВЕДЬ	317
ГЛАВА 29 КТО ТЫ?	331
ГЛАВА 31 ДЕМОН. ПОПЫТКА НОМЕР ДВА	349
ГЛАВА 32 ЦВЕТ НАСТРОЕНИЯ СИНИЙ	356
ГЛАВА 33 СПАСИТЕЛЬ	367
ГЛАВА 34 СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ	376
ГЛАВА 35 ДО КОНЦА	390

Кира Оллис

Закон подлости

ГЛАВА 1 БРОСОК КОБРЫ или ЯД ЗАПУЩЕН

Лилиан

Не могу поверить, что я это делаю. Под басы, разрывающие мои барабанные перепонки, уверенной походкой от бедра направляюсь к своей «жертве». Темноволосый парень в явно дорогом стильном костюме невозмутимым холодным взглядом оценивает обстановку в клубе, не замечая того, что творится у него буквально под носом. То есть меня. А ведь я специально выбрала маршрут вдоль бара, чтобы продефилировать к нему, как по подиуму, и оказаться в центре его внимания. Видно, в этот раз мне придётся попотеть. Как можно не заметить моё белое платье, которое под ультрафиолетовыми лампами клуба светится, как луна посреди ночного неба? Его самоуверенный взгляд, направляемый куда угодно, только не в мою сторону, руки, деловито сложенные перед собой, гордо расправленные плечи – всё кричит о том, что он специально создаёт вокруг себя ауру неприступности. Каменный идол, который пришёл в клуб не за расслаблени-

ем и охотой на девиц.

Именно поэтому во мне проснулся азарт доказать обратное. Вот только подойдя ближе, обращаю внимание на проводок, идущий к его уху. Так, стоп! Он что, секьюрити? Такого поворота я точно не ожидала. Может оставить эту затею Мелиссы, пока не поздно? К тому же, у него наверняка есть оружие, и моя маленькая шалость может привести к большим последствиям. Не дойдя до своей цели пары шагов, решительно разворачиваюсь, окончательно отказавшись от этого глупого пари. Не беда, станцую перед этими пьяными бездарями! Не привыкать. Тем более что сегодня смена Джилл. Уверена, она покрутит пальцем у виска, а сама закроет глаза на моё представление, и в мыслях будет подсчитывать баксы, которые потекут рекой из карманов местных слюнопускателей. Ну что ж... Не знаю, какого чёрта я творю, но кажется пять бокалов мартини и необъяснимое желание поймать на крючок этого Джеймса Бонда во плоти сделали меня более смелой и развязной.

Забираюсь на опустевшую сцену и бросаю взгляд в сторону выхода, где только что стоял этот «ходячий секс», но его и след простыл. Жаль. В следующую секунду включается сценическое освещение, лучи которого запирают меня в своей световой клетке. Всё. Обратного пути нет. Всеми порами своего тела я ощущаю пристальные взгляды толпы, хоть никого теперь и не вижу. Так странно чувствовать себя наедине с самой собой, находясь среди сотен глазающих на тебя

людей. Былой энтузиазм вдруг сменяется растерянностью, а смелость – волнением, которое заставляет моё сердце стучать в сумасшедшем ритме. Мне же не впервой это делать! Откуда эта мелкая дрожь в коленях? Чуть было не делаю шаг назад, но как только слышу начало мелодии, еле сдерживаюсь, чтобы не засмеяться. Джилл в своём репертуаре. «You can leave your hat on» Джо Кокера? Мы что, в баре «Гадкий койот»¹?!

Благодаря подруге меня отпускает эта секундная паника, и я вживаюсь в роль соблазнительницы. Плавно покачивая бёдрами, подхожу к любезно приготовленному стулу. Грациозно огибаю своего импровизированного «партнёра», и, перекинув ногу, сажусь сверху, эротично выгибая спину назад. Спинка стула закрывает обзор на мои сокровенные места, не предназначенные для посторонних, но из темноты ожидаемо раздаются восторженные возгласы. Хорошо, что из-за ослепляющих софитов мне не видно ничьих лиц. Ха! Предполагаю, что сказал бы отец, если бы увидел меня в таком амплуа. Но сегодня мне можно. День рождения только раз в году, в конце концов! А завтра... Завтра меня ждёт скучный костюм и, скорее всего, не менее скучная работёнка. «Дорогу осилит идущий!», «Тише едешь – дальше будешь!» – с видом профессора заявлял мне папа, когда я рвалась на вызовы вместе с другими ребятами. Странно, что я думаю обо

¹ Одноименная комедия, сюжет которой вертится вокруг бара, в котором группа барменш устраивает дикие танцы на барной стойке.

всем этом, изгибаясь на стуле словно мартовская кошка.

Спустя пять минут выхожу через служебный вход подышать воздухом. Да-да, в этом элитном клубе для меня открыты все входы и выходы благодаря Джилл, с которой мы делим одну на двоих квартиру. Должна же её работа хостес приносить не только пользу, но и удовольствие, чем мы все вместе иногда и пользуемся. Только прислонившись разгорячённой спиной к прохладной кирпичной стене здания, у меня получается, наконец, выдохнуть. И вдруг я понимаю, какой глупый поступок совершила. Ведь отец предупреждал, чтобы я не светилась, пока идёт поиск Демона. Но почему он переживает? Ведь тот, как известно, охотится за брюнетками, так что будем считать, что моя блондинистая копна – своеобразный оберег от этой нечисти.

Внезапный шорох, сопровождаемый сдавленными хрипами, прерывает мои размышления. Всматриваюсь в темноту и что я вижу? Буквально в нескольких метрах от меня «Мистер Бонд» душит какого-то парня! Странное поведение для простого секьюрити клуба. Знаю технику рукопашного боя, поэтому с уверенностью могу сказать, что он делает это намеренно! Не успев как следует подумать, снимаю с себя туфли, подкрадываюсь, собираясь ударить каблуком в особую болевую точку на его шее, отчего он вырубится минут на пятнадцать, но прямо перед моим «броском кобры» парень резко поворачивает голову в мою сторону. Всё происходит настолько быстро, что я едва успеваю сместить траекторию сво-

его удара, чтобы не попасть ему в глаз. *Я не убийца, в конце концов.* Правда вместо этого шпилька прилетает прямоком... в его лоб. Двенадцатисантиметровая шпилька, между прочим. Мы оба синхронно замираем, встречаясь взглядами. Брюнет ослабляет хватку, отпуская свою жертву на волю. Тот, пользуясь моментом, скрывается за углом и, судя по визгу покрывшек, сваливает в закат на какой-то тачке.

– Ты дура? – незнакомец резко хватает меня за локоть, не обращая внимания на кровь, проступившую из ранки. Может у него болевой шок? Любая другая убежала бы от такого разъярённого взгляда, но всё, о чем я думаю в этот момент, это о его невероятных серых глазах, так красиво контрастирующих с его чёрными волосами, отливающими благородной медью в свете одинокого уличного фонаря. Наконец-то могу рассмотреть его поближе, ведь ещё в клубе он привлёк моё внимание. Лёгкая щетина придаёт ему ещё большую мужественность, если это вообще возможно, учитывая его крепкое спортивное телосложение. Бесстыдно обвожу взглядом плавный контур его губ, которые о чем-то спрашивают, и выхожу из этого транса, как только он начинает щелкать пальцами у меня перед лицом.

– Эй, ты оглохла? Ты понимаешь, что только что дала убежать наркокурьеру?

Его надменный тон приводит меня в чувство.

– А какого чёрта ты душил его, а не вызвал наряд полиции? И вообще, разве в твои обязанности не входит стоять

на фейсконтроле? Кем ты себя возомнил?

По тому, как начинают играть желваки на его скулах, становится понятно, что он изо всех сил сдерживает ругательства, рвущиеся наружу, но, преодолев себя, со вздохом отпускает мою руку, а мне становится дико стыдно за свой «боевой приём», но вида не подаю. Гордо вздёрнув подбородок, вручаю ему свой носовой платок:

– Возьми.

Он непонимающе пялится на него, сдвинув к переносице свои чётко очерченные тёмные брови.

– Твой лоб... – рисую указательным пальцем невидимые круги возле его переносицы.

Он берёт мой платок, разворачивает его и вдруг начинает хохотать.

– Я что, так сильно тебя приложила? – встревоженно вглядываюсь в него.

– Серьёзно? Скарлетт Батлер? – от смеха у него проступили слезы, и я понимаю, что его рассмешило моё имя на платке, подаренном папой. – Почему-то был уверен, что у местных стриптизёрш имена вроде Марго или Матильда. А твои родители – поклонники Вивьен Ли²?

Постойте-ка. Так он видел моё выступление и решил, что я стриптизёрша?

– Это не совсем то, о чем ты подумал! И тебя это не каса-

² Британская актриса. Обладательница двух премий «Оскар» – за роль Скарлетт О’Хары в фильме «Унесённые ветром».

ется! – со злостью выдёргиваю платок из его руки и добавляю: – Чёртов единорог! – намекая на нехилую такую шишку, которая будет завтра красоваться меж его бровей.

Улыбка с его лица стирается словно ластиком. Глаза становятся стеклянными и, я бы сказала, снисходительно-равнодушными, как будто перед ним не привлекательная девушка, а бесполезный предмет, мешающийся под ногами. В детстве так на меня смотрел тигр в зоопарке, когда вместо куска мяса я ему через прутья клетки просунула морковку. Этот грубиян небрежно стирает кровь со лба рукавом, бросает на меня последний колкий взгляд и уходит обратно в клуб, оставляя меня переваривать все, что сейчас произошло. Я в самом деле назвала его единорогом? Что за детский сад, Лили? Кажется, я провожу слишком много времени с детьми Мелиссы.

Из размышлений меня вырывает приглушенная вибрация мобильного. Выуживаю его из недр своей сумочки и вижу на заставке скорченную физиономию Мел с идиотской улыбкой в духе клоуна из фильма «Оно» – результат нашего очередного пари. Теперь каждый раз, когда она звонит мне, все, кто рядом, могут лицезреть мою «красавицу» подругу.

– Ты меня потеряла? – устало тру переносицу и слегка отодвигаю телефон от уха, чтобы не оглохнуть от воплей.

– Лили, ты где?! Я звонила уже раз двадцать! Обошла все подсобки, искала под барной стойкой и даже заходила в мужской туалет! Ты хоть представляешь, что я пережила? И как

теперь развидеть все эти... эти кожаные шланги? – невольно улыбаюсь забавным словечкам Мел, но представляю её панику. Мелисса – мать трёхлетних близнецов, беспокойство и забота – теперь её второе имя.

– Выходила подышать и уже иду обратно, и ещё... Поехали домой, а? Уже поздно, и завтра у меня важный день, надо поспать хоть немного. – Настроение у меня действительно упало.

– Ты же знаешь, куда ты, туда и я! Считаю, что такси уже вызвано! – обожаю её.

ГЛАВА 2 ЛЁГОК НА ПОМИНЕ

Как ни странно, утром просыпаюсь в хорошем настроении, предвкушая встречу с папой. Он должен был ночью вернуться из командировки, и заехать за мной, пока моя крошка в автомастерской.

По запаху гари понимаю, что Джилл уже проснулась и готовит нам завтрак. Она всегда просыпается рано, чтобы сделать макияж и завить локоны, подправить маникюр и педикюр, ведь, по её словам, никогда не знаешь, где и когда встретишь мужчину своей мечты. И зачем ей всё это? Никогда не понимала этого рвения. Вот пофлиртовать с красавчиками в чёрных пиджаках – это другое дело. Сходить на парочку свиданий, удовлетворить физические потребности и adios³! К чему эти лишние привязанности, чтобы потом страдать из-за очередной измены? Знаем, проходили. Все они из одного теста! Только на вкус разные.

После вчерашнего мартини меня немного мутит, поэтому решаю отказаться от утренней пробежки. К тому же, отец говорил, что у них есть свой тренажёрный зал, в котором могут заниматься все сотрудники, а значит вполне успею наверстать упущенное. Принимаю по-быстрому душ и, согласно дресс-коду, надеваю белую блузку и чёрную юбку-карандаш.

³ «До свидания!» по-испански.

Встаю перед зеркалом и не могу не скривиться: вместо формы, о которой пока только приходится мечтать, на мне наряд типичной секретарши. Не хватает только очков в чёрной оправе, ярко-красной помады – и перед вами героиня фильмов для взрослых. Решаю остаться сегодня в образе скромной студентки, чтобы пустить в действие план под названием «Втереться в доверие к папе», и выхожу к Джилл, которая как раз разливает нам ароматный кофе. Она с усмешкой скользит по мне оценивающим взглядом и выдаёт:

– Вчера – пантера, сегодня – Бэмби?

Обиженно поджимаю губы.

– Очень смешно. Я же говорила про условия отца. У меня что-то вроде испытательного срока, поэтому какое-то время побуду пай-девочкой, не влезаящей ни в какие неприятности и добросовестно перекладывающей бумажки.

Делаю глоток любимого капучино как раз в тот момент, когда слышу из телевизора слова ведущей новостей, заставляющие меня встать: «... возле ночного клуба «Elleven». Следователи не разглашают каких-либо подробностей, но очевидно, что это очередная жертва серийного убийцы, получившего прозвище Демон. На теле девушки обнаружили выжженную пятиконечную звезду, считающуюся символом сатанизма. И снова – это брюнетка. Напомним, что за последние два года это уже шестое убийство, имеющее схожие криминалистические признаки, поэтому призываем всех граждан проявлять бдительность. Следствием

объявлено вознаграждение за любую информацию о данных преступлениях...».

Джилл первая выходит из состояния оцепенения:

– Это что, мой «E11even»? Там убили девушку?

– Насколько помню, в Майами больше нет других клубов с таким названием. Тебе ещё не звонили с работы? Интересно, во сколько это произошло? – ловлю себя на том, что покусываю кончик большого пальца. Всегда так делаю, когда нервничаю, особенно, если есть какое-то дурное предчувствие. Чёрт возьми, на её месте могла быть любая из нас! Словно прочитав мои мысли, Джилл в ужасе округляет глаза и восклицает, всплёскивая руками:

– Боже, Лили! Ты же вчера выходила на задний двор! А если бы на месте жертвы оказалась ты? – её дрожащий от волнения голос заставляет меня полюбить Джилл ещё сильнее, чем раньше. Подхожу к ней и стискиваю в своих объятиях.

– Ну что ты, дурочка? Что со мной будет? Во-первых, у меня чёрный пояс в джиу-джитсу, а во-вторых, я блондинка. Сказали же, что его цель – брюнетки.

Отодвигаюсь от неё, скептически рассматриваю её чёрные волосы и задаю резонный вопрос:

– Ты случайно не хочешь имидж сменить?

Джилл пропускает мой вопрос мимо ушей и спрашивает, нахмутив свои аккуратные брови:

– Лил, ты ничего вчера подозрительного не видела?

Я не рассказывала подругам о вчерашней потасовке, чтобы избежать ненужных причитаний, и меня тут же бросает в жар от осенившей догадки. Надеюсь, я не серийному маньяку в лоб зарядила? Ну нет. Исключено. Если бы хотел, он мог бы меня уложить одной левой. Уложить... Ухмыляюсь двойному смыслу слова.

– Что смешного я спросила? Ты понимаешь, что тебе надо посерьёзнее относиться к своей безопасности? Знаешь, твой отец прав, Лилиан! Работа, к которой ты стремишься, не для тебя!

Ну все, пора сворачивать этот разговор, пока мы не поругались. И как раз в этот момент раздаётся мелодия «Аmeno» на моём телефоне.

– О, лёгок на помине! – улыбаюсь, несмотря на услышанные новости. Сбрасываю вызов, надеваю свои любимые туфли от Valentino и выбегаю из квартиры, оставляя подругу наедине со своими нравами.

Чёрный Volvo отца ждёт меня у входа, и я, не скрывая детской радости, буквально запрыгиваю в салон, чтобы поскорее обнять его.

– Я так скучала, пап! – он прижимает меня к себе и целует в макушку.

– Как отметила день рождения? Никуда не влипла? – надевает маску строгого начальника.

– Ну что ты, – откидываюсь на спинку своего сиденья и делаю максимально невинное лицо. – Всё, как ты и просил.

Отмечали в клубе Джилл, вернулась домой к двенадцати и баиньки.

Отец пару секунд пристально смотрит в мои глаза, будто ищет там подтверждение моим словам, и с глубоким вздохом заводит двигатель. Чёрт, не поверил.

– Лили, надеюсь ты помнишь наш уговор? Никакой самодеятельности. Сама знаешь, чего мне стоил перевод в Майами.

– Пап, ты снова меня упрекаешь? Я не просила отмазывать меня от этой ублюдочной семейки! – начинаю закипать. – Он заслужил отдых на больничной койке. Переживёт!

– Не упрекаю. Просто переживаю за тебя.

Грустные морщинки в уголках его глаз вызывают во мне приступ жалости. Ну что я за дочь? Отец ради меня перевёлся в другой штат, был вынужден продать нашу квартиру, полную воспоминаний. Слава Всевышнему, его хотя бы не понизили в должности благодаря хорошему послужному списку и помощи лучшего друга Майкла, моего крёстного.

Пока едем в тишине, люблюсь видами Даунтауна, моего любимого района в Майами, полного небоскрёбов. Они напоминают мне о Нью-Йорке с его бешеным ритмом жизни. Но скучаю ли я по этому мрачному городу? Пока сама не могу ответить на этот вопрос, но думаю, что зелёные пальмы мне идут больше, чем серая статуя Свободы.

– Успела отдохнуть, надеюсь? – папа первым нарушает наше молчание.

– Это ты про те два месяца, что я ежедневно проводила в спортзале, чтобы не потерять форму? – выставляю вперёд руку и с гордостью напрягаю мышцы бицепса.

– Ну да, твоё назначение чуток затянулось. В отделе сплошная суматоха с этим Демоном. Сегодня будут принимать решение, передавать ли дело в ФБР. А если передадут, сама знаешь, какой нас ждёт рейтинг. Не справляемся и всё в таком духе.

– Кстати, по поводу Демона. Ты можешь не переживать! В клубе я была в абсолютной безопасности под надзором местных секьюрити! – выпаливаю с чересчур наигранной уверенностью.

– Да. Знаю, – вырывает на парковку перед зданием и останавливается на специально выделенном для него месте. Как никак начальник Департамента полиции.

Знает? Хм.

– Пап, напомни, как долго будет длиться мой испытательный срок? – семеню за ним на шпильках ко входу, пока он широким шагом преодолевает оставшиеся метры, на ходу накидывая пиджак. Хоть я и задавала этот вопрос несколько раз, ни разу не получила чёткого ответа.

– А тебе, я смотрю, только дай пострелять! – снова напоминает.

– Я что, зря училась в академии? У меня были высшие баллы по всем предметам! Да я на боевой подготовке уложила на лопатки стокилограммового парня! И всё напрас-

но? Только не говори, что это не женская профессия. Ты сам одобрил моё поступление!

Отец резко поворачивается ко мне так, что я чуть не врезаюсь носом в его грудь:

– Сказать честно?

Выжидающе пялюсь на него, скрестив руки.

– Я надеялся, что ты сама поймёшь, что это не твоё! Образуешься и выберешь что-то более... – запинаясь, бурно жестикулируя свободной рукой перед моим лицом, будто никак не может подобрать правильные слова для своей несмышлёной дочери, – более девчачье! Посмотри на себя! Я же вижу, как на тебя смотрят парни! Да ни один преступник тебя не воспримет всерьёз. Он, скорее, попросит твой номер телефона!

Нет, это просто возмутительно!

– А ты не пробовал взглянуть на это с другой стороны? Все агенты под прикрытием прикидываются не теми, кто они есть! Может быть, это огромный плюс в нашей работе? Я могу тебе доказать, но ты не даёшь мне ни малейшего шанса! Я не прошу о многом, пап! Я не прошу выдать мне пушку, чтобы гоняться за злодеями на патрульной машине! Но участвовать в расследованиях – это то, чему я хотела посвятить свою жизнь!

– Так, всё, Лили. Разговор окончен. Ты сама до конца не определилась, чем конкретно хочешь заниматься в полиции. Вот как раз стажировка и расставит всё по местам, – вски-

дывает своё запястье, чтобы посмотреть на наручные часы. – И мы уже опаздываем. Мне нужно познакомить тебя с моим заместителем, у которого ты будешь стажироваться.

– А он не станет просить у меня номер телефона? – специально цепляю его, потому что взбесил.

Раздражённо дёрнув плечом, папа отмахивается от меня, как от назойливого писклявого комара. Вот всегда так! Любые разговоры о работе перерастают в нашу ругань. Я бы давно устроилась в какой-нибудь полицейский участок и не зависела от покровительства отца, не будь в моей биографии одного пятна, которое не выведешь ни одним отбеливателем. А без малейшего опыта работы в полиции не видать мне достойной должности, как верблюду своего горба.

Из-за нашей перепалки даже не замечаю, как мы оказываемся в просторном помещении в стиле «Open Space», где за стеклянными перегородками уже вовсю трудятся десятки сотрудников. Шелест офисной бумаги, клацанье по клавиатуре, телефонная трель – всё это типичная для Департамента суета, а я будто попадаю в новое измерение. Глаза загораются от предвкушения, а фантазия делает тройное сальто! Ещё в академии обожала организовывать всякие мероприятия, которые сейчас модно называть «тимбилдингом». Ну это всё потом. Сначала надо познакомиться с моим «ненужентвой-телефон»-боссом. Подходим к двери с табличкой «Максимилиан Кроу, майор полиции». Ну и имечко... Мысленно представляю себе сморщенного старикашку, пока мой вос-

питанный отец трижды стучит в дверь, открывает её и пропускает меня вперёд. Я заранее натягиваю дежурную улыбку, которая улетучивается, как только наталкиваюсь на прищуренный взгляд уже знакомых пепельных глаз.

ГЛАВА 3 КРОВОПИЙЦА

Это что, шутка такая? Вопросительно взираю на папу, подходящего к столу, из-за которого ему навстречу уже выходит мой вчерашний «Агент 007». К слову, сегодня на нем джинсы и ослепительно белая рубашка с фривольно закатанными рукавами. И это мне отец вещал про дресс-код? Мы точно в департаменте полиции? Где его кобура с Глоком⁴, в конце концов?

– Доброе утро, Макс! – папа обменивается с ним рукопожатием, пока тот отвечает ему сдержанным кивком головы. – Лили, знакомься, это Максимилиан Кроу, старший следователь и мой заместитель. Он тебе тут все покажет и расскажет, объяснит, что входит в твои обязанности, а я пошёл к себе разбираться с отчётами. Увидимся! Целует меня в лоб и уходит.

Я стою, как изваяние, вцепившись в свою сумочку, пока мой мозг изо всех сил переваривает такой «сюрприз». Всегда считала, что у меня аналитический склад ума, но сейчас у меня такое чувство, словно мой разум распался на сотни фигурок игры «Тетрис», и они никак не могут сложиться в единый пазл. К счастью, он нарушает тишину сам:

– Ну, здравствуй, Скарлетт!

⁴ Glock считается одним из лучших сверхкомпактных пистолетов.

Моё имя, наконец, останавливает этот безумный хоровод в моей черепной коробке.

– Давай обойдёмся без прелюдий. Что всё это значит? – тычу в него своей сумочкой, всем своим видом выражая возмущение. Думаю, после вчерашнего уже нет смысла соблюдать правила этикета и субординации. – Наша встреча накануне была неслучайной?

– Очень даже случайной. Именно по воле случая я оказался вчера в этом дурацком клубе в роли няньки для дочери своего босса! – опираясь на край стола, демонстративно скрещивает ноги, будто заявляя: «В этом кабинете главный – я!».

На меня вдруг снизошло озарение.

– Так вот в чем дело! Ты следил за мной? – с папой я ещё поговорю. Мне уже 23 года, а он носится со мной, как курица с яйцом!

– Скорее, наблюдал, – его взгляд свысока заставляет меня чувствовать себя ещё меньше, чем я есть, поэтому выпрямляюсь, расправляя плечи (а заодно и нахмуренные брови), чтобы не показывать свою уязвимость.

– То есть ты прекрасно знал, что я не стриптизёрша Матильда?

– Знал, – да его невозмутимости можно только позавидовать! В отличие от него я едва ли не дымлюсь от негодования.

– Ну и к чему был весь этот цирк? – подхожу к нему на расстоянии двух шагов, применяя на практике принципы пове-

денческой психологии. Сократить дистанцию с оппонентом получается, а вот расположиться так, чтобы наши глаза были на одном уровне – уже нет. Не на стул же мне залезать, в самом деле! Он выше меня на голову.

– Ты нарушила мои планы, и я решил немного сбить с тебя спесь.

– В твоих планах было удушение посетителя клуба? Это ты на перекурах так развлекаешься?

– Во-первых, не курю. Во-вторых, заметил, как этот кре-тин делает закладку. Ну я его и вывел на свежий воздух на беседу! Всё шло нормально, пока не появилась ты! – теперь уже он тычет в меня указательным пальцем, как на провинившуюся ученицу.

– Что-то нянька из тебя не очень, раз ты оставил меня без присмотра! – хочется задеть его самолюбие.

– О, поверь, пока ты устраивала то шоу на сцене, ты была в полнейшей безопасности, – ухмыляется одним уголком рта.

Наверняка сейчас мои щёки переливаются всеми оттенками красного. Смущаюсь перед этим хамом, как маленькая девочка. Пока раздумываю, чем бы ещё отразить его нападки, замечаю, точнее не замечаю следы вчерашнего «боя»:

– Ты что, Эдвард Каллен⁵? Где шишка или хотя бы ссадина? – без тени смущения подхожу к нему, мягко беру его голову в свои ладони и верчу вправо и влево, рассматривая

⁵ Вампир. Один из главных героев серии романов «Сумерки» американской писательницы Стефани Майер.

то место, куда я попала каблуком. Вблизи различаю небольшой, едва заметный след. Он замирает от моих действий и смотрит с непониманием в мои глаза. Мы стоим настолько вплотную друг к другу, что я могу вдыхать его тёплое фруктовое дыхание. Опускаю взгляд ниже и замечаю небольшую горбинку на носу, потом ещё ниже – те самые губы. Боже, как давно у меня не было парня! Надо срочно что-то с этим делать. Помимо воли сглатываю, и, видимо, так громко, что он резко отстраняется, убирая мои руки от своего лица, быстро обходит стол и садится в своё кресло. Дорогое на вид, кстати.

– Лёд и волшебные руки знакомого визажиста творят чудеса, – отвечает довольно сухим тоном.

Хмурюсь, скрещивая руки в защитной позе. Хорошо, что меня сейчас не видит миссис Абрамс, наш преподаватель по криминальной психологии. «Эдвард» (да, теперь буду в мыслях называть его только так) наверняка читает меня, как открытую книгу. Мне показалось, или он недвусмысленно прочертил невидимую границу между нами? Пусть не беспокоится! Не в моих правилах кому-либо навязываться. Боже, пусть мой кабинет будет в другом конце здания.

Откашливаюсь, чтобы привлечь его внимание, потому что он что-то печатает на клавиатуре, уставившись в монитор, и делает вид, что я здесь – пустое место. Дожидаюсь, когда он поднимет на меня вопросительный взгляд, и спрашиваю:

– Ну, и где мой кабинет?

«Эдвард» откидывается на спинку кресла, убрав руки за

голову, и со злорадной ухмылкой выдаёт:

– Твой кабинет? Для Вашего Высочества у меня приготовлен особый трон! – и небрежным кивком показывает куда-то влево. Прослеживаю за его взглядом и вижу небольшой пластиковый стол со стулом. Знаете, как в дешёвых придорожных забегаловках. Ни компьютера, ни письменных принадлежностей. Да я даже мусорной корзины не удостоилась!

Вовремя подбираю свою отвисшую челюсть, чтобы не упасть в грязь лицом окончательно, и с осанкой королевы направляюсь к своему рабочему месту. *Спасибо, папочка! Если таким способом ты решил отбить у меня охоту к этой работе, ты глубоко ошибаешься! Посмотрим, кто кого!*

Сажусь на стул, закидывая ногу на ногу, и решаю поиграть на нервах у своего босса, раз уж заняться всё равно нечем. Начинаю постукивать ногтями по столу и, пользуясь предоставленной возможностью, бесстыдно разглядываю парня. На вид ему не больше тридцати, как бы он не старался своим хмурым видом прибавить себе возраст. И ещё... Просто непростительно иметь такую внешность, честное слово! Такое ощущение, что, когда Господь при рождении раздавал всем достоинства, маленький Макс расталкивал локтями очереди из малышей, чтобы оказаться везде первым. Идеальная форма бровей, выразительные серые глаза, красивый нос, слегка вздёрнутый подбородок – он, чёрт возьми, весь настолько пропорциональный, что меня это даже раздражает. Хотя... Внешность может быть и обманчива. Как гово-

рится, не суди конфету по обёртке! Эх, ну как же хочется её попробовать.

Он так рьяно что-то печатает, что рукава рубашки слегка натянулись, давая насладиться рельефными мышцами его загорелых рук. Вдруг вспоминаю его слова о волшебных руках визажиста и чувствую непонятно откуда взявшийся укол ревности. Я его знаю всего пять минут, а уже напридумывала себе Бог весть что! Это все Мел со своими играми и пари.

– Ты издеваешься? – раздражённый голос босса вырывает меня из мыслей.

Вскидываю бровь в немом вопросе, не прекращая свою монотонную игру пальцами по столу, а сама ухмыляюсь, понимая, что мой план начинает работать.

– Ты отвлекаешь меня от важной работы! Займи себя чем-нибудь! Ногти покрась, сходи носик свой припудри или чем там обычно занимаются такие, как ты? – его серые глаза, которые при первой встрече мне казались тёплой дымкой, сейчас отливают холодным металлом.

– Это какие «такие»? – даже обидно становится. Неужели отец прав, и я произвожу впечатление недалёкой Барби?

– Скарлетт, я пошёл навстречу твоему отцу, потому что он мой босс, – вздыхает, проводя рукой по волосам. – Давай не будем осложнять друг другу жизнь, и ты просто будешь сидеть тише мыши?

– Так дело не пойдёт! Я надеялась, что эта стажировка даст толчок к моей будущей карьере криминалиста. А ты

предлагаешь просто протирать здесь штаны?

– Ты ведь не отстанешь, да?

И не надейся.

Отрицательно качаю головой, совсем сникнув. Не этого я ожидала от сегодняшнего утра.

– Ну хорошо! – недовольно поджимает губы и поднимает ладони вверх, сдаваясь. – Начнём с малого! Посиди здесь немного, я сейчас.

Быстро что-то печатает на клавиатуре, отчего монитор гаснет, и уходит. Пароль? Ответственный значит.

Пока его жду, подхожу к окну возле его стола, чтобы полюбоваться видом. Но любоваться, как оказалось, нечем. Отсюда хорошо просматривается только парковка. И как раз в этот момент к зданию подъезжает красная Opel Corsa, чем привлекает моё внимание. Из машины выходит эффектная рыжеволосая девушка в стильном деловом костюме. Солнечные очки не позволяют оценить её внешность как следует, но я буквально давлюсь от зависти при виде её длинных стройных ног. Сделав пару шагов в сторону здания, девушка резко останавливается, будто что-то забыв, снова подходит к своей тачке, наклоняется к боковому зеркалу и красит губы. Интересно... Она тут работает?

– Соскучилась? – поворачиваюсь на голос Кроу и вижу, как он спиной открывает дверь, потому что его руки заняты такой гигантской стопкой папок, что он её придерживает подбородком! – Садись, Скарлетт. Я нашёл для тебя кучу

работы.

Я в растерянности сажусь на свой стул, пока он сооружает перед моим лицом чёртову Пизанскую башню!

– И что это? – по моему хмурому виду он должен понять, что такой расклад меня не устраивает.

– У нас недавно был переезд архива, и один криворукий статист уронил стеллаж с делами. Теперь они все перепутаны. У тебя ответственная задача – разложить их по своим местам в хронологическом порядке, – этот красивый до невозможности гад смотрит на меня сверху, облокотившись на вершину бумажной горы, и довольно улыбается.

– Да я это всё даже за месяц не разгребу!

– А кто сказал, что это всё?

Не дожидаясь моей реакции, разворачивается и уходит, судя по удаляющимся шагам, к своему столу, так как я ничего не вижу перед собой, кроме мелкой ряби из бумажных слоёв. Он специально забаррикадировал меня, чтобы не видеть моё лицо? Настроение портится окончательно, и в тот момент, когда мне кажется, что этот день уже не может быть хуже, слышу, как без стука открывается дверь, и раздаётся мелодичный женский голос:

– Привет, Макс! Как делишки?

Выглядываю из-за кипы папок, едва не теряя равновесие, и узнаю в этой девушке ту самую рыженькую. Помещение наполняется приторным запахом духов Шанель Мадемуазель, и я морщу нос, потому что этот аромат ассоциируется с го-

ловной болью и нашей ворчливой соседкой снизу. Она при-
саживается на край стола и лучезарно улыбается этому за-
сранцу. И что вы думаете? Он искренне улыбается ей в ответ.

– Лучше всех! Как раз ждал тебя.

– О, правда? – Узнаю этот загоревшийся взгляд.

– Да. У меня теперь есть стажёр. Поможешь ей освоиться?

Представь её ребятам, покажи, где туалет и комната отды-
ха, – слышу его неожиданно мягкий голос, будто он и правда
беспокоится обо мне, а не хочет поскорее избавиться.

– Вот как. – Скрещивает руки. Недовольна. Она что, жда-
ла приглашения на утренний кофе? – И где она?

Он слегка кивает в мою сторону, и она озадаченно пово-
рачивает голову в указанном направлении, а я, включив все
своё обаяние, машу ей рукой и чересчур дружелюбно здоро-
ваюсь, растягивая гласные:

– Приветик!

– Ой, прости! Не заметила тебя, – смущённо улыбнув-
шись, она соскакивает со стола и подходит ко мне. – Я – Кейт,
а ты ... – делает паузу, чтобы я сама закончила этот ритуал
вежливости.

– Лилиан, но ВСЕ зовут меня Лили, – специально делаю
ударение на слове «все» и слышу знакомый смешок по дру-
гую сторону баррикады.

– Ну что, пойдём, пока тебя тут не накрыло лавиной из
бумаги? – с облегчением встаю со своего «трона» в надежде,
что её доброжелательный тон не окажется обманчивым.

ГЛАВА 4 МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

Прошло больше двух недель с начала моей стажировки, и всё, чему я научилась на данный момент, это готовить отменный кофе для своего босса. К его удивлению, ту башню я разобрала дней за пять, попутно изучая заинтересовавшие меня следственные дела. Особенно меня тронула история мужчины, которого подозревали в убийстве своей жены. Её нашли в ванной с травмами головы и несколькими переломами. Казалось бы, классический случай! Убийство на бытовой почве. Но в ходе следственного эксперимента, детального обследования места преступления и допроса подозреваемого, который, к слову, отрицал свою причастность, причина смерти оказалось до невозможного глупой! Как выяснилось, замок в двери ванной был неисправным, и его можно было открыть снаружи, но нельзя – изнутри. Несчастная оказалась запертой в ванной без средств связи с внешним миром, и она не придумала ничего лучше, как сесть на край ванны и пинком выбить дверь, но та оказалась настолько прочной, что женщину отрикошетило. Она упала в ванную и ударилась головой, по пути сломав позвоночник. Мгновенная смерть. Да уж... *Не всегда то, что кажется очевидным, является таковым на самом деле.*

Я была под таким впечатлением, что босс даже поинтересовался, не заболела ли я, так как он оглох от звенящей ти-

шины в кабинете. Ещё бы! Я же на протяжении нескольких дней доставала его вопросами по поводу текущих разбирательств. Особенно меня интересовал Демон, дело которого все-же оставили в Департаменте. Конечно, он так и не посвятил меня в подробности, но кое-что я все-таки узнала благодаря Мэгги, секретарю отца. Эта милая и, на мою удачу, болтливая толстушка лет пятидесяти между делом поведала мне о том, что у Макси (так ласково она его называет) детей нет и он не женат ни на ком, кроме своей работы. Нет, ну правда, о чем мне ещё спрашивать, если к следствию все равно не подпускают? Так вот, по результатам осмотра места, убийства девушек совершались не там, где их находили, что ещё больше усложняло ведение дела. Получается, убийца подкидывал труп уже в «готовом» виде, если можно так выразиться. Странная тактика. Почему бы не закопать её в глухом лесу или не выбросить в реку с камнем на шее? Очевидно, он устраивает для кого-то представление. Комплекс Бога?

До жути интересно покопаться в этом деле, поэтому стараюсь завоевать доверие своего секси-начальника, послушно выполняя его мелкие просьбы вроде «Включи кондиционер, Скарлетт!» «Наточи карандаш, Скарлетт!». Особенно услужливой я стала после того, как Кейт Лоуренс уехала в командировку и перестала радовать нас своим вниманием. Мало того, что эта вертихвостка работает здесь младшим следователем, играя важную роль в раскрытии преступле-

ний, так ещё мелькает тут без конца своей рыжей гривой.

Вот надо же вспомнить её, держа в руках карандаш с точилкой. Я крутила его с таким усердием, что сломала стержень.

– Надеюсь ты не мою голову представляла, пока точила этот несчастный карандаш? – раздаётся над ухом приятный баритон. Вздрагиваю от неожиданности, потому что, стоя спиной к двери, даже не заметила, как он вошёл. Его голос рождает уже привычный табун мурашек, и где-то в животе начинают щекотать своими крылышками радостные бабочки, потому что без него в кабинете совсем грустно.

– Твоя голова мне ещё пригодится для отработки меткости, – хитро улыбаюсь, вспоминая вечер нашего знакомства.

У него, по всей видимости, хорошее настроение, потому что он ухмыляется и, как ни в чем не бывало, берёт со стола мою кружку с кофе, отпивает из неё, не отрывая от меня взгляда, и говорит то, что хотелось услышать ещё в первый день моего появления в этом здании:

– Собирайся, едешь со мной.

Не веря своему счастью, хватаю сумочку со спинки стула, и иду на выход, пока Макс придерживает для меня дверь. *Ещё и воспитанный, зараза.* И да, наши отношения несколько потеплели, поэтому я переименовала его в Макса.

За все дни, что тут работала, так и не увидела, какую машину он водит. Когда я приходила на работу, Макс уже был

здесь, а когда уходила – ещё был здесь, поэтому горю нетерпением, когда он на ходу нажимает кнопку на электронном ключе. Поворачиваю голову в сторону прозвучавшего сигнала разблокировки и что я вижу? Ну конечно! На чем же ещё могут ездить такие brutальные красавчики! Пока иду к пассажирской двери, смотрю на его Lexus LS500 цвета мокрого асфальта и не могу налюбоваться.

– Нравится? – спрашивает с нескрываемым самодовольством.

– Очень. Ты удивишься, когда узнаешь, о чем я подумала, увидев тебя впервые.

– Неужели о единорогах? – улыбается, пока мы трогаемся с места.

Не могу не захихикать.

– Извини меня за тот каблук. Это первое, что пришло мне в голову, когда увидела тебя в роли нападавшего. – Откидываюсь на спинку комфортного сиденья, вытягивая ноги вперёд. В салоне вкусно пахнет его парфюмом, действующим на меня словно афродизиак. *Очень вовремя, Лили.*

– Ну и о чем ты подумала? – оставляет без внимания мои извинения, сосредоточившись на дороге. Судя по указателям, мы едем в сторону Майами Бич.

– У нас с подругой есть забавное развлечение. Когда мы находимся в общественном месте, нам нравится составлять портрет человека по его манерам, одежде, внешнему виду. И заключаем пари. Тот, кто проигрывает, выполняет желание

победившего, – делаю паузу, чтобы он сам догадался, к чему я веду.

Макс бросает на меня озадаченный взгляд, говорящий: «Продолжай!».

– Ты выделялся из толпы своим недосыгаемым и мрачным видом. В клуб приходят отдохнуть, а ты стоял на одном месте, будто кого-то ждал или искал. Ну я и подумала, что ты выглядишь, как типичный водитель дочери какой-то важной шишки. Кстати, Мелисса предположила, что ты телохранитель! Надо же, она была почти близка к истине, – задумчиво смотрю в окно, пока едем по бульвару Бискейн вдоль высоченных пальм, будто замерших на холсте художника. Сегодня ни намёка на ветер. Ещё нет и полудня, а воздух уже прогрелся до 29 градусов. Сейчас бы на пляж...

– Что-то не очень из тебя сыщик, раз не смогла угадать, кто я, – практически дублирует мою фразу про няньку, брошенную в нашу вторую встречу. Нет, он сговорился с отцом? Мои щеки мгновенно вспыхивают от негодования.

– Я только учусь! Можно подумать, ты вылетел из утробы матери рукой вперёд, как супермен, да ещё и держа в руках пистолет!

Макс резко запрокидывает голову назад и начинает хохотать. Хорошо, что мы стоим на светофоре, а то уже прокатили бы какого-нибудь несчастного прохожего на капоте. Он смеётся настолько заразительно, что я в ту же секунду забываю о своих обидах и тоже начинаю улыбаться.

– Скарлетт, ты сводишь меня с ума! – переводит дыхание, чтобы успокоиться. – Расскажешь, почему ты всем представляешься как Лилиан?

Улыбка исчезает с моего лица, но здесь нет никакого особого секрета, как он мог бы подумать, поэтому решаю рассказать.

– У меня двойное имя: Скарлетт Лилиан Батлер. Моя мама была поклонницей «Унесённых ветром»... – не договариваю, так как слышу довольный смешок, и кошусь на него. – Да, ты попал в точку в тот вечер! – слегка толкаю его в плечо, чтобы не смеялся надо мной, и продолжаю: – Так вот, когда она вышла замуж за Джона Батлера, а потом у них родилась я, она посчитала это знаком судьбы. Мама всегда верила, что имя определяет характер человека, поэтому хотела, чтобы я стала такой же смелой, упёртой, гордой и свободолюбивой, как Скарлетт О’Хара. Бьюсь об заклад, в её мечтах я должна была в будущем выйти замуж за чувака по имени Ретт, – невольно улыбаюсь, вспоминая свою мечтательницу-маму. – Папе, наоборот, это имя не нравилось. Когда он взял меня на руки, сказал, что я похожа на ангела и мне больше подходит что-то нежное и цветочное. В общем, как ты понял, они нашли компромисс, дав мне двойное имя. Мама называла меня Скарлетт, папа и все остальные – Лили, а когда мамы не стало, в первом имени отпала необходимость. Вот и вся история.

– Отчего она умерла? – мне нравится, что он не опускает-

ся до банального «мне жаль». Макс вообще не такой, как все.

– Рак. Мне было пятнадцать, и родители долгое время скрывали от меня болезнь мамы, за что я до сих пор виню отца. Если бы я знала, что нам отведён такой маленький срок, я бы проводила с мамой гораздо больше времени, а не трепала ей нервы своими школьными проказами.

– А как вы оказались в Майами?

– Выстрелила в своего бывшего, – пожимаю плечами с таким невозмутимым видом, будто я только и делаю, что стреляю на завтрак, обед и ужин.

Он переводит на меня наигранно ошарашенный взгляд:

– Да ты страшный человек! – я бы обиделась, если бы не смешинки в уголках его глаз, выдающие его истинное отношение к этой истории.

– О, я его ещё пожалела! Когда я узнала, что Джейсон изменяет мне, стащила у папы табельное оружие и пошла к этому подлецу в надежде отстрелить его проклятые бубенцы. Пока поднималась на лифте в его квартиру, состояние аффекта меня слегка отпустило, и я решила просто его напугать. Он открыл дверь, я выстрелила в бедро в области паха и пошла домой. Осознание того, что я натворила, пришло чуть позже, когда к нам нагрянула полиция и арестовала меня. С сыном сенатора шутки плохи, знаешь ли.

– Ты выстрелила в сына сенатора? – с осуждением качает головой.

– То есть в сына сенатора нельзя, а в сына библиотекаря

уже можно? – отворачиваюсь к окну, не желая продолжать беседу. – Все равно я ни о чем не жалею, он заслужил. Единственное, кого мне жаль, так это отца, который бросил все ради меня. – Кроу не удостоивает меня ответом, и снова надевает маску, не выражающую никаких эмоций. Человек-загадка, ни дать ни взять.

Весь оставшийся путь проводим в тишине, если не считать музыки, доносившейся из динамиков. Пытаюсь сохранять равнодушие, но получается с трудом, потому что рука Макса, лежащая на руле, все время притягивает мой взгляд. Ещё будучи подростком, в одном модном женском журнале прочитала, что по манере вождения можно сделать вывод о том, каков человек в постели. Есть что-то завораживающее в том, как он удерживает руль одной ладонью, виртуозно вращая им на поворотах. Фантазирую, что ещё он может вытворять своими красивыми руками, и тут же вспыхиваю, ужасаясь своей реакции, тем более что ни о какой взаимности с его стороны и речи нет. Со мной он по большей части холоден и неприступен, а я просто соскучилась по мужскому вниманию. Надо будет выбраться с девчонками куда-нибудь развлечься. Клуб Джиллиан временно закрыли, пока идёт предварительное следствие, и она теперь только и делает, что капает мне на нервы своими причитаниями. Ей тоже не мешало бы отвлечься.

Макс тормозит возле студенческого кампуса, и я кидаю на него вопросительный взгляд. Он наклоняется ко мне, опер-

шишь на подлокотник между нашими сиденьями так, что наши лица оказываются в считанных сантиметрах друг от друга. У меня сбивается дыхание, потому что на секунду кажется, что он сейчас меня поцелует, но вместо этого он заговорщицким тоном шепчет, словно нас кто-то может услышать:

– Лили, ты рвалась в бой, и я решил, что ты отлично справишься с этой миссией.

Он назвал меня Лили.

– С какой ещё миссией? – таращусь в окно на кучку студентов, оживлённо о чем-то беседующих и то и дело взрывающихся хохотом.

– Ты снова станешь студенткой.

ГЛАВА 5 ДЕВОЧКИН ДЕНЬ

Я ещё не поняла, радоваться ли новости, озвученной Максом. Он рассказал мне в общих чертах о том, что известно полиции на данный момент: все жертвы – студентки Университета Майами, и по всем признакам они подверглись ритуальным убийствам. О подробностях он мне обещал поведать в понедельник, когда я приму решение.

Бойся своих желаний, как говорится. Мечтала же поучаствовать в деле Демона? Получите – распишитесь.

После круга почёта по необъятной территории кампуса с несколькими учебными корпусами и общежитием, которое больше походило на студенческий городок, он довёз меня до дома, сказав, чтобы за выходные я как следует всё обдумала. Наша «специальная операция» будет секретной, а значит, я должна буду придумать легенду, в которую поверят все. Ну или почти все, потому что о моей работе под прикрытием будут знать несколько человек: Макс, мой отец, ректор университета, который с радостью пошёл на сотрудничество с нами, и... барабанная дробь: Кейт!

– Ты никак не тянешь на свои двадцать три. Ты миниатюрная, красивая, общительная, быстро найдёшь контакт с местной элитой, а значит, сможешь раздобыть ценную информацию, – при виде моих зардевшихся щёк он прочистил горло и добавил: – Кейт так считает.

Кейт значит. Мысленно бью себя по голове, желая провалиться сквозь землю от своей наивности и глупости. Комплименты и те делает девушка, с ума сойти!

Ближе к вечеру мне надоедает ходить из угла в угол, заламывая пальцы от нервов, и когда смарт-часы оповещают о том, что я превысила установленный минимум шагов, решаю отнестись к этому заданию, как к приключению. Не зря же кто-то мудрый однажды сказал: «Если не можешь изменить ситуацию, измени к ней отношение». Ситуацию я изменить могла бы, отказавшись от этой авантюры, да вот хочу ли? Конечно нет! Несмотря на обещание подумать, я уже в машине Макса знала, каким будет мой ответ «да». Просто есть одно большое, а точнее размером с Гранд-Каньон «но»: я абсолютно не умею врать. А именно этим мне придётся заняться уже в ближайшие часы. Джилл должна вот-вот вернуться из SPA-центра, а Мел обещала приехать, как только Крис, её муж, вернётся с работы, чтобы заступить на свою смену «почётного караула». Вопреки своей brutальной внешности плейбоя он отличный семьянин и с радостью отпускает свою молодую жену проветриться в «девочкины дни», вот как сегодня.

– А вот и я! – поворачиваюсь на радостный вопль Джилл, которая ногой закрывает за собой дверь, потому что обеими руками прижимает к себе ... щенка. Подхожу ближе, завожённая его испуганными глазами-бусинами, и осторожно потрепав за ушком, наблюдаю смену его настроения: он на-

чинает рьяно облизывать мои пальцы и так неистово вилять хвостиком, что он превращается в пропеллер. Улыбаюсь в умилении.

– Где ты его взяла? – поднимаю взгляд на подругу, не прекращая тискать это милое создание.

Джилл перекладывает его в мои руки и, на ходу скидывая туфли, направляется к холодильнику:

– Не поверишь! – делает паузу, пока достаёт бутылку с молоком и наливает в тарелку. – В мусорном баке!

Мои брови шокированно взлетают вверх, потому что мусорный бак и Джилл – это как лёд и пламя, как пиво и водка, как торт и тонкая талия – в общем, понятия несовместимые. Чтобы понять весь масштаб её брезгливости, нужно заглянуть в её сумочку: в ней обязательно будут одноразовые накладки на унитаз, антисептик для рук и даже дезинфектор в виде спрея, из которого она орошает все поверхности, к которым может прикоснуться.

Присаживаюсь на корточки, чтобы опустить щенка на пол к заветной миске, и только сейчас замечаю на джинсах Джилл грязные пятна, да и пахнет от неё как-то ... как в туалете на заправке.

– Ты что, шарилась в помоях на коленках? – выпрямляюсь, морща нос, и не могу сдержать смех, потому что я знаю Джилл со школы, и она впрямь меня удивила. Я даже не была так удивлена, когда через два дня после моего переезда в Майами она заявила ко мне с чемоданами со словами:

«Ты без меня не выживешь!». Вот так и живём вместе уже полгода.

– Пфф... – закатывает глаза. – Это ещё не самое интересное! – Закидывает в рот виноградинку и без намёка на отвлечение начинает стягивать с себя шифоновый топ, а следом и джинсы, оставляя их лежать на полу жалкой кучкой.

– Когда я откопала Бинго... – прерывает свою речь, увидев в моих глазах немой вопрос. – Да, я уже дала ему имя! – переводит влюблённый взгляд на этого чудика, который уже поел и начал осматривать своё жилище. – Это было первое, что я прокричала, когда нашла его среди мусорных мешков, использованных презервативов и протухшей еды. – Словно опомнившись, она открывает воду и начинает с остервенением намывать руки. – Господи, я делаю это уже десятый раз! – со вздохом поворачивается ко мне и продолжает:

– Откопав Бинго, я поняла, что не могу самостоятельно выбраться из бака с щенком в руке, да ещё, как по закону подлости, у меня разрядился телефон, поэтому мне пришлось звать на помощь, – вздыхает и мечтательно возводит глаза к потолку. – Ты бы видела парня, который меня спас, Лили! Он вышел из машины, стоявшей неподалёку, и достал меня из бака так, будто я ничего не вешу! У него такое тело!

– Стоп-стоп, Джилл! Ты уже видела его тело?

– Ну как видела. Скорее, представила! Не цепляйся к словам, а?

– Океей, так что было дальше? Он, как принц из сказки,

донёс тебя на руках до двери квартиры? – стягиваю плед с дивана, чтобы соорудить из него лежанку для Бинго.

– Ха, ха и ещё раз ха! Нет, сначала мы вместе посмеялись над этой ситуацией, а потом он предложил мне заехать в ветеринарную клинику, чтобы осмотреть щенка. Видишь, он даже ошейник ему купил?

Смотрю на Бинго и действительно замечаю ошейник.

– Да... Не перевелись ещё рыцари! – улыбаюсь. – А если учесть, что он терпел твой неповторимый аромат, то по шкале от 1 до 10 он сразу получает 11 баллов!

В этот момент раздаётся тихий стук в дверь, и я спешу её открыть, пока Джилл убегает по-быстрому принять душ.

Никак не ожидаю увидеть заплаканное лицо Мелиссы. Обычно первое, что я замечаю, когда она приходит в девочкин день, это её протянутую руку с бутылкой шампанского. Я даже не успеваю спросить «что случилось?», потому что она, рыдая, кидается мне на шею, и в перерывах между всхлипами мне удаётся разобрать: «Кажется, Крис мне изменяет».

– Итак, что мы имеем... – с бокалом вина в левой руке Джилл начинает по порядку загибать пальцы правой. – Он стал позже возвращаться с работы, у вас стало меньше секса, и вишенка на торте: ты увидела у него в телефоне SMS от некой Эбби с текстом: «Завтра в 18.00».

Мел, которая всё это время лежала головой на моих коле-

нях, снова начинает всхлипывать.

– Девочки, не могу в это поверить. Не могу поверить, что живу с лжецом, который каждое утро целует меня, пока думает, что я сплю, который заботливо подсовывает под меня одеяло, чтобы я не замёрзла. Что это за волк в овечьей шкуре? – закрывает лицо ладонями и снова начинает содрогаться от рыданий. Мы с Джилл переглядываемся, потому что, с одной стороны, ни одна из нас не верит в измену Криса, а с другой – мы обязаны поддержать её саму.

Начинаю ласково перебирать её каштановые волосы, чтобы хоть как-то успокоить, и не могу не задать главный вопрос:

– А ты пробовала у него прямо спросить, что это за Эбби?

Мел переводит на меня взгляд, слегка опьяневший после двух бокалов:

– Я не могу. Мы всегда уважали личное пространство друг друга. Если он узнает, что я залезла в его телефон, я опущусь в его глазах.

Джилл прыскает.

– Мел, из личного пространства он вышел в тот момент, когда надел на тебя кольцо. Что за бред? По-моему, нет ничего проще подойти и спросить прямо, чем изводить себя ревностью и, возможно, беспочвенными подозрениями.

Мелисса приподнимается и усаживается на диван, подогнув под себя ноги. Такой печальной я не видела её ещё ни разу. *Ни за что не выйду замуж! Если даже такой идеаль-*

*ный Крис оказался козлом, то что говорить о других, особенно тех, к кому, как пиявки, клеятся всякие рыжие бес-
тии?*

– Завтра мы должны были поехать к родителям Криса, и как раз после этого проклятого SMS он сказал, что наши планы меняются, так как у него важная встреча по работе. – Она берёт свой бокал и залпом его выпивает. – Завтра же соберу его чемоданы! Пусть валит к своей Эбби!

– Так, притормози, детка! – Джилл подливает ей новую порцию и, поигрывая бровями, предлагает: – Почему бы нам немного не поиграть в шпионов?

В глубине души мне стыдно перед Мел, но я впервые радуюсь такому неожиданному повороту, который приобретает сегодняшний день. Потому что мне не пришлось врать. Пока не пришлось.

ГЛАВА 6 ШПИОНСКИЕ ИГРЫ

– Лили, а ты не могла взять отцовскую машину напрокат? Мы серьёзно будем шпионить на твоём светлячке? – Джилл, по закону жанра одетая в чёрные леггинсы, чёрную футболку (видимо, для чёрной косухи в Майами слишком жарко) и чёрные ботинки, приспускает свои солнечные очки, недоверчиво косясь на мой подуставший Chevrolet Spark василькового цвета, который я как раз забрала после ремонта.

– Чем тебе не угодила моя крошка? Ты в курсе, что чем заметнее машина, тем меньше она вызывает подозрений? К тому же, Крис не знает, что у меня за тачка! – и с вызовом несколько раз выжимаю педаль газа, чтобы показать, на что способна моя «старушка».

– Ладно-ладно! Сдаюсь, – машет на меня рукой, усаживаясь на соседнее сиденье, и начинает сканировать меня своим карим взглядом. – Ты что, собралась на детский утренник?

Да, на мне короткое лёгкое платье с россыпью вишенок, но и на улице сегодня почти +35!

– Ну прости, что не вырядилась, как Лара Крофт! – подмигиваю с издёвкой, а сама улыбаюсь, потому что в крови начинает бурлить адреналин от предвкушения.

Такое же состояние у меня было в детстве, когда мы с родителями на мой день рождения отправились в Диснейленд. То чувство, когда до запуска поезда американских го-

рок остаются считанные секунды, сердце сначала бешено колотится где-то в районе горла, а потом резко ухает вниз, когда тело начинает то парить в состоянии невесомости, то прижиматься к спинке сиденья с невероятной силой. Пожалуй, я всегда была немного повёрнутой на острых ощущениях. В том незабываемом путешествии я впервые побывала в Калифорнии и влюбилась в местный климат, зелёные пальмы, залитые солнцем проспекты. Мне казалось, что даже жители там улыбочивее, чем в хмуром Нью-Йорке, в котором из-за небоскрёбов и солнца видно не было. Ещё тогда я про себя подумала: «Вот бы жить в таком месте!» Забавно, но моё желание исполнилось, пусть и в несколько извращённой форме. И на другом конце континента.

Тут по радио начинает играть песня «Policeman⁶» в исполнении Евы Симонс. Готова поспорить, мы с Джилл думаем об одном и том же, и она подтверждает мои мысли своим вопросом:

– Кстати, как там твой горячий коп? – мне не очень нравится разговаривать на эту тему, потому что всякий раз, когда думаю о Максе, у меня непроизвольно начинают гореть щеки, выдающие меня с потрохами. – Ой-ёй... Лиииил! – картинно тянет подруга.

– Нечего говорить, – бросаю взгляд в боковое зеркало, якобы оценивая дорожную обстановку, а на самом деле, чтобы скрыть своё разочарование. Или, может, всё-таки лучше

⁶ В переводе с английского языка «полицейский».

выговориться, чем держать эмоции в себе? – Меня тянет к нему, Джилл. Не понимаю, что со мной происходит. Ты же знаешь, мне всегда нравились смазливые блондины-качки, которые любили целовать свои бицепсы больше, чем меня. А он... Такой мужественный, умный, неприступный, загадочный. То он серьёзный и холодный словно ледяная глыба, то милый и даже игривый, – запинаясь, потому что чаще он игривый больше с Кейт, чем со мной.

– Слушай, ну и забей на него! Вообще от этих мужиков одни проблемы. Посмотри, что происходит с Мел! А мой вчерашний спаситель, – переводит печальный взгляд в окно, – так и не позвонил. Наверное, взял номер телефона ради приличия.

Джилл обречённо пожимает плечами, а потом резко откидывает солнцезащитный козырёк, рассматривает своё отражение в зеркале, взбивая распущенные волосы, и заявляет (больше себе, чем мне, видимо):

– Всё, решено! На ближайшее время моим единственным мужчиной, которому я отдам всю свою любовь и заботу, будет Бинго.

Закатываю глаза, потому что сейчас в ней говорит задетое самолюбие. Понимаю её, как никто другой. Ну вот почему меня не привлекает молодой офицер Хью, который ежедневно оставляет на моём столе Сникерс, и каждое утро поджидает меня у входа, чтобы услужливо открыть дверь? Даже детектив Коллинз, старый извращенец, не может оторвать свой

липкий взгляд от моей груди, когда бы я не проходила мимо. И только для одного единственного человека в здании я не более, чем сотрудница. Лишь однажды я поймала его на разглядывании своей персоны. Этот мимолётный эпизод произошёл в тренажёрном зале, оплачиваемом Департаментом.

Уже почти час бегу без остановки под подбадривающий ритм музыки из моих наушников. Обожаю эту эйфорию, вызываемую борьбой со своей слабостью, когда кажется, что сердце вот-вот выскочит из груди, где-то под рёбрами начинает покалывать, потому что я не уделила разминке должного внимания, и моя кровь попросту не успевает разогнаться по организму, но вдруг сердце выравнивает свой ритм, в теле разливается тепло и я улыбаюсь... Улыбаюсь, потому что преодолеваю эту пиковую нагрузку, и благодаря выбросу эндорфинов у меня открывается второе дыхание.

Смотрю на себя в зеркале напротив и безумно горжусь собой. «Трудно победить человека, который никогда не сдаётся» – пожалуй, эта надпись, которую увидела сегодня на стаканчике с кофе из Старбакс, теперь будет моим девизом по жизни. В этот момент начинаю чувствовать жжение на своём затылке от чьего-то пристального взгляда. Не прерывая бег, через зеркало начинаю искать «объект» и нахожу его. Макс, одетый в белую футболку и спортивные шорты, делает вид, что слушает подошедшую к нему девушку, а сам не отрывает от меня глаз. Почему он так смотрит? Почему не отводит взгляд, как это обычно быва-

ет? Не знаю, сколько бы продолжалась эта игра в гляделки, если бы я случайно не оступилась. Моё падение было бы фере-ричным, если бы не страховочный трос беговой дорожки, прицепленный к моим леггинсам! Чувствую крепкий захват на своей талии и в изумлении оборачиваюсь:

– Ты в порядке? – спрашивает Макс, обеспокоенно раз-глядывая мои ноги.

Расплываюсь в очаровательной улыбке:

– Нет, ты точно Эдвард Каллен! Как ты смог так быст-ро подбежать ко мне?

Он одаряет меня ответной улыбкой с ямочками, кото-рые, как я успела заметить за эти дни, показываются, только если он улыбается искренне.

– Не одна ты занимаешься бегом, – подмигивает.

Он что, заигрывает со мной? Или мне показалось?

Продолжая удерживать меня, он опускает взгляд к лож-бинке на моей груди и медленно возвращается к моим гла-зам. Молча смотрит несколько секунд, а потом резко от-страняется, будто очнувшись.

Показалось, значит.

– Привет, девочки! – вздрагиваю от голоса Мелиссы, и мне приходится встряхнуть головой, чтобы туман моих вос-поминаний рассеялся, и я снова начала трезво мыслить.

Мы договорились подобрать её возле кофейни на Оушен драйв недалеко от жилого комплекса, в котором жила Мел. Она ещё утром отвезла детей к своей маме, а Крису сказала,

что проведёт день с нами, раз их «планы изменились».

Оборачиваюсь, чтобы рассмотреть её и не могу не удивиться:

– Вы что, сговорились с Джилл?

Она вся в чёрном, длинные волосы собраны в высокий хвост, чего она обычно никогда не делает, губы накрашены алой помадой, и завершает образ макияж «смоки айс». Джилл присвистывает, а Мел стервозно ухмыляется:

– Что бы мы сейчас ни выяснили, я должна выглядеть так, чтобы утереть нос этой сучке. Не зря же два часа в салоне проторчала!

– Дай пять, крошка! – Джилл с Мелиссой обмениваются приветственным хлопком ладоней, пока я завожу двигатель. Ведут себя, как дети, ей Богу.

Дожидаемся, пока Крис выходит из дома и садится в свой чёрный BMW. Чтобы не вызывать лишних подозрений держимся в трех машинах от него, направляясь в сторону побережья. Подмечаю, что он не особо торопится к своей любовнице, но не произношу этого вслух, дабы не давать Мел никаких ложных надежд.

Когда проезжаем мимо многострадального клуба «Elleven», Джилл оживает:

– Наконец-то с понедельника выхожу на работу! Вчера босс звонил, сказал, что убийство девушки не имеет никакого отношения к клубу, и мы можем спокойно работать дальше. Уфф... Такой камень с души упал, честное слово! Лили,

а ты в курсе подробностей? Следователи напали на его след или как? – выжидательно смотрит на меня, и я понимаю, что сейчас самый подходящий момент, чтобы сообщить им новость.

– Тут такое дело, – прочищаю горло, прилагая все усилия, чтобы не покраснеть, – вы были правы, когда говорили, что полиция – это не моё, и я решила не терять время и поступить в универ на другую специальность, – кошусь в их сторону, чтобы оценить реакцию, и слышу какой-то вселенский вздох облегчения.

Джилл кидается меня обнимать с радостными возгласами, Мел сзади обхватывает мою шею так, что я начинаю задыхаться от нехватки воздуха.

– Нет, я, конечно, знала, что вы были против моей работы в полиции, но, чтобы настолько! – потираю шею, высматривая BMW Криса, потому что мои безумные подруги на несколько мгновений закрыли весь обзор.

– Лили, это лучшая новость за сегодня! Ты не представляешь, как я рада! – восклицает Мел, сложив ладони в молитвенном жесте. Мысль о том, что обо мне переживают, невероятно греет душу. Эх, если бы они только знали! Надеюсь, когда-нибудь они простят мне это вранье.

Сворачиваем с Брикелл-авеню и наблюдаем, как машина Криса тормозит у ресторана «Komodo», довольно модного местечка в Даунтауне. Была там с папой как раз на прошлой неделе перед его очередным отъездом. Станный выбор для

встречи с любовницей, потому что это, скорее, семейное заведение, в котором стоит шум и гам. Вряд ли такая обстановка поможет настроиться на интим.

Мне не нужно поворачиваться, чтобы ощутить волны напряжения, исходящие от подруги. Ждём, пока Крис припаркуется и зайдёт внутрь, а потом следуем за ним. Я тоже надеваю солнечные очки, чтобы подыграть девчонкам в их желании замаскироваться и не провалить наше «спецзадание».

На нашу удачу интерьер ресторана оформлен в стиле тропиков: многоуровневые ложи в виде подвесных корзин, украшенных лианами, и искусственные пальмы, создающие зелёную преграду между столиками, помогают нам скрыться от посторонних, а заодно установить наблюдение за Крисом, который занял столик через две пальмы от нас. Он сидит к нам полубоком, но по тому, как он то и дело поглядывает на наручные часы, ясно, что эта Эбби опаздывает.

– Она пришла? – Мел села задом к мужу, чтобы он не узнал её, а мы с Джилл раскрыли папки меню перед своими лицами, но так, чтобы в щель между ними просматривался «объект наблюдения».

– Нет, но он сделал сейчас заказ официанту. Посмотрим, что тот принесёт: если бутылку вина и клубнику со сливками, то у меня плохие новости, – шепчет Джилл, будто в этой какофонии звуков её может кто-то услышать, кроме нас.

Мелисса достаёт карманное зеркальце и направляет его так, чтобы через него наблюдать за Крисом. Хмыкаю, пото-

му что несмотря не причины, по которым мы тут сидим, и сейчас решается будущее подружки, со стороны наша троица наверняка выглядит впечатляюще. Я кладу свою руку на её и крепко сжимаю в знак поддержки:

– Детка, всегда помни, что мы рядом!

Джилл повторяет мой жест, только укладывая свою ладонь уже поверх моей. Чёрт возьми, для полной картины осталось произнести тост: «Один за всех, и все за одного!»

Мел вымученно улыбается и тут же подскакивает, вытирашив глаза:

– Она пришла!

Выглядываю поверх меню и вижу симпатичную блондинку в розовой рубашке с коротким рукавом и джинсах «скинни». Она усаживается напротив Криса, улыбается и что-то говорит ему. Жаль не умею читать по губам.

– Девочки, надо подойти ближе. Что толку тут сидеть? Надо поймать их с поличным, чтобы он не смог отвертеться! – со знанием дела заявляет Джилл.

Мы дружно поднимаемся со своих мест под удивлённый взгляд невовремя подошедшего официанта. Джилл прикладывает указательный палец к своим губам, давая парнишке понять, чтобы он молчал, и дождавшись его неуверенного кивка, на полусогнутых крадёмся к ближайшим искусственным зарослям. Я приседаю за кустом папоротника, а девочки прячутся за пальмой прямо возле столика с нашей парочкой. Благодаря приглушенному свету нам удаётся остаться неза-

меченными, да и никому нет никакого дела до трех придурковатых посетительниц. Вокруг слышен смех друзей, кто-то пришёл провести выходные в компании родителей, где-то слева на повышенных тонах выясняет отношения молодая пара... Мы все – лишь массовка в жизни друг друга.

– И почему я не удивлён?

Твою мать! Я настолько не ожидаю услышать этот голос над моей головой, что практически пулей вылетаю из своего укрытия, врезаюсь в официанта. Он начинает буквально жонглировать тарелками в своих руках, пытаюсь избежать их падения, но всё напрасно. Они с таким звоном разбиваются об плиточный пол, что весь ресторанный шум сразу меркнет на этом фоне. Музыка резко выключается, и становится так тихо, что я слышу чьё-то урчание в животе. *Надеюсь, не моё?* В ужасе перевожу шокированный взгляд с кучи осколков на «виновника» моего фиаско, который, судя по сжатым губам и подрагивающим плечам, еле сдерживается, чтобы не заржать. Хочется кинуть в него единственной уцелевшей тарелкой, как вдруг слышу:

– Милли?! Какого чёрта?

Крис.

Закрываю глаза ладонью, потому что стыдно, ужасно стыдно перед Мелиссой за то, что наши шпионские игры закончились, не успев начаться.

ГЛАВА 7 ВЕЧЕР ПЕРЕСТАЁТ БЫТЬ ТОМНЫМ

– Родная, как тебе вообще пришло это в голову? – Крис сжимает лицо своей жены обеими ладонями так, что её губы смешно вытягиваются в трубочку. Он недолго думая обхватывает эту трубочку губами, и они начинают страстно целоваться, как подростки. Вот хоть бы постеснялись! Но в глубине души я понимаю, какое облегчение испытала Мел, несмотря на всю её бравладу.

Кто бы мог подумать, что эта Эбби – агент по недвижимости, которую Крис нанял для покупки квартиры в кондоминиуме Майами-Бич. Предполагалось, что это будет подарком Мелиссе на грядущую годовщину, но мы испортили весь сюрприз. В качестве доказательств эта несостоявшаяся любовница даже продемонстрировала свою визитку, подчеркнув, что сама замужем и ждёт ребёнка. Хорошо, что с самого начала под её свободной рубашкой мы не рассмотрели округлившийся живот, а то вместо кондоминиума с видом на океан Криса ждала бы больничная палата с видом на капельницу.

– Кхе-кхе, не хочется вам мешать, но может вам дать ключи от моей машины? – многозначительно тряску связкой ключей в воздухе, пока остальные члены нашей компании хихи-

кают, а Макс покашливает в кулак, скрывая смех.

Крис встаёт, увлекая за собой жену, и пожимает руки своим новым знакомым:

– Спасибо, конечно, но, думаю, твоя машина пригодится тебе самой! – подмигивает, а я краснею, как вишня на моём платье. – Парни, было приятно познакомиться, но нам нужно срочно воспользоваться тем, что дети сегодня у бабушки! – направляет показательно грозный взгляд на меня с Джилл и, угрожая указательным пальцем, произносит: – Вы обе! В наказание за содеянное с вас день, проведённый с нашими детьми! – и с дьявольской ухмылкой уходит со своей счастливой женой, пославшей нам напоследок воздушный поцелуй.

Опускаю виновато голову, потому что мне действительно стыдно. И хотя эта заварушка была не моей идеей, я была её непосредственным участником, и именно я всё испортила.

– Зря Брайан ушёл так рано. Столько интересного пропустил, – ухмыляясь, сокрушается Стивен, друг Макса, с которым он пришёл в «Komodo».

– Ты у нас айтишник, значит. А кто – Брайан? – непринуждённо спрашивает Джилл, вертя в руке бокал с вином, создавая внутри воронку из тёмно-бордового напитка.

– Он...

– Коллега с прошлого места работы, – перебивает его Макс.

– Тоже в полиции служит? – вклиниваюсь в разговор,

потому что мне уже давно хочется хоть одним глазком заглянуть в замочную скважину жизни таинственного Макса Кроу. Даже странно видеть его в такой неформальной обстановке, в которой он не старший следователь Департамента полиции, а парень Макс, у которого оказывается есть друзья и жизнь помимо работы.

Он сидит напротив, вальяжно откинувшись на спинку диванчика, за которым, к слову, находится тот злополучный куст, где я была позорно рассекречена. Не разрывая зрительного контакта со мной, он отпивает из своего бокала и отвечает с нечитаемым выражением лица:

– Сейчас уже нет. Он сам по себе, – и закидывает в рот креветку в панировке, давая понять, что закончил. Да мне и не особо интересен этот Брайан, просто нужно было зацепиться за тему, которая дала бы мне выяснить как можно больше.

– А где ты работал до Департамента? – вино сегодня не пью, поэтому беру шпажку с сыром и стягиваю его губами, довольно замечая, что это движение производит на Макса желанный эффект. Честное слово, я не планировала включать режим соблазнительницы, он активизируется автоматически, как только Макс оказывается в моём поле зрения. Наконец, вижу этот хитрый прищур, которым он меня так редко одаривает. Джилл в это время о чем-то перешёптывается со Стивом, не обращая внимания на нашу беседу.

– Перевёлся сюда несколько месяцев назад из Лос-Андже-

леса, – делает ещё один глоток и добавляет: – Планирую туда вернуться когда-нибудь.

– Тогда зачем ты здесь, раз скучаешь по этому городу?

– Иногда обстоятельства не оставляют нам выбора, – всматриваюсь в его льдистые глаза, которые продолжают смотреть в мои, и вижу в них... сожаление?

Что бы ни значила его фраза, она меня задевает. Получается, в Майами его ничто и никто не держит? Ему тут плохо? Умом понимаю, что мы знакомы чуть больше двух недель, и я для него абсолютно чужой человек, а, возможно, даже мешающий фактор. Но отчего же мне так сильно хочется стать тем якорем, который бы удерживал его в этом городе? Откуда это рвение завоевать его симпатию? *«Откуда-откуда, ты на него запала, дуручка»* – подсказывает такой противный внутренний голосок, который я спешу запить соком.

Оставляю их ненадолго, чтобы сходить к администратору ресторана и узнать, сколько я должна за испорченную посуду. Ещё не хватало, чтобы тот парнишка-официант лишился своих чаевых. На своё предложение по-тихому уладить недоразумение, девушка сначала подвисает, отражая на своём милостивом личике наивысшую степень мыслительной деятельности, а потом выдаёт:

– Так ваш парень уже обо всём позаботился, – и с кокетливой улыбкой кивает в сторону нашей компании.

Парень? Оглядываюсь и вижу, как Кроу с фирменной ухмылкой на лице победоносно салютует мне бокалом.

Кажется, за сегодняшний вечер я узнаю о Максе больше, чем за всё время, проведённое бок о бок в одном кабинете. Оказывается, со Стивом он дружит ещё с колледжа, и поэтому, когда в отдел информационной безопасности Департамента потребовался настоящий профи, Макс пригласил его сюда. Именно Стив стоит на страже нашей базы данных от хакерских атак. Я была удивлена, потому что все программисты, с которыми я когда-либо имела дело, были сутулыми очкариками с засаленными волосами, а Стив выглядел, как белый воротничок с Уолл-стрит. По его спортивному телосложению и ухоженному виду напрашивается вывод, что он проводит время не только перед экраном компьютера.

Мы бы и дальше мило беседовали, как давние знакомые, если бы не звонок нашей соседки снизу, сообщившей о том, что нашу квартиру взломали, и она уже вызвала полицию.

Как нескучно я всё-таки живу! Начали с игры в шпионов, а заканчиваем «игрой в шашки» на дороге, потому что приходится по-хамски подрезать остальных водителей. К слову, когда Макс узнал о взломе, он молча кинул деньги на столик и последовал за нами в мою машину, а Стивен, как истинный джентльмен, всю дорогу развлекал Джилл шутками и анекдотами, чтобы отвлечь её от мыслей о Бинго.

– Джилл, как ты думаешь, почему собак, которые ищут наркотики, нужно наряжать в костюмы единорогов?

На последнем слове мы с Максом обменялись понимающе-

щами улыбками, подумав об одном и том же, а судя по молчанию Джилл она приготовилась слушать ответ, на пару мгновений забыв о своих терзаниях.

– Потому что многие спялятся сами уже от одного их вида!

Как вы поняли, Стив мне понравился.

Что до меня, то мои спокойствие и собранность приводят в смятение даже Макса. Несмотря на сосредоточенность на дороге, я чувствовала на себе его изучающий взгляд, словно он только и ждал, когда же я покажу свой страх или нервозность. Конечно, я бываю дёрганой, особенно в его присутствии, но такие ситуации заставляют меня мыслить рационально. В моей квартире нет ничего ценного, кроме Бинго. Не понимаю, что могло понадобиться взломщикам? Да и район у нас довольно приличный.

До моей съёмной квартиры на Дэй-авеню минут двадцать езды, но мы добираемся за десять. Патрульная машина с включёнными проблесковыми маячками уже стоит у дома. Макс первым выскакивает из машины и направляется к офицерам, что-то записывающим в свои блокноты. Подхожу к ним как раз в тот момент, когда он показывает им свой значок.

– Майор Кроу, – кивает ему полицейский, прикладывая правую руку к козырьку своей фуражки.

– Это арендатор квартиры, Лилиан Батлер. – Макс берёт меня за руку, притягивая ближе. – Что произошло?

– Мисс Батлер, ваша соседка снизу утверждает, что к вам вломились в квартиру, так как она сначала услышала громкий лай, а потом увидела тень человека, спускающегося по пожарной лестнице. Мы всё проверили, дверь вашей квартиры заперта, следов взлома нет. Пройдёмте вместе. Осмотрите квартиру при нас, чтобы убедиться, что ничего не пропало.

Озадаченно переглядываемся с Джилл, стоящей рядом, и вместе поднимаемся на третий этаж нашей пятиэтажки. Открываю дверь своим ключом, действительно не замечая ничего подозрительного. Включаю свет, и к нам как по команде выбегает радостный Бинго, забавно подпрыгивая так, что его ушки то и дело подлетают в воздух. Обрадованная Джилл прижимает его к себе, а я делаю обход кухни-гостиной, заглядываю по очереди в наши спальни и ванную, бегло осматриваю ящики комода. Странно. Всё лежит на своих местах.

Расписываюсь в протоколе, чтобы отпустить полицейских, и выхожу на небольшой балкон, где уже стоит Макс, напряженно всматривающийся в темноту. Встаю рядом с ним, случайно касаясь его тёплой ладони, лежащей на поручне ограждения, чем привлекаю его внимание:

– Лили, у тебя есть тайные поклонники? – вскидывает одну бровь, ехидно улыбаясь.

– А что, если и так? – зеркалю его мимику.

Он перестаёт улыбаться, и разворачивается ко мне всем корпусом, облачиваясь на перила.

– Ну конкретно сейчас не лучшее время для отношений. Они помешают твоей *учёбе* в университете, – делает акцент на слове «учёба», как будто уже уверен в своём положительном ответе.

– Давай хотя бы ты не будешь учить меня жизни, хорошо? – вскидываюсь.

– Не забывай, что ты мой стажёр, а я – твой наставник. Это моя прямая обязанность, – напоминает сквозь стиснутые зубы.

Злится? Это хорошо.

– Тогда ты тоже об этом не забывай, окей? – демонстративно отворачиваюсь от него.

– Эй, – бережно берёт меня за руку, чтобы развернуть к себе, – извини, не знаю, что на меня нашло, – нервно проводит рукой по своим волосам. – Просто слишком много всего навалилось за прошедшие дни. Мне пришлось переиграть планы, а я не особо люблю менять свой распорядок.

Не могу долго на него сердиться. Он такой милый, когда в нём просыпается искренность. Решаю сменить тему:

– На каком факультете я буду учиться? – Мне так нравится проследивать смену его эмоций на лице. Секунду назад он был нервным и расстроенным, а сейчас уже улыбается.

– Думаю, тебе понравится, – загадочно ухмыляется. – Ты будешь зачислена сразу на третий курс факультета права. В понедельник заедь в департамент за документами. Нам нужно попасть в приёмную комиссию университета, чтобы от-

дать их для твоего перевода. Сейчас как раз заканчиваются вступительные экзамены, что нам очень на руку. Плавно волеёшься в студенческую жизнь вместе с остальными.

– Вот это да... – смотрю на небо, усеянное звёздами. – Ты будто изобрёл для меня машину времени!

– Лили, пообещай, что не будешь совершать никаких опрометчивых поступков! – его улыбка сменяется серьёзностью. – Мы пока не можем понять, откуда ветер дует. Были допрошены родственники и одноклассники убитых, преподаватели, охранники и все подозрительные лица, включая татуированных неформалов, которые хоть отдалённо напоминали бы сатанистов. Пока что никаких улик, и у всех, с кем контактировали жертвы, есть алиби. Если тебе удастся найти хотя бы малейшую зацепку, это будет большой удачей.

– Удастся, не сомневайся! – игриво толкаю его локтем в надежде, что мой настрой передастся и ему, но он несколько секунд буравит меня сосредоточенным взглядом и выдаёт:

– Ты знаешь почему хищники прижимаются к земле, когда следят за своей добычей?

– Чтобы их не заметили?

– Именно. Сейчас наш Демон затаился в ожидании следующего трофея, и как только его увидит, сделает прыжок.

ГЛАВА 8 БОЙ С ТЕНЬЮ

Всё воскресенье штудирую материалы дела, которые мне с утра привёз Макс. Опустим подробности о том, в каком виде я его встретила, ведь было всего семь утра. Он вообще спит? Его оценивающе-ошарашенный взгляд, которым он прошёл-ся по моим пижамным шортам с изображением поз из Камасутры (подарок Джилл, кстати), был бесценным! Пожалуй, запишу его на подкорку своей памяти, чтобы вспоминать в грустные дни. Но зато это немного отвлекло его внимание от моей лохматой причёски. Теперь, когда он лицезрел меня в таком неприглядном виде, можно окончательно расслабиться и поставить точку в моём необъяснимом желании понравиться ему как женщина.

Перелистывая отчёты судмедэкспертов, протоколы опросов и фотографии с мест обнаружения трупов, я понимаю, что мы упускаем что-то очень важное. Всё, что объединяет девушек – это место учёбы, цвет волос, сатанинская метка и причина смерти. Общее переохлаждение организма. А вот это уже интересно! Где они могли замёрзнуть в Майами со среднегодовой температурой двадцать пять градусов? Разве что в холодильнике. Ужас. Наверняка жертвы умирали медленно, полностью осознавая, что их ждёт. Демону нравится чувство превосходства? Он не насильник, не извращенец, у него нет цели поглумиться над ними. Но он, судя по всему,

умён, раз умудряется заметать за собой следы, а ещё силен. Иначе как он перетаскивает их в другие места? А вдруг у него есть сообщник? Голова идёт кругом от вопросов.

Решаю отвлечься и, сделав бутерброды, забираюсь с ногами на диван, чтобы удалить свою страничку в Facebook, ведь на какое-то время Лилиан Батлер существовать не будет. Как только заносу палец над кнопкой «Удалить профиль», Бинго начинает его лизать, что воспринимается мной как знак сделать то, до чего у меня никак не доходили руки. Ввожу в поиск «Максимилиан Кроу». Пусто. Макс Кроу: десятки человек. Пожилой мужчина из Массачусетса, ещё несколько парней из других городов. Моего Макса среди них нет. Конспиратор! Может быть, у него есть страничка под другим именем? Решаю пойти дальше и выбираю в браузере «поиск по картинке». Загружаю фото Макса, сделанное мной тайком во время нашей поездки в кампус. Тогда я прикинулась, что снимаю красивый вид за окном, а он и не понял. Поиск по фото тоже не приносит результата. Даже Бинго уже засветился у Джилл на страничке, а Макса нет нигде! Да кто вообще в наше время не сидит в соцсетях?

– Лилиан, привет! – Кейт окликает меня, как только я берусь за дверную ручку нашего кабинета.

Она быстрым шагом направляется ко мне с лучезарной (и, тем самым, настораживающей меня) улыбкой, цепляет под локоть, как свою давнюю подружку, уводя в сторону от ка-

бинета Макса, и продолжает уже вкрадчивым тоном:

– Пойдём со мной! Нам нужно сделать несколько снимков для твоих новых документов.

– Прямо сейчас? – я и без того проснулась в дурном настроении, а она – последний человек, с которым я планировала начать своё утро.

– Ты куда-то торопишься? Мы быстро!

Покорно киваю в согласии, лишь бы побыстрее избавиться от её общества. Мы поднимаемся по лестнице на третий этаж и доходим до отдела дознания, где, как правило, снимают отпечатки пальцев и делают снимки преступников. Нас уже ждёт Марк, прихвостень Кейт, в режиме 24/7 бросающий на неё томные взгляды, которые, кажется, замечают все, кроме неё. Мы приветствуем друг друга, и он просит меня встать у белой панели для съёмки. Обычно на ней закрепляют специальную линейку-ростомер, на фоне которой фотографируют задержанных.

– Вы бы мне ещё табличку с номерком дали и попросили повернуться в профиль и анфас! – не могу не съязвить. Меня не покидает чувство, что Кейт специально надо мной издевается. – Неужели нельзя было сделать фото в специализированном салоне?

– Лириан, у нас не так много времени на всё про всё. Какая разница? – Кейт небрежно пожимает плечами.

Покончив со съёмкой, возвращаюсь к кабинету и уже возле двери слышу, как Макс с кем-то разговаривает по телефону.

ну. Воровато осматриваюсь по сторонам, чтобы убедиться в том, что никто не видит, как я подслушиваю, и прислоняюсь ухом к двери.

– Давай ты не будешь устраивать истерик! – почему-то представляю, как он в это время стоит у окна, убрав одну руку в карман своих брюк, и хмуро смотрит вдаль. – Это временно, – пауза. – Я ничего тебе не обещал! – снова пауза, во время которой я явственно слышу женские вскрики из динамиков его сотового. И теперь уже хмурюсь я, потому что весь этот монолог напоминает ссору влюблённых. У него кто-то есть? Тогда это объясняет его холодность ко мне. А его последняя фраза подтверждает мои догадки: – И да, не забудь перевезти свои вещи.

– И чего мы тут уши греем? – отскакиваю от стены, как ошпаренная, услышав голос самого родного мне человека.

– Зачем же так пугать, папа! – кричу шёпотом, прижимая ладонь к груди, чтобы унять сердцебиение.

Отец стоит, сложив руки на поясе и всем видом показывая, как он мной недоволен.

– Дочь, ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны?

– Я... Пап, – бросаю на него беспомощный взгляд, нервно перебирая пальцами прядь волос, – ну... когда к замочной скважине не подходит ключик, приходится пользоваться отмычкой. Понимаешь, о чём я?

Отец недоумевающе сдвигает брови, а потом со вздохом берёт меня за плечи и, глядя прямо в глаза, чеканит:

– Лили, ты уже взрослая девочка, чтобы учить тебя жизни, но послушай совет: прежде чем брать в руки отмычку, убедись, что тебе вообще нужно то, что находится за закрытой дверью. Понимаешь, о чём я? – мы ещё несколько секунд смотрим друг другу в глаза, а потом он отпускает меня и уходит дальше по коридору.

Смотрю отцу вслед и понимаю, что он прав. Для чего я понапрасну сотрясаю воздух и тешу себя романтическими иллюзиями? Макс, возможно, вообще чужой мужчина, а я положила на него глаз. Уму непостижимо.

В расстроенных чувствах вхожу в кабинет и молча марширую мимо босса к своему рабочему месту. Швыряю сумку на подоконник и плюхаюсь на стул, который от этого резкого движения откатывается и с грохотом ударяется о стену. Ну что сказать, быть незаметной – это не про меня. Ощущаю на себе пристальный взгляд похитителя моих снов, но делаю вид, что мне плевать, и включаю свой ноутбук, который мне любезно предоставили спустя несколько дней моей стажировки.

Занимаю себя поиском статей на тему сатанизма, сект и ритуальных преступлений, пытаюсь понять, что движет Демоном. Вдруг в правом нижнем углу экрана всплывает окошко входящего сообщения.

Эдвард: Я съел твой Сникерс:)

Ухмыляюсь, потому что это наша первая переписка, и я даже забыла переименовать его в списке контактов нашего

корпоративного мессенджера. Включаюсь в игру и отвечаю:

Я: Зря! Я злая, когда голодная

Эдвард: Твоя злость мне сегодня понадобится;)

Бросаю на него любопытный взгляд и сталкиваюсь с его прищуренным. Макс сидит, склонив голову на бок и изучающе на меня смотрит, будто хочет просверлить дыру в моей голове и прочесть мысли. Возвращаюсь к клавиатуре:

Я: Зачем?

Эдвард: Увидишь. У тебя с собой спортивная одежда?

Я: Да.

– Что с тобой? – начинаю печатать ответ, как вдруг понимаю, что он задал этот вопрос вслух.

– Ты о чём?

– Обычно твои ответы состоят больше, чем из пары слов.

– Допустим, сегодня не совсем обычный день. А что насчёт тебя? У тебя самого всё в порядке?

– Почему у меня ощущение, что в твоём вопросе какой-то скрытый смысл? – снова этот прищур.

Закатываю глаза от его грёбаной пронизательности. К слову, по его непринуждённому виду и не скажешь, что он расстроен размолвкой со своей девушкой. Железный человек!

– Макс, люди здороваются, спрашивают друг у друга «Как дела?». Это называется этикет. Не ищи подвох там, где его нет.

– Я бы не искал, если бы ты сейчас не пролетела мимо ме-

ня, как гарпия, сама же нарушив этот свой «этикет», – хмыкает, откинувшись на спинку кресла. – Знаешь, Лили, если ты хочешь работать в полиции, то должна научиться считать мимику и жесты людей. Пригодится! – от моего внимания не ускользает многозначительный тон в его голосе.

– Макс, тебя мистер Батлер ждёт внизу! – в приоткрытой двери появляется улыбающаяся Мэгги. Она мечет свой лучистый взгляд между мной и Максом и подбадривающе мне подмигивает.

– Лили, будь готова к двенадцати, – босс, на ходу надевший маску серьёзного следователя, пристёгивает кобуру, накидывает пиджак и быстрым шагом выходит за дверь.

– А другой спортивной одежды у тебя нет? – Макс, ожидающий меня у входа в женскую раздевалку, мрачно оценивает мой внешний вид.

– По-твоему я должна носить в сумке кимоно? Это обычная одежда для фитнеса! – тут я, конечно, лукавлю, потому что с тех пор, как мы стали периодически сталкиваться с Кроу в тренажёрном зале, я стала надевать непозволительно крошечные шорты и короткий спортивный топ с эффектом пуш-ап, выгодно подчёркивающий мои верхние округлости. Кто же знал, что именно сегодня утром я перестану хотеть его соблазнять.

Сам он одет в лаконичные светло-серые спортивные штаны и белую майку-борцовку. Бог мой, да сквозь неё даже

просматриваются мышцы его пресса! Это насколько же они выпуклые... И твёрдые наверняка. Стоп, о чём я думаю?

Макс торопливо берёт меня за руку и тянет за собой мимо разных секций огромного спорткомплекса, в котором тренируются профессиональные борцы. На большой стене замечаю красочный плакат с изображением Сильвестра Сталлоне со слоганом: «Если нет ветра, беритесь за вёсла!» Мысленно показываю язык своему папе, перефразировав эту фразу на свой лад: «Если нет ключа, бери отмычку»!

Судя по тому, какая тишина повисает в залах, мимо которых мы проходим, шорты, видимо, и вправду коротковаты. Совру, если скажу, что такое внимание не тешит моё самолюбие. В конце концов, я свободная девушка.

– Ты слышала что-нибудь о крав-мага? – в его голосе лёд. Он что, сердится?

– Да, в академии пару раз ходила на пробные занятия, но в итоге остановилась на джиу-джитсу. Этот вид боевого искусства мне ближе.

Макс смотрит на меня, в удивлении приподнимая одну бровь.

– И что же тебя зацепило в джиу-джитсу?

– Люблю легенды, тайны, загадки... Один японский мудрец однажды заметил, что в сильную бурю ветки больших деревьев сломались, а ветки ивы, поддавшись силе, после бури поднялись и уцелели. Из этого наблюдения и родился основной принцип этой техники: «не идти на прямое противо-

стояние, чтобы победить», – вещаю тоном профессора, чем явно озадачиваю своего босса.

– То есть для победы нужно поддаться противнику? Он же уделает тебя в два счета!

– Мне кажется, или ты бросаешь мне вызов?

Кроу оставляет мой вопрос без ответа, потому что мы как раз заходим в пустой просторный зал с большим борцовским ковром по центру. Молча встаёт в середину жёлтого поля в боевую стойку, хитро подзывая меня обеими руками. Я принимаю его приглашение и не спеша двигаюсь к нему, на ходу собирая волосы в высокий хвост. Его призывный взгляд вызывает у меня улыбку. Что он затеял? Хочет проверить мои способности?

Останавливаюсь в двух шагах от Макса и, немного пригнувшись, делаю первый выпад в его сторону, чтобы заставить его отклониться, и я смогла сделать подсечку. Конечно, было наивно полагать, что я одним махом сразу его наповал. Он проворно перехватывает мою руку и разворачивает к себе спиной, делая удушающий захват. Стараюсь отогнать от себя навязчивую мысль о близости его тела, потому что он настолько крепко прижимает меня к себе, что я чувствую его горячее дыхание у своего уха.

– Твоя первая ошибка: никогда не нападай первая. Лев всегда сначала обходит свою жертву, чтобы оценить её поведение, – его бархатистый полушёпот будоражит меня настолько, что из моей головы мигом выветриваются все мыс-

ли. Он странно на меня влияет, напрочь отключая левое полушарие мозга, отвечающее за логику. Надеюсь, у меня хотя бы нет сердечек вместо зрачков, как в том детском мультике?

Скрестив ноги, делаю резкий разворот корпуса, высвобождаясь из его тисков. Слегка подпрыгивая на месте, наклоняю голову вправо и влево, чтобы расслабить напряжённые мышцы. Он же ухмыляется, явно забавляясь, а во мне разгорается ещё большее желание уделать его. Потребность доказать, что меня можно и нужно воспринимать всерьёз.

Мы начинаем переступать по кругу, не отрывая друг от друга глаз. В его взгляде отражаются искорки веселья, в моём – азартный огонь. И тут Макс совершает фатальную ошибку, опуская взгляд на мои губы. Оттопырив большой палец правой руки, я с шумным выдохом наношу прямой удар по его шее, вынуждающий его отпрянуть назад. Пользуясь секундным замешательством, хватаю его за правую руку и выкручиваю так, что Макс сгибается пополам. И в ту секунду, когда мне начинает казаться, что победа за мной, он свободной левой рукой обхватывает мои ноги, поднимая их вверх так, что я падаю на пол. Дёргаю его на себя и немедленно перепрыгиваю через него, усаживаясь верхом и одновременно фиксируя его руки своими коленями.

– Да! Я тебя сделала! – заливисто смеюсь, крайне довольная собой.

– Лили! – Макс тоже хохочет. – Что это за смесь рукопашного боя?

– В любви и на войне все средства хороши. Ты разве не знал? – опираюсь на руки по обе стороны от его головы и, наклонившись к его лицу, шепчу: – К тому же, ты не дослушал до конца принцип джиу-джитсу. Нужно уступать натиску противника, направляя его действия в нужную сторону, пока он не окажется в ловушке. И тогда... – наклоняюсь ещё ближе, замирая практически над его губами. – обратить силу врага против него самого.

Макс резко застывает. Кажется, он даже перестаёт дышать. Его зрачки расширяются, словно он находится под наркотическим кайфом. В них отражается такой дикий блеск, что у меня перехватывает дыхание. Воздух между нами сгущается от нарастающего напряжения. Становится невыносимо жарко от нашего участвовавшего дыхания, опаляющего приоткрытые губы. Начинаю растворяться в его гипнотизирующих глазах, в которых отражаются все сдерживаемые внутри эмоции. Удивительно, но я каждой клеточкой своего тела чувствую то, что чувствует и он. Голод. Страсть. Влечение. Удары наших сердец. Наши глаза говорят то, что нельзя выразить словами. Сердце ускоряет свой ритм, разгоняя кровь с такой скоростью, что я вот-вот умру от начавшейся аритмии. Не понимаю, в какой момент он успевает освободить свои руки, но чувствую, как его тёплые ладони начинают скользить вверх по моей спине. Ощущаю его увеличивающуюся твёрдость под собой и понимаю, что этот гипноз – один на двоих. Мы оба хотим одного и того же.

– Молодые люди! – громкий мужской голос со стороны двери вырывает нас обоих из этого оцепенения. – Если вы арендовали этот зал для плотских утех, то попрошу на выход! – мы переглядываемся с Максом и начинаем смеяться. Я нехотя слезаю с него, освобождая из своего плена. Он встаёт следом и непринуждённо берёт меня за руку, увлекая за собой в сторону выхода. Там нас поджидает сердитый охранник, с осуждением качая головой.

– А как же обучение крав-мага? Мы разве не за этим сюда пришли?

– Мы обязательно ещё вернёмся! – ухмыляется, бросая на меня мимолётный взгляд, и строго добавляет: – Когда мой спарринг-партнёр оденется поприличнее.

ГЛАВА 9 БЕГИ, ЛИЛИ, БЕГИ

Переодевшись, выхожу из спорткомплекса и вижу, что Макс ждёт меня у своей машины, облокотившись на открытую дверь с пассажирской стороны. На нем солнечные очки, поэтому не могу понять, о чём он думает. В воздухе продолжают витать невидимые флюиды, которые до сих пор наполняют каждую клеточку моего тела. Господи, мы даже не целовались, а у меня ощущение, словно мы занимались безудержным сексом. Интересно, он жалеет об этой минутной слабости? В голове на ходу прокручиваю варианты ответов на его извинения вроде: «Мне жаль, но у меня девушка» или «Это обычная физиологическая реакция, не бери в голову», но он в очередной раз сбивает меня с толку, потому что по мере моего приближения его улыбка становится всё шире.

– Лови! – кидает мне ключ от своей машины.

– Это то, о чём я думаю? – с восхищением смотрю на предмет в своей руке, как на сокровище.

Макс в это время садится на пассажирское сиденье, и я со скоростью молнии запрыгиваю на водительское место, пока он не передумал. Закинув сумку назад, подстраиваю сиденье под свой рост и не могу не погладить кожаную оплётку руля с логотипом «L» по центру. Расплываюсь в улыбке при мысли о том, как эта буква подходит моему имени, и бросаю лукавый взгляд на своего пассажира.

– Пристегнись! – подмигиваю ему.

Макс сегодня сам на себя не похож. Не спорит со мной, не дерзит, а как законопослушный гражданин выполняет мою просьбу, пока я снимаю машину с ручника и аккуратно вы-руливаю с парковки, приспособиваясь к непривычной плавности и манёвренности Лексуса. Выезжаем на Оушен-драйв и сразу же попадаем в пробку. Неудивительно. Сейчас самый разгар туристического сезона, поэтому несмотря на обеденное время центральные улицы забиты автомобилями, а по тротуарам гуляют толпы туристов, которых за версту видно по путеводителям в их руках и восторженным взглядам. В Майами сложно не влюбиться! Современный город, бурная ночная жизнь, высоченные пальмы, бирюзовые воды океана, пляжи с белоснежным песком.

– Чёрт, мы опаздываем! – Макс смотрит на экран своего смартфона, сдвинув брови. – Только сейчас увидел сообщение от ректора Брауна. Через двадцать минут тебе уже нужно быть в приёмной комиссии, а мы ещё даже не забрали документы из отдела, – раздражённо выглядывает в окно, чтобы оценить масштаб затора.

Тоже выглядываю из своего окна и понимаю, что мы будем ползти до департамента ещё часа полтора, не меньше.

– А завтра никак нельзя их отнести?

– Лили, ни у кого не должно возникнуть подозрений, что ты чем-то отличаешься от остальных студентов. Там сегодня приёмный день для льготников или что-то вроде этого.

– Позвони Кейт, пусть привезёт документы к университету, – пожимаю плечами, – там и встретимся.

Макс отпечатком пальца снимает телефон с блокировки и, судя по всему, набирает Кейт. Специально не смотрю в его сторону, демонстрируя безразличие. А ведь мой номер телефона он так и не попросил. Слушаю, как они с Кейт договариваются о встрече возле главного входа в университет, постукивая по рулю в такт музыке, поигрывающей на фоне.

– Так, Лили, ты же хорошо бегаешь? – спрашивает на полном серьёзе, убирая свой гаджет в держатель на приборной панели.

В неверии смотрю на него, пытаюсь прикинуть, шутит он или нет. Несколько раз открываю и закрываю рот, как рыба, пойманная в сеть.

– Поверить не могу! Ты предлагаешь отсюда бежать до универа? На каблуках? По такой жаре? – он оценивает мою обувь и недобро ухмыляется.

– Ну... Представь, что ты проходишь курс молодого бойца! – подмигивает, а когда понимает, что я не оценила его шутку, добавляет уже подбадривающим тоном: – Лили, ну правда! Какие ещё варианты ты видишь? У моей тачки крыльев нет. Я бы побежал сам, но я вряд ли похож на студентку третьего курса, – в его глазах даже появляется намёк на сожаление, но мне уже всё равно.

Сжимаю губы от злости и, больше не сказав ни слова, выхожу из его машины. и со всей дури захлопываю дверь. До-

стаю телефон из кармана своей джинсовой юбки, запускаю навигатор и быстро прикидываю, какой путь короче. Решаю срезать через Либерти сити. Ночью я бы не рискнула связываться с этим неблагополучным районом, по слухам, богатым на алкоголиков, наркоманов и проституток, но сейчас день, и все эти асоциальные элементы наверняка попрятались по своим норам.

Ловко обегаю суетливых прохожих, провожающих меня сердитыми взглядами, потому что приходится их задевать и то и дело извиняться. Бегу что есть сил, про себя благодаря дизайнера своих дорогуших туфель за удобную колодку и, конечно, папу, который подарил мне их на день рождения.

Уже через несколько минут мой топ начинает неприятно липнуть к телу от пота. Боюсь представить, как выглядят мои распущенные волосы! Наверняка я сейчас смахиваю на ди-кобраза, распушившего свои опасные иголки. Ужасно хочется пить, да и просто отдышаться, но мне бежать ещё минут десять. Пока бегу, проклиная разными нехорошими словами Демона, Кейт, ректора и даже своего босса, который так мастерски мной манипулирует.

– Эй, красавица, куда спешишь? – с опаской кошусь влево и вижу, что меня сопровождает чёрный седан какой-то старой модели с тонированными окнами, а через опущенное стекло выглядывает мерзкий тип с сигаретой, зажатой между гнилыми зубами. Насчёт гнилых, правда, не уверена. Это уже нарисовало моё разыгравшееся воображение.

Игнорирую его вопрос и ускоряюсь, насколько это вообще возможно в моей ситуации. Из машины раздаётся противный гогот, по которому я делаю вывод, что там их человек пять. От такой компашки не стоит ждать чего-то хорошего. Резко сворачиваю на ближайшую узкую улочку, но, как на зло, здесь гладкий асфальт сменяется брусчаткой, и я просто физически не могу нормально перебирать ногами, потому что каблук то и дело попадают в щели между плитками. Только сейчас понимаю, что свою сумку с газовым баллончиком забыла в машине Макса, и мне становится не по себе.

На всякий случай на ходу набираю «911», чтобы в любой момент вызвать полицию. Из прохожих этого вымершего места замечаю бомжа, спящего прямо на тротуаре, и женщину со странным бегающим взглядом. Её нечёсанные волосы и мятая рубашка лишь усиливают произведённое впечатление. Не пойму, все жители этого района проходят какой-то кастинг на лучшего отщепенца общества? Больше ни ногой в это гетто! Останавливаюсь, упираясь руками в колени, чтобы хоть немного восстановить дыхание. Включаю навигатор. Четыреста пятьдесят метров. Делаю несколько шагов, как вдруг оступаюсь и чувствую, что правая пятка начинает странно проваливаться. Опускаю взгляд на свои любимые туфли, покрытые толстым слоем пыли, и чуть не плачу от досады, потому что каблук теперь образует с подошвой тупой угол, и уныло волочится за ней. Интересно, у меня на лбу висит неоновая вывеска: «Неприятность, приди»?

Снимаю туфли и уже босиком продолжаю свой марафон в сторону университета, территория которого начинается сразу после городского парка. Стараюсь не думать о том, как я выгляжу со стороны, когда, наконец, вижу знакомую рыжую голову у ворот. Кейт, будто чувствуя моё приближение, оборачивается и при виде меня смешно выпучивает глаза и открывает от удивления рот. Неужели всё до такой степени плохо?

– Господи, Лилиан! Даже не думала, что тебе НАСТОЛЬКО нужна эта работа! – она даже не пытается скрыть кривую ухмылку и злорадство в голосе.

– Сегодня день льготников или как там их... Мне надо выглядеть, как льготница, ясно? – нахожусь я.

Выдёргиваю из её рук папку, надеваю на свои грязные ноги туфли и уверенной прихрамывающей походкой иду вслед за толпой студентов. Дохожу до поста охраны и пальцами взбиваю свои волосы, чтобы выглядеть не такой жалкой, какой я себя чувствую. Достаю из папки свой новый паспорт и протягиваю охраннику-толстячку, похожему на Санта-Клауса в форме. Эндрю, судя по имени на бейдже, открывает документ, внимательно его разглядывает, переводит взгляд на меня, потом снова в паспорт, хмурится, вынуждая меня тоже вытянуть голову, чтобы посмотреть, что именно его так смутило.

– Почему ваше фото сделано по пояс? Впервые вижу такое в паспорте! – изучает меня, настороженно сузив глаза.

Быстро стираю со своего лица шок и выпаливаю:

– Странно... Я из Нью-Йорка. У нас всех так фотографируют! – непринуждённо улыбаюсь, молясь всем Богам, чтобы эта рыжая стерва хотя бы не изменила мой пол в паспорте. Убью!

Мужичок ещё несколько мгновений смотрит мне в глаза, опускает взгляд на мои несчастные ноги и, преисполненный жалости, возвращает паспорт, пожелав успешного поступления.

Клянусь, первое, что я хотела сделать после выхода из приёмной комиссии, это вызвать такси до Департамента и выдрать этой сучке рыжие патлы. Кроме даты рождения, она изменила мне фамилию. Теперь я Лилиан Пусси⁷. Пусси, твою мать! Сначала я была в бешенстве, потом в ярости, а потом обнаружила себя под деревом парка истерично хохочущей. Успокоившись и пораскинув чуть не растаявшими не солнце мозгами, я поняла, что эти трепыхания Кейт неспроста. Она ревнует. Ревнует! А значит, она чувствует себя проигравшей в нашей незримой войне. Как минимум ради отца я должна держать себя в руках и не поддаваться на её провокации. Пусть идёт с миром!

Бросив грустный взгляд на свои почившие туфли, открываю наш общий на троих чат и пишу:

Я: Я подала документы в универ! Надо срочно отметить

⁷ (англ.) pussy – киска. На жаргоне так называют женские половые органы.

моё поступление:)

Через две секунды:

*Lady in black*⁸: *Уже забронировала столик))*

Melissa: Lady in black, Не удивлюсь, если ты уже за столиком)

Lady in black: Не завидуй)

Я: Я так рада, что вы у меня есть, девчонки...

Lady in black: Где ты, принцесса?

Я: Ага... Золушка!

Melissa: ???

Я: Туфельку потеряла))

Melissa: Ты где? Мы с детьми едем из центра, могу подобрать тебя.

Я: Лежу в траве в парке возле УМ⁹. Как увидишь свору собак, знай, что я где-то рядом.

Lady in black: Лили, какого чёрта?

Melissa: Уже еду!

Конечно, никакой своры тут нет. Так... Прошли мимо два чувака со своими питомцами, один из которых меня лизнул в щёку. В смысле, питомец лизнул. Только собираюсь написать, что это у меня чёрный юмор такой, как слышу громкий протяжный гудок автомобиля. Поднимаю голову из высокой травы и вижу знакомый Lexus с водителем, обеспокоенно рассматривающим выходящих из ворот парней и деву-

⁸ (англ.) – Леди в чёрном. Нетрудно догадаться, кто это из трех подружек?

⁹ УМ – Университет Майами.

шек.

Я: Девочки, отбой! За мной принц на карете подъехал!

ГЛАВА

10 BITCH ON THE BEACH

10

– Лучше молчи! – сажусь на сиденье рядом с ошарашенным Максом, хватаю бутылку с водой из подставки и начинаю с такой жадностью пить воду, что часть её попадает мимо рта и струйкой стекает по моей шее.

Не смотрю на него, потому что обижена. И зла. Если бы не этот его спортзал, если бы он вовремя увидел сообщение от ректора, если бы не пробка, мои туфли были бы целы, я бы не опозорилась перед Кейт, студентами, охранником и ошеломлённой сотрудницей комиссии. Да я могла уже лежать в какой-нибудь канаве, выброшенной за ненадобностью теми лузерами на облезлой тачке!

– Лили, что случилось?

Кидаю на него быстрый взгляд, но успеваю заметить на его лице озабоченность. Или растерянность? Пока не готова с ним разговаривать. Молча включаю музыку погромче, устраиваюсь на сиденье поудобнее и отворачиваюсь к окну. Мне нужно в душ, а ещё я дико голодна.

– Есть хочешь?

Он умеет читать мысли?

¹⁰(англ.) «Нехорошая женщина» на пляже)) (Ну ладно, все свои же? В переводе «сука на пляже». Но, думаю, большинство, это и так знает)

– Хочу, – сухо отрезаю, не поворачивая головы.

Да, я осознаю, что веду себя сейчас не совсем по-взрослому, но, если уж быть честной с самой собой, мне безумно хочется заставить его волноваться и переживать за меня, поэтому решаю немного помучить его игнором. Вдруг чувствую, как он ласково проводит пальцами по моим волосам. Разворачиваюсь, сталкиваясь с его глазами, цвет которых в затемнённом салоне напоминает грозовые тучи.

– У тебя трава в волосах, – обворожительно улыбается, демонстрируя зелёную травинку. Его искренняя улыбка меня просто обезоруживает. Ничего не могу поделать с мышцами своего лица, но они тоже отвечают ему улыбкой, правда немного грустной. Не его вина в том, что я вечно нахожу приключения на свою пятую точку.

Довольный собой, Макс нажимает кнопку запуска двигателя, и трогается с места.

– Куда мы едем? Мне нужно переодеться. Или хотя бы переобуться, – кивком показываю на свои босые ноги. То, что с моими туфлями проблема, он понял ещё, когда я подходила к машине, держа их в руках.

– Там, куда мы едем, твоя обувь не понадобится, – хмыкает, приводя меня в замешательство.

– А как же работа? Тебе разве не нужно сейчас отстреливать преступников? – специально поддразниваю его.

– Отстреливать? – широко улыбается, глядя в боковое зеркало, перестраиваясь для обгона. – Лили, как я раньше

без тебя жил? – цокает, качая головой.

Не знаю, что он подразумевает под этим риторическим вопросом. Возможно он ляпнул, не подумав, но мне нравится вариант: «Какой пресной была моя жизнь без тебя!».

– И как же ты жил? Как жил парень Макс до того, как стал следователем? – интересуюсь я.

Он принимает расслабленное положение, укладывая руки на нижнюю часть руля, и включает круиз-контроль, потому что мы выезжаем на многополосную трассу моста Коллинза, соединяющего Майами и Майами Бич. Судя по всему, мы едем на пляж. По обе стороны моста простирается бескрайний океан с дрейфующими парусниками и баснословно дорогими яхтами, многие из которых принадлежат мировым знаменитостям. Возможно, прямо сейчас на одной из них рассекает волны Леонардо Ди Каприо...

– Ты же знаешь порядок: армия, полицейская академия, несколько лет в патруле, хороший послужной список – и вот он я, – отвечает на мой вопрос не сразу. – А что насчёт тебя? Ты же закончила академию ещё в прошлом году?

– Да. И сразу папа пристроил меня к себе. Я работала помощником судмедэксперта, а потом... потом случился сын сенатора, как ты уже знаешь, – ухмыляюсь. – И вот она я! – вторю ему, разводя руками. – «Папина гордость», – вымученно улыбаюсь, смотря вдаль на мираж, переливающийся над раскалённым асфальтом.

– Твой отец любит тебя, Лили. Будь ты моей дочерью, я

бы поступил так же.

Улыбаюсь, почему-то представляя, какой красивой была бы его дочь, и тут же себя одёргиваю. В какой момент из желания провести с ним парочку приятных вечеров и ночей я стала думать о его детях? Это уже слишком.

– А твои родители? Где они? – сажусь вполоборота, раз уж у нас завязалось такое милое общение по душам.

– Их уже нет, – его глаза выражают абсолютное ничто. Что он там говорил о языке тела и жестов? По нему практически невозможно что-либо прочесть.

– Давно? – не хочу быть навязчивой, но любопытство и я – понятия неразделимые, так что пусть терпит.

– Давно, – мягко отвечает, приподнимая уголок рта в полуулыбке, явно означающей: «Не обижайся, но не хочу говорить на эту тему».

Отстаю от него с этим подобием интервью, и остаток пути мы проводим в молчании, разбавленном приятной музыкой. Наконец, мы въезжаем на территорию Саус Бич. Это место – райский уголок не только для туристов, но и для самих жителей Майами, обожающих тусовки и комфортный пляжный отдых. Царящая здесь атмосфера роскоши, жизнерадостности и веселья быстро затягивает в свои сети. Я и сама была здесь практически завсегдаем. Пока отец не устроил меня в Департамент полиции, я помогала ребятам-спасателям на пляже. Была внештатным сотрудником, если можно так выразиться.

Макс тормозит возле пляжного бутика с забавным названием «Му yummy¹¹», каждый раз умиляющего меня своей игрой слов. На весь фасад небольшого здания красуется сексапильная блондинка, вытянувшая свои пухлые губы в воздушном поцелуе. Из одежды на ней только жёлтые мини-плавки и две половинки кокоса, которые она прижимает к своей пышной груди четвёртого размера. Ну что за банальщина, честное слово! Никогда не приходилось бывать внутри, но мне всегда казалось, что мужчин туда заходило больше, чем женщин, и теперь я понимаю почему.

Как только мы подъезжаем к магазину, навстречу тут же выходит та самая блонди со стены. Судя по её распростёртым объятиям, Макс тут очень желанный гость. Он попросил меня ненадолго остаться в машине, а сам вышел к этой цыпочке. Они обнялись как старые приятели и зашли внутрь, оставляя меня один на один со своей ревностью. Да-да, той самой ядовитой, прожигающей до кончиков волос ревностью, заставляющей мою кровь вскипеть за доли секунды, а пальцы сжать в кулаки до побеления.

Его не было минут пять, но я уже во всех красках представила, как они там резвятся с этими её кокосами. Опустив придиричивый взгляд на свою грудь, замечаю на топе зелёные пятна от травы и морщусь нос от досады. По шкале от нуля до десяти моё настроение резко падает в минус. Какого чёрта

¹¹ В переводе с английского «Моя вкусняшка», но здесь игра слов, так как произносится так же, как «Майами».

он меня сюда привёз? Тут резко открывается дверь с моей стороны, и я вижу лицо улыбающегося Макса. Правда, его улыбка пропадает, как только он замечает мой насупившийся вид.

– Девушка, вы случайно не видели моего стажёра Лили? Такая хорошенькая блондинка невысокого роста... – задумчиво потирает подбородок, как будто и впрямь вспоминает мои «приметы». – Вы её могли заметить по внезапным перепадам настроения. Возможно, она даже успела перестрелять всех подозрительных личностей в округе, или... – делает многозначительную паузу, вынуждая меня напрячься от нетерпения выслушать до конца описание своего портрета. – Она уже отжигает на барной стойке местного клуба!

– Я что, действительно произвожу впечатление психованной истерички? – спрашиваю довольно искренне, потому что, увидев себя его глазами, мне становится неловко из-за своего поведения.

– Очень милой истерички, – широко улыбается и задорно поддевает пальцем кончик моего носа.

Закатываю глаза от его попытки сгладить углы.

– Лили, хорош дурить! Давай сюда свои ноги! – раздражается.

В удивлении поворачиваюсь к нему и вижу в его левой руке ярко-розовые шлёпанцы с логотипом Victoria's secret. Вот это да! Не трачу ни секунды на раздумья и только собираюсь вылезти из салона, как Макс перехватывает за щи-

колотки мои ноги и, присев на корточки, бережно укладывает их на своё бедро. Невольно задерживаю дыхание от интимности момента. Пожалуй, ради такого я готова повторять свой забег снова и снова. А ещё надеюсь, что эта кокосовая вкусняшка наблюдает за происходящим и кусает свои локти. Хотя вряд ли ей что-нибудь видно из-за открытой двери, загораживающей обзор со стороны магазина. Макс аккуратно надевает дизайнерскую пляжную обувь на мои много-страдальные ноги, будто невзначай проводя ладонью по лодыжкам, но разве от меня может укрыться такой жест? Интересно, что сказали бы на это профайлеры¹²?

– Спасибо, – не скрывая радости, благодарю его за этот неожиданный подарок.

Наши глаза встречаются, и я в тот же миг забываю о том, кто я и где я. Меня снова затягивает в этот серый омут, где есть только я и он. Господи, если он всегда будет смотреть на меня с такой нежностью, я наброшусь на него, и плевать на предрассудки.

– Отчасти я виноват в том, что с тобой сегодня произошло, и просто обязан был возместить ущерб.

Плётка в моей голове словно отматывается назад, возвращая в реальность. Вот оно что. Киваю и аккуратно опускаю ноги на землю, не проявляя ни единого намёка на разоча-

¹² Профайлер – человек, владеющий определёнными психологическими методами, благодаря которым он может предсказать поведение человека в той или иной ситуации.

рование в его ответе. Делаю пару шагов, привыкая к новой обуви, и потягиваюсь на солнышке, надевая на себя довольную улыбку. Что ж, мне придётся тоже учиться актёрскому мастерству.

– Лили, если хочешь о чем-то спросить, то просто спроси.

Оборачиваюсь к Макс, который в этот момент копошится в своём багажнике.

– Откуда ты знаешь мой размер? – ну не спрашивать же «Кто эта силиконовая кукла?»».

– Просто угадал, – пожимает плечами. – Если бы не подошли, вернулся бы и поменял на другие.

– А эта девушка ... – всё же не выдерживаю и с деланным равнодушием показываю большим пальцем в сторону бутика, – твоя старая знакомая?

– Да, – наконец, закрывает дверь багажника и направляется ко мне. – Я вёл её дело как раз после моего перевода сюда.

– Дай угадаю! – ехидно ухмыляюсь. – При странных обстоятельствах умер её муж-старикан, а потом ей по наследству перешло всё его состояние?

– Мимо, Лили, – вздыхает и проходит мимо меня, коротко махнув головой, предлагая следовать за ним. – Она связалась с плохим парнем, и он отдал её в качестве долга своим друзьям. Когда её собирались переправить в Мексику для продажи, она попыталась сбежать, стащив пистолет у одного из похитителей. В заварухе она выстрелила и убила одного из них. Связи решают многое. Эти ублюдки выставили всё так,

будто она наркоманка с поехавшей крышей, да ещё анализы подтвердили наличие наркотиков в её крови. Неудивительно. Её накачивали ими несколько дней, чтобы она ничего не соображала. Ну вот вкратце её история.

Понуро опускаю голову от жгучего чувства стыда за свой злой язык. Мне даже нечего сказать в своё оправдание. А ещё мне нужно научиться разбираться в людях и не вешать на них ярлыки.

– Добрый день! У нас свободно два столика. Один с видом на океан, а другой – на Палм стрит и пляж, – при входе в кафе с брутальным названием «Аквамэн» нас встречает лучезарная девушка в короткой юбке и облегающей жилетке с намёком на деловой стиль.

– Пожалуй, возьмём первый, – Макс отвечает администратору приветливой улыбкой и, галантно придерживая меня за поясницу, направляет к нашему столику вслед за ней.

Меня радует, что здесь нет никакого дресс-кода. Сейчас стоит августовская жара, и практически все надевают на себя минимум одежды, что в данный момент меня несказанно радует.

Вид с наших мест открывается действительно потрясающий. Кафе расположено на небольшом мостике, нависающем над кромкой воды, поэтому создаётся впечатление, что мы плывём на яхте или корабле. Под нами только волны, разбивающиеся об опорные балки. Окон здесь нет совсем, и от воды нас отделяет смешной забор, оклеенный рапанами

вперемешку с морскими звёздами.

– Часто тут бываешь? – интересуюсь, продолжая смотреть вниз на завораживающие белые барашки волн.

– Нет. Я чаще ем дома или в машине, перехватив что-нибудь в автокафе. – Макс раскрывает папку меню и начинает его изучать. – Что будешь?

Меня вдруг осеняет сумасбродная идея, которая повысила бы градус нашего настроения.

– Давай поиграем!

Макс переводит на меня вопросительный взгляд.

– Я выберу еду для тебя, а ты – для меня. Если я угадаю с тем, что тебе нравится, ты выполнишь моё желание.

– А если я угадаю, ты выполнишь моё? – лукаво ухмыляется.

– Конечно! Только есть одно условие.

– Мне уже страшно.

– Для чистоты эксперимента пробовать свою еду мы будем с закрытыми глазами.

– Ну, привет, красотка! – здороваюсь со своим отражением в зеркале, не зная, смеяться мне или плакать от своего вида. Меня точно настигла карма за мою злобу, которую я буквально источала всем своим естеством в течение сегодняшнего дня. Иначе как можно объяснить тот факт, что я сейчас нахожусь в городской больнице, чуть не умерев от анафилактического шока. Оказалось, у меня аллергия на устричный

соус, которым было щедро сдобрено тако с пекинской уткой. Именно это блюдо заказал для меня Макс.

С трепетом в душе вспоминаю начало нашего почти романтического ужина. Мы оба дали официанту записки с заказанными блюдами и попросили перед подачей завязать нам глаза. Парень понимающе улыбнулся нам, наверняка подумав, что мы одна из тех пар, которые развлекают себя ролевыми играми для поддержания страсти в отношениях.

Утка была, кстати, что надо. Правда пока я её жевала, не сразу заметила, что уже жую свои губы, распухшие от аллергической реакции. Отёк начал распространяться молниеносно, поэтому Макс с завязанными глазами понял, что что-то не так, только когда я уже рухнула со стула и потеряла сознание. Медсестра, которую ко мне приставили для наблюдения, поведала о том, что он вбежал в приёмное отделение со мной на руках, как супергерой. Жаль, этот романтический момент прошёл мимо меня.

Слышу звук входящего сообщения на телефоне, который и так уже перегрелся от звонков девчонок и папы. Незнакомый номер.

«Как ты, пчёлка Майя?»

Не верю своим глазам. У него есть мой номер! Расплаываюсь в довольной улыбке и непроизвольно шиплю от боли, потому что у меня щёки отекли так, что я их вижу, когда опускаю взгляд.

«Почему Майя? Майя из Майами? Да ты поэт!»

«Потому что ты выглядела так, как будто на тебя напал рой пчёл))»

«Я бы посмеялась, но не могу»

«Прости. Хотел поднять тебе настроение»

«И ты меня прости. На моей памяти за один день у меня ещё не было столько событий. Они меня выбили из колеи».

«Я не успел сказать тебе. Меня не будет в городе несколько недель. Займись пока подготовкой к учёбе. На почту я выслал темы для повторения»

«Куда ты едешь?»

«Военная тайна))»

Ничего не отвечаю на последнее сообщение, оставляя за ним последнее слово. Конечно, он не обязан посвящать меня в свои дела, но, тем не менее, его увиливания оставляют во мне неприятный осадок, который точно отбойным молотком вдалбливает в мой мозг непреложную истину: «Он тебе не доверяет». Да и мне есть, над чем подумать. С появлением Макса в моей жизни я стала совершать столько глупых поступков, что пальцев обеих рук не хватит, чтобы их сосчитать. Мои мрачные думы прерывает ещё один входящего SMS:

«Кстати, ты угадала. Придумывай желание))»

ГЛАВА 11

АЛЬМА-МАТЕР

Как и сказал Макс, на электронной почте меня ждали учебники по уголовному и гражданскому праву и несколько файлов по другим направлениям. Сразу после выписки из больницы я, как прилежная ученица, каждый вечер посвящала изучению этой скукотищи. Всё-таки я практик, а не теоретик. А вот с пособиями по судебной медицине и криминальной психологии дела обстояли куда лучше. Всегда интересно, что заставляет людей совершать преступления, а главное – как научиться составлять портрет преступника, чтобы понять его мотивы.

В таком унылом режиме я провела две недели. В департамент не приезжала, так как в связи с нашей спецоперацией мне дали внеплановый отпуск. Уверена, папа это дело даже отметил, а Кейт сплясала джигу. Макс мне не писал и не звонил. Только несколько дней назад он дал о себе знать через курьера, доставившего мне точь-в-точь такие же туфли, как те, у которых сломался каблук в тот злополучный день. К ним прилагалась записка: «Постарайся уцелеть к моему возвращению».

Я изо всех сил старалась гнать от себя навязчивую мысль, что его внимание ко мне является чем-то большим, чем банальная забота о своей подопечной. К своему стыду, я на-

чала понимать, что безумно скучаю по нему, по его сдержанной ухмылке, по нашим словесным перепалкам, по его серым глазам с необычными зелёными крапинками. Я даже пробовала звонить по его номеру под предлогом отблагодарить за такой щедрый подарок, но он был недоступен.

И вот наступил тот день, когда новоиспечённая студентка третьего курса Лилиан Пусси переступила порог Университета Майами. Кстати, я решила, что с ударением на «и» моя фамилия не так уж и плоха. Есть в ней даже что-то благородное, в духе великого композитора Клода Дебюсси. Так что выкуси, Кейт!

Остановившись возле огромного табло с расписанием учебных классов, начинаю судорожно искать свой, потому что до начала первой лекции остаётся всего пять минут. Моя колымага снова не захотела заводиться, поэтому мне пришлось ехать на автобусе, собравшем все светофоры.

– Тебе помочь?

Поворачиваю голову и вижу нереально красивую девушку с копной кудрявых волос медного оттенка, хаотично обрамляющих её милостивое лицо. Несмотря на её, мягко говоря, недружелюбно-настороженный и изучающий взгляд, не хочу отказываться от помощи и опаздывать в первый же день, привлекая к себе ненужное внимание.

– Было бы неплохо, – приветливо улыбаюсь, хватаясь за возможность сразу завести новые знакомства. – Я ищу класс профессора Хантера. У меня сейчас лекция по уголовному

праву.

– Надо же, какое совпадение! – её губы тоже растягиваются в улыбке. – Как раз иду туда. Ты новенькая? Не видела тебя вчера на вечере встречи.

– Да, я не смогла прийти, – сконфуженно пожимаю плечами.

Совсем не обязательно всем знать, что вчерашнему знакомству со студентами факультета я предпочла отжигать с девочками в караоке-баре. Кто знает, когда ещё смогу с ними вырваться на свободу?

– Ты не много потеряла, – закатывает глаза. – Новички рассказывали о себе, а старички – о том, как провели лето. При этом нас разделили на группы, и мы сидели на стульях, выставленных в круг, как в клубе анонимных алкоголиков.

Кажется, мы найдём с ней общий язык.

– Кстати, я – Глория. Тоже новенькая.

– А я – Лилиан, но будет проще, если будешь называть меня Лили.

Входим в аудиторию как раз вовремя. Преподавателя ещё нет, а поскольку уголовное право – это профильный предмет, народу здесь собралось, как на концерте рок-группы. По аналогии с амфитеатром, все места расположены здесь друг над другом, образуя длинные дугообразные ступеньки. В первых двух рядах я вижу больше всего свободных мест. Отсюда напрашивается два вывода: профессора здесь не осо-

бо жалуют и боятся даже дышать рядом с ним, или он преподаёт настолько скучно, что студенты его лекциям предпочитают сладкий сон на галёрке.

Мы с Глорией выбираем места во втором ряду, чтобы первый ряд, пусть и почти пустой, создавал некую видимость щита. Пока я выкладываю на стол ручки и тетрадь, как раз входит мистер Хантер. О его присутствии сигнализирует резко воцарившаяся тишина, что для меня не очень добрый знак. Надо быть настороже. Крейг Хантер оказался высоким и подтянутым мужчиной лет сорока пяти. И очень даже привлекательным. Судя по модной стрижке и аккуратной оформленной бороде, над его имиджем регулярно работает хороший барбер.

Преподаватель садится за свой стол и, смерив аудиторию оценивающим взглядом поверх стильных очков в чёрной оправе, молча кивает в знак приветствия. Он одет в строгий темно-синий костюм с красным галстуком. Мне сразу бросился в глаза этот контраст. Красный – цвет активных, энергичных и уверенных в себе людей, а ещё – это цвет агрессии. Говорят, что люди неосознанно выбирают себе цвета под свой характер и темперамент.

Спустя пару секунд на электронной доске появляется слайд с темой сегодняшней лекции: «Психологический портрет преступника». Мой взгляд намертво прилипает к экрану, потому что именно этим вопросом я особенно интересовалась в последнее время. Да он просто экстрасенс! Непроиз-

вольно усмехаюсь и сразу жалею об этом, потому что в такой тишине этот звук сродни разорвавшейся бомбе.

Медленно перевожу взгляд на Хантера и встречаюсь с его пронизывающими холодными глазами, способными заморозить даже Мёртвое море. Теперь я понимаю, что означает выражение «убить взглядом». Мои глаза словно примагничиваются к хищным глазищам Хантера не в состоянии разорвать этот зрительный контакт. Смотрим друга на друга, не моргая. Он прищуривается, и я буквально вижу, как чип в его голове считывает мой программный код. Сдаюсь первая и отвожу взгляд, прекращая нашу безмолвную дуэль, потому что Глория наступает мне на ногу так, что у меня хрустят пальцы.

– Играешь с огнём, – произносит моя соседка по скамье низким чревоуещательным тоном, едва шевеля губами.

Изо всех сил пытаюсь уловить суть лекции, но все мои мысли невольно возвращаются к не очень удачному началу знакомства с профессором, который наверняка посчитал моё поведение неуважительным. Пока Хантер своим грудным голосом комментирует наброски на слайдах, думаю, как мне реабилитироваться в его глазах, ведь стать белой вороной уж точно не входило в мои планы. На мне лежит большая ответственность, и я ни в коем случае не должна подвести тех, кто в меня поверил.

– Теперь предлагаю размять ваши обленившиеся после каникул мозги и решить детскую задачу. – Профессор об-

водит своим надменным взором всех собравшихся, будто убеждаясь, что его слушают, откашливается в кулак и, деловито прохаживаясь вдоль своего стола, продолжает: – Каждую пятницу четверо друзей собирались в гольф-клубе. Питер, музыкант, всегда брал с собой плеер, чтобы послушать музыку. Алекс, банкир, приносил с собой термос с каким-нибудь напитком. Джон и Дэвид были адвокатами и всякий раз брали с собой бумаги, чтобы почитать. Однажды Дэвида нашли мёртвым в туалетной комнате. Он был убит нераспознанным острым предметом. Сразу же вызвали полицию. Были допрошены все трое подозреваемых, однако зацепок не нашли. Кто из них убил Дэвида?

По аудитории прокатывается волна шёпота. У меня самой есть догадки, но для начала послушаю остальных. Как на зло, никто не решается высказать свою идею первым. Глория уткнулась в свою тетрадь, укрывшись своими кудрями, как занавесками, и делает вид, что усердно стенографирует происходящее.

– Ну что, есть идеи у кого-нибудь?

Тишина.

– Дорогие мои, вы никогда не пересечёте океан, если не наберётесь мужества потерять берег из виду, – изрекает знаменитую цитату Христофора Колумба.

– Его убил конкурент Джон! – раздаётся откуда-то сзади.

– И каким же образом? – поднимает одну бровь Хантер.

– Эммм... – мычит растерявшийся смельчак. – М-может

быть ручку воткнул в артерию?

Послышалось приглушенное женское хихиканье, которое точно по волшебству прекратилось, стоило профессору зыркнуть в ту сторону. В помещении наступает гробовая тишина, как будто кто-то резко нажал на пульте кнопку «Без звука». Мне становится жаль парня. За одну только смелость он уже заслуживает высший балл.

– И это всё? Всего одна бредовая идея? – цокает Хантер, скреживая руки. – Вы меня разочаровываете. Вы уверены, что выбрали подходящую профессию? В прошлом году эту задачу решил девятилетний внук ректора.

– Убийца – Алекс! – решительно выпаливаю я.

Преподаватель устремляет на меня свой взгляд, и на его лице появляется хищный оскал. Стараюсь сохранять невозмутимый вид несмотря на сотни пар глаз, прожигающих мой затылок.

– Продолжайте, – присаживается на краешек стола и выжидающе смотрит на меня.

– Исходных данных, конечно, недостаточно. Ведь вы не сказали, в каком месте было смертельное ранение, но раз задача детская, то ответ лежит на поверхности: Алекс в термосе пронёс острый предмет вроде сосульки, который после убийства просто растаял. Именно поэтому никаких улик и не было.

Боковым зрением вижу вытянувшееся от изумления лицо Глории, но не шевелюсь в ожидании реакции Хантера. Он

несколько мгновений изучает меня, а потом сухо выдаёт:

– Долго думали, мисс.

Вот так всего тремя словами он превращает мой победный триумф в ничто. В отместку ставлю этого зазнайку на первое место в моём воображаемом списке подозреваемых. Не удивлюсь, если у него есть куклы вуду, которых он на досуге тычет иголками, представляя, что это его студенты.

Ещё ни разу в своей жизни я так не радовалась толкучке в коридоре. У меня даже спина покрылась испариной от напряжения, пока шла лекция. Делаю несколько глубоких успокаивающих вдохов и выдохов, пока на пару с Глорией идём на практикум по английскому языку. Наши расписания удивительным образом совпадают, чему я очень рада, потому что моя интуиция подсказывает, что мы с ней поладим¹³.

– Ну ты даёшь! – присвистывает Глория, нервно ухмыляясь. – Теперь Хантер на тебя будет зуб точить, вот увидишь.

– Пусть не ломает свой зуб! Не на ту напал, – усмехаюсь.

Я вхожу в кабинет первая и застываю на месте, потому что совершенно не ожидаю, что меня встретят шквалом аплодисментов и задорным улюлюканьем.

– Встречаем мисс Марпл нашего времени! – Навстречу

¹³ В США каждый студент самостоятельно выбирает, в какое время ходить на учёбу. Он получает список предметов, необходимых для получения диплома, и далее посещает классы по расписанию, предоставленному на выбор.

мне выходит человеческая версия Кена ¹⁴ с лучистыми голубыми глазами.

Он выставляет вперёд свою руку для пожатия, но как только я вкладываю в неё свою ладонь, склоняется и прижимается к её тыльной стороне губами. Смущаюсь, но не возражаю против такого старомодного выражения почтения. Решаю поддержать его выходку и в ответ приседаю в реверансе, не сумев сдержать улыбки. Парень выпрямляется и, убрав со лба свою удлинённую чёлку, продолжает важным тоном:

– Для меня честь дышать с вами одним воздухом, мисс...

– Лили. Просто Лили, – прерываю его пафосную речь, не прекращая улыбаться, потому что от него исходит такая искренность и добрая энергия, что я ей заряжаюсь помимо своей воли.

– А я Рейв. Просто Рейв, – по-приятельски подмигивает этот ловелас.

– Рейв, хватит ломать комедию! – нашу театральную постановку прерывает раздражённый возглас.

Нахожу взглядом обладательницу возмущённого выпада. Смуглая брюнетка с осветлёнными кончиками волос высокомерно смотрит на меня своими сощуренными, ярко накрашенными глазами. Её окружает свита из трех девушек, вставших в точно такую же позу и вперившихся в меня точно таким же взглядом. Ага. Вожак стаи значит.

– Вики, не будь букой. Ты же своими глазами видела, как

¹⁴ Кен – игрушка от американской компании Mattel, парень куклы Барби.

она не ступала перед Терминатором. Да она героиня дня!

Девушка закатывает глаза и начинает со скучающим видом рассматривать свой маникюр.

– Терминатор? – вклинивается Глория в нашу беседу. Я уже и забыла, что она всё это время стояла рядом.

– Да, солнце, – Рейв тут же вступает с ней в беседу, как будто сто лет её знает. – Он – просто вылитый Хантер. Смотрела «Судный день»? – мы дружно хихикаем над этим сравнением.

– Не хочу прерывать вашу милую беседу, ребята, но у нас начинается занятие. – Оборачиваюсь на мелодичный женский голос позади нас и вижу нашего преподавателя Кэтрин Шанталь.

Ещё по пути сюда Глория поведала о том, что она – наш куратор. Именно миссис Шанталь накануне устроила им вечер повышения командного духа. Она не обладала какой-то примечательной внешностью. Обычная женщина лет сорока. На ней простая голубая блузка и серая юбка-солнце длиной до колен. Иссиня-чёрные волосы собраны в замысловатый пучок. В общем, типичная учительница младших классов, потому что она в данный момент смотрит на нас с такой материнской теплотой, с какой смотрят на своих нерадивых, но любимых отпрысков. Мы смущённо улыбаемся и расступаемся, чтобы освободить для неё проход.

Мы с Глорией садимся за свободный сдвоенный стол, который оказывается прямо за этой надменной Вики и её

подружкой. Ловлю на себе заинтересованные взгляды ещё нескольких парней и девушек и приветливо улыбаюсь. Новичку быть непросто, а подставному новичку – вдвойне. Как там говорил Макс? *«Ты общительная, быстро найдёшь контакт с местной элитой, а значит, сможешь раздобыть ценную информацию»*. Думаю, он может мной гордиться, потому что начало положено.

Между нами совершенно точно есть какая-то космическая связь, иначе как можно объяснить тот факт, что стоило мне подумать о нем, как я вижу на экране телефона всплывающее сообщение, помеченное одной буквой «М» вместо имени. Сердце тут же начинает биться с удвоенной силой, словно рвётся к нему, где бы он сейчас ни был. Хорошо, что мы сидим за спинами основной массы, и я могу спокойно посмотреть, что там. В нетерпении снимаю блокировку экрана.

М: «Демон уже в наручниках?»)»

Л: «И тебе привет!»

М: «Привет. Как дела?»

Л: «Грызу гранит науки. Боюсь, к твоему приезду останусь без зубов»

М: «Ничего. Тебе не повредит»

Л: «Отсутствие зубов?») Боишься, что покусая?»

М: «Наука не повредит, Лили»

Пока думаю, что бы ещё написать, от него прилетает новое сообщение:

М: «Обзавелась знакомствами?»

Л: «О да! Меня сразу взяла в оборот одна девчонка и, кажется, в меня по уши влюбился местный мачо»

И всё. Тишина. Я с такой надеждой ждала, как он отреагирует на мой провокационный ответ, а он попросту его проигнорировал. Откладывая телефон в сторону и начинаю усердно переписывать с доски ключевые слова для будущего эссе на тему «Благородство во имя, а не вопреки». Вздыхаю, потому что несмотря на то, что Лилиан Батлер уже отмучилась с сочинениями в прошлом, её Альтер эго во что бы то ни стало должно превзойти даже её саму.

ГЛАВА 12 СИЛЬНАЯ СЛАБОСТЬ

Сентябрь пролетел, как один миг. Я настолько влилась в учёбу, что не заметила, как стала любимицей большинства преподавателей, кроме одного, разумеется (у которого вообще по определению нет любимчиков), и «боксёрской грушей» для Виктории. Она отрабатывала на мне хуки глазами, иначе не назовёшь те ядовитые взгляды, которые она в меня бросала. Существуют люди, к которым инстинктивно тянешься, чтобы подзарядить свои ресурсы, а мы с ней – два северных полюса магнитов, которые неизбежно отталкиваются друг от друга, и чтобы притянуться, кому-то из нас нужно изменить направление. К её сожалению, это не я.

Напряжение между нами возросло особенно в тот день, когда Рейв настоял на том, чтобы мы с Глорией сели в столовой за стол их большой компании. Мы быстро нашли общие темы для разговоров, без конца сыпали острыми шуточками, благодаря которым над нами висела аура веселья и задора, приковывающая всеобщее внимание. И всё бы ничего, но своим присутствием я, кажется, затмила местную королеву. Чем вызван такой враждебный настрой по отношению ко мне, я не понимала. Ничего плохого я ей не сделала. Если это зависть, то это её проблемы, а не мои. Значит, Виктории есть над чем поработать, верно? Я такая, какая есть, и прогибаться под её Величество уж точно не собираюсь.

Я стала частенько зависать у Глории на её съёмной квартире недалеко от кампуса. И это разжигает приступы беспричинной ревности у Джилл. Мои заверения, что она мне как сестра, и ничто и никто не сможет этого изменить, мало действуют. Каждый раз, когда я возвращаюсь поздно домой, она меня поджидает у кухонного стола, как рогатый муженёк, и устраивает допросы с пристрастием. Надеюсь, сегодня ситуация изменится в лучшую сторону, потому что мы решили провести девочкин день в «Elleven», и я пригласила Глорию тоже.

Дико довольная собой, ставлю точку в своём эссе на тему благородства и откидываюсь на подушку, прижимая к груди исписанные черновики. Я дотянула с этим сочинением до последнего. Не сдам сегодня – и я в немилости.

– У тебя вид, как у кошки, добравшейся до валерьянки.

Поворачиваюсь к Глории, лежащей рядом на животе с талмудом гражданского кодекса.

– Просто сегодня возвращается ОН.

Моя кудрявая подружка понимающе улыбается и тоже укладывается рядом со мной голова к голове. Бьюсь об заклад, она искала малейший повод, чтобы отвлечься от чтения и не заснуть.

– Он сам написал тебе?

Я рассказала Глории о своём тайном объекте воздыхания, естественно, умалчивая о том, что он полицейский. Согласно моей легенде, мы с ним познакомились на стажировке в

мэрии.

– Дождёшься от него! Его друг Стивен случайно ляпнул об этом Джилл, а она – мне.

– А чего радуешься тогда? Может он и не позвонит?

– Позвонит, – заявляю уверенным тоном. – Уверена, он скучает по мне так же, как и я по нему, просто по неведомым мне причинам он держится на расстоянии. Но... – поигрываю бровями, встречаясь с Глорией взглядами, – у меня есть план.

– Каждый раз, когда в твоей голове возникает какой-то план, происходит что-то из ряда вон выходящее, – хохочет она.

О да, мой последний план был запоминающимся. Пару недель назад кто-то решил выставить меня посмешищем перед всем универом. После секции по волейболу, на которую я записалась, чтобы ещё больше расширить круг знакомств, я по обыкновению пошла в душ, выйдя из которого не обнаружила своей спортивной сумки с вещами. Кто-то пересмотрел молодёжные комедии? На мне было только коротенькое полотенце, предназначенное для головы, и шлёпанцы, подаренные Максом.

Чтобы добраться до шкафчика с телефоном и деньгами, мне предстояло пересечь спортзал, в котором уже вовсю шёл тренировочный матч мужской сборной университета. Конечно, я могла бы дождаться его окончания и отсидеться в душевой, но после этого состязания помещение запирали на

ночь, не оставляя мне выбора. Разумеется, моё полуголоое де-филе вдоль стенки не осталось незамеченным, и уже на следующий день я стала героиней студенческих новостей, что возымело обратный эффект для моего врага. Судя по приглашениям на свидания, в полку моих воздыхателей прибыло, а девчонки из нашей команды восхищались моей смелостью.

И вот тогда у меня созрел план, призванный поставить на место этого тайного недоброжелателя. Через пару дней после этого случая я решила сблефовать и на ланче в столовой как бы между прочим заявила, что попросила старину Эндрю проверить камеры наблюдения, чтобы выяснить, кто выходил с моей сумкой из спортзала, и что Брауни (кличка нашего темнокожего ректора Брауна) обещал исключить во-ришку. Видели бы вы лица шестёрок Виктории! Уже на следующий день она сидела с нами одна. Её подружки оказались настолько пустоголовыми, что сами отправились к ничего не подозревавшему Брауни с чистосердечным признанием. Их не исключили, но вынесли предупреждение. Если честно, я подозревала Викторию, а оказалось, что её свита просто хотела выслужиться перед ней. Предполагаю, что она была в шоке от такой подставы. Конечно, подружками мы не стали, и её угрюмый вид в моём присутствии никуда не делся, но холодная война куда лучше реальных боевых действий.

Последний раз я была в «Elleven» в вечер знакомства с

Максом, поэтому, как только я оказываюсь на танцполе, меня тут же окутывает туман воспоминаний, вызывающих прилив эйфории. В моей голове начинают мелькать кадры моего нападения, нашей встречи в департаменте, наших перепапок, моей победы в центре борьбы... Последний эпизод порождает во мне мелкую дрожь, расплзающуюся по моему телу снизу вверх будоражащей волной предвкушения.

Окружённая цветным дымом, переливающимся под лучами стробоскопа, я чувствую себя защищённой от считывания моих мыслей. Пусть подруги думают, что я кайфую от музыки и танца, а не от безумных мыслишек, который день населяющих мою голову. Когда я встречалась с Джейсоном, сыном сенатора, была уверена, что влюблена в него, но теперь я понимаю, что всё это было блажью. То, какие чувства я испытываю рядом с Максом, не идут ни в какое сравнение. Нежность. Влечение. Страсть. Желание понравиться. Желание касаться. Потребность в его заботе. Потребность в нём. Такая значит первая любовь, да? Толкающая на дурацкие поступки, заставляющая вести себя глупо в его присутствии, а главное – ничего с этим поделать не можешь. Мои эмоции, как обычно, побеждают в гонке с разумом.

– Глория, а ты сама откуда? – интересуется Джилл, плюхаясь на диван в нашей VIP-зоне.

– Я местная, – приветливо улыбается Кудряшка, отпивая свой коктейль через трубочку. – Просто сначала два года училась в Аризоне. Хотела смены обстановки. Но потом

Майами снова поманил меня.

– А где твои родители живут? Ты же вроде бы снимаешь квартиру одна? – добавляет Мелисса.

– Мои родные живут отдельно, а мне... хочется стать самостоятельной, – Глория с поразительной стойкостью выдерживает учинённый допрос, ведь я знаю, что у неё какая-то непростая ситуация.

Однажды я услышала её телефонный разговор на повышенных тонах, из чего сделала вывод, что она хочет вырваться из-под тотального контроля своих предков. Они явно настаивают на учёбе в этом университете, не спрашивая, чего хочет она. Глория – необычная, а ещё очень милая и добрая, хоть и часто грустно-задумчивая. Но я списываю эту печаль на то, что все творческие люди немного со странностями. Она просто превосходно рисует. Однажды я ей даже позировала. А ещё она увлекается оккультными науками и верит в энергию камней, подбирая каждый день разные украшения. К примеру, сегодня на ней длинные серьги с изумрудными сферами на концах, и каждый раз, когда она поворачивает или наклоняет голову, они начинают вращаться. Лучше бы я сейчас не смотрела на них. Аж голова закружилась.

– У меня тост! – вклиниваюсь я немного заплетающимся языком, пока наша беседа не перешла в ненужное русло.

– Лили, ты бы перешла на содовую, а? – мать Тереза, то есть мать Мелисса, обеспокоенно всматривается в мои глаза.

– Ой, перестань! Я выпила всего ничего! – на меня устрем-

ляется три пары глаз в молчаливом уворе, заставляющие меня закатить глаза.

Подумаешь, я выпила три, может, четыре бокала вина. Ну да, бокалы были довольно большими. Отставляю свой напиток, укладываю голову на удобную спинку дивана и прикрываю глаза. *О-о, привет, вертолётты!* Видимо, Мел права. Встаю со своего места, приглаживая низ своего платья, купленного специально к сегодняшнему дню, ведь я ждала своего горячего копа. И где он, спрашивается?

– Девочкиии-ик! – прикрываю рот и начинаю смеяться от неловкости ситуации. – Я схожу припудрить носик! Кто со мной?

– Пойдём вместе! Тебя опасно оставлять одну в таком состоянии, пьянчужка! – Джилл подрывается следом за мной.

– Как это ми-ило... Вы все такие у меня заботливые! Люблю вас! – подхожу по очереди к каждой и смачно целую в щеку, оставляя яркий след от губной помады.

Джилл хватает меня за руку и тянет в сторону туалетов, где уже собралась приличная очередь. До того, как мы встали в шеренгу ожидающих доступа в заветную кабинку, я и не осознавала, насколько сильно хочу туда попасть. Чтобы хоть как-то побороть эту физиологическую потребность, начинаю пританцовывать в такт доносящейся музыке. Смотрю на Джилл умоляющим взглядом, на что она лишь цокает языком.

– Лили, ты сегодня переборщила с вливаемой жидкостью.

Считай это часом расплаты.

Обиженно отворачиваюсь от лучшей подруги и начинаю считать количество девушек передо мной. Нет, это беспредел какой-то! То ли в глазах двоится, то ли их действительно так много!

– Джилл, отведи меня в служебный туалет. Это просто невыносимо! Ты хочешь, чтобы я набезобразничала прямо тут? – шиплю ей прямо в ухо.

Она озирается по сторонам, ненадолго застывает в раздумьях, а потом убедившись, что меня никто не слышал, начинает тянуть в сторону служебных помещений. Понятное дело, боится штрафа за «превышение полномочий» вне рабочего времени. Протискиваясь через забитый танцпол, в какой-то момент я теряю Джилл из вида. Встаю на носочки, чтобы рассмотреть её брюнетистую голову, но ничего не вижу в мелькающем свете. Да здесь все головы одного цвета!

Оставив попытки найти её здесь, иду к подсобкам сама, думая, что она уже там. На мою удачу, меня никто не замечает. Через служебный вход я проскальзываю в узкий коридор, в котором стоит такая тишина, что с непривычки у меня начинает звенеть в ушах, которые уже привыкли к громкой музыке. Вот это я понимаю – звукоизоляция! Из освещения здесь только настенные светильники в виде числа «11», от которых по мере приближения к туалету у меня начинает рябить в глазах.

– Джи-и-и-лл! – кричу довольно громко, но ответа так и

не дожидаясь.

Значит, я опередила подругу, а она ищет меня на танцполе. Покончу со своими делами и сразу вернусь. Вламываюсь в туалет, но не успеваю сделать и двух шагов, как меня резко хватают сзади, зажимая рот рукой. У меня перехватывает дыхание в попытке закричать. Хочу ударить нападающего локтем, но мне не оставляют возможности, потому что сразу разворачивают, притягивая сильными руками за талию, и я теряю дар речи.

– Ну, привет, звезда танцпола, – Макс всматривается в мои глаза, нахмутив свои красивые брови, а потом резко обхватывает мою голову ладонями и, не дав вымолвить ни слова, впивается в мои приоткрытые губы собственническим поцелуем.

В своих фантазиях я представляла наш первый поцелуй по-разному. В моей влюблённой голове вертелись вопросы: как это произойдёт? Он будет нежным и аккуратным? Настойчивым и страстным? Я буду волноваться? Но, как обычно, ни одно из моих предположений не сбылось.

Этот непредсказуемый мужчина целует меня так, будто долгое время умирал в пустыне от жажды и, наконец, добрался до воделенного оазиса. Я тоже пью его дыхание животельными глотками, чувствуя его учащённое сердцебиение своими ладонями, которые начинает покалывать, как от статического электричества. Внизу живота разливается знакомое сладкое томление, особенно когда он разворачивает

меня спиной к стене и запускает свои пальцы в мои волосы, наращивая темп. Из меня вырывается непроизвольный стон, когда он проводит языком по моей нижней губе, отрывается от меня и прижимается своим лбом к моему, переводя дыхание.

Не хочу открывать глаза, потому что боюсь, что всё это окажется пьяным бредом или сном, поэтому просто стою в ожидании его дальнейших действий. Ощущаю его щекочущее дыхание возле щеки, которое опускается чуть ниже к подбородку, а потом в чувствительное местечко под ушком. Он ласково целует меня туда, а потом отстраняется и произносит севшим голосом:

– Прости.

Всего одно слово отрезвляет меня не хуже холодного душа. Он сожалеет? Поднимаю на него свой затуманенный взор и молча жду продолжения. Видимо, разочарование написано на моём лице жирным шрифтом, потому что Макс вздыхает и улыбается.

– Глупая, я извинился за то, в каком месте набросился на тебя. – И снова прижимается своими влажными губами к моему, требовательно раздвигая их своим языком. Отвечаю с глухим стоном, зарываясь в его мягкие волосы на затылке. Я начинаю буквально плавиться, теряя связь с реальностью. Не могу иначе назвать ту бурю эмоций, которую порождают во мне эти нетерпеливые касания и ритмичные поглаживания наших сплетающихся языков. Всё происходит так есте-

ственно, будто мы целовались уже тысячу раз.

Он прижимает меня к себе ещё сильнее, обхватывает рукой моё бедро, вынуждая выгнуться ему навстречу. Ощущая его возбуждение, что усиливает моё ещё больше. Головокружение нарастает, пульс грохочет в ушах, ноги будто не мои. Боже мой, пора прекращать это безумие, иначе потом буду жалеть о том, что так быстро сдалась. С усилием воли отодвигаюсь от Макса, уперев ладони в его грудь.

– Что такое? – хмурится в непонимании, снова бросая взгляд на мои губы.

– Мне очень нужно в туалет! Ты хоть понимаешь, как рисковал, испугав меня?

Макс усмехается, а потом поднимает руки в сдающемся жесте.

– Иди, я не держу. – Отходит к раковине и прислоняется к ней, скрестив руки. Выжидательно смотрит на меня.

Какой же он красивый! Чёрная рубашка с закатанными рукавами и коричневые слаксы, сидящие на нем, как влитые, придают ему дерзкий вид.

– Может выйдешь за дверь?

– Не могу, – небрежным взмахом показывает на окно, выходящее на задний двор. – Я вошёл через него и выйду тоже через него. Я и так еле дождался, когда ты останешься одна, чтобы увидеться.

Расплываюсь в улыбке.

– Ты скучал?

– Не представляешь как.

Я верю ему. Верю его глазам, которые смотрят на меня сейчас с такой серьёзностью, что меня это по-настоящему пугает. Меня страшат те чувства, которые рождаются в моей душе. Боюсь, что это всё временно, и я просто умру, если разочаруюсь.

– Так мы что, теперь будем встречаться тайком в туалетах? – хихикаю.

– Это уже как карты лягут, – молча кивает на кабинку, напоминая о том, зачем я вообще сюда пришла.

– Буду благодарна, если ты включишь воду. Посильнее.

Он понимающе улыбается и открывает кран на полную, пока я скрываюсь в ближайшей кабинке.

Это вообще нормально, что я практически не испытываю неловкости? Разве бывает так, что знаешь человека несколько недель, а он становится настолько близким, что можешь позволить себе быть самой собой, а местами – невоспитанной?

– Лили! Ты тут?! – чуть не ударяюсь лбом об дверцу, так как не ожидаю услышать взволнованный окрик Джилл.

– Да! Секунду! Я сейчас всё объясню! – в спешке рву новые колготки, поэтому снимаю их и выбрасываю в корзину для мусора.

Что сейчас будет? Как мне объяснить присутствие Макса здесь? По моей легенде мы с ним не поладили на стажировке и разошлись, как в море корабли. И вообще, Лилиан Пусси

не знакома с Максом Кроу. Мало ли кто может нас увидеть в молодёжном клубе. Взять даже Глорию. Был момент, когда меня чуть не уличили во лжи, когда девочки услышали мою новую фамилию. Я всё свела к какой-то несвязной шутке про кошечек и новую кличку в универе. Как же сложно врать!

Выходя из кабинки, я только раскрываю рот, чтобы начать оправдываться, как оказываюсь в объятиях Джилл.

– Детка, прости-прости меня! Не знаю, где был мой мозг, но пока мы шли сюда, меня перехватил ОН, понимаешь? Я так не ожидала его снова увидеть, что впала в ступор. Он пригласил меня на танец, и я просто не могла отказать!

Пытаясь вникнуть в её тираду, бросаю взгляд в сторону раковины, но, разумеется, Макса там уже нет. О его присутствии напоминает лишь шум воды и открытое окно.

ГЛАВА 13

ШПИОНСКИЕ ИГРЫ 2.0

– Привет, крошка! Как прошли выходные? – Рейв материализуется передо мной прямо у входа в учебный корпус и ослепительно улыбается, продолжая пятиться.

– Тебе ответить честно или приукрасить? – улыбаюсь ему в ответ, потому что в его присутствии не могу иначе.

– Мне ты можешь рассказать всё, ты же знаешь! – подмигивает, пока я роюсь в поисках паспорта, но, когда вижу, что сегодня смена моего любимого старичка Эндрю, бросаю это занятие и вместо документа протягиваю этому милейшему человеку заготовленное печенье.

– Доброе утро, Эндрю!

– Теперь точно доброе! Спасибо, деточка! – он с радостью принимает угощение от меня, по-отцовски потрепав по голове.

– Ну и ну, у меня серьёзный соперник! – Рейв хохочет, пока мы поднимаемся на второй этаж. Сейчас у нас разные классы, но он всегда меня провожает к моей аудитории. Хочется верить, что это дружеский жест, и он не рассчитывает на нечто большее. Пока что наше общение больше похоже на взаимообмен милыми колкостями. Я рада, что у меня появился такой приятель. И он не женского пола. До сих пор

втайне сержусь на Джилл за то, что она прервала наше свидание с Максом, если так можно было вообще назвать то, чем мы занимались в клубе.

– Так что с выходными? Ты меня заинтриговала.

До лекции Терминатора остаётся ещё десять минут, поэтому встаём у окна, чтобы спокойно поболтать.

– Я отлично повеселилась в клубе у Джилл. Точнее, повеселилась, – заливаюсь краской при воспоминаниях о поцелуях, но Рейв воспринимает это, как отголоски стыда.

– Ого. Тебя оттуда выносили?

Шутливо толкаю его в плечо и озираюсь по сторонам. Ещё не хватало, чтобы про меня пускали новые сплетни.

– Нет, конечно, дурень! Всё было в пределах нормы. Разве что утром Джилл разбудила меня мерзкими воплями и заявила, что если я не встану с ней на обещанную пробежку, то она вызовет нарколога.

– А она крутая! – у Рейва даже глаза загораются.

– Что есть, то есть... Как-нибудь познакомлю вас.

– А где Глория? Мне нужно отдать ей конспект.

Смотрю на часы в телефоне и понимаю, что она опаздывает. Обычно Глория приходит раньше нас, ведь живёт в нескольких минутах ходьбы отсюда. Странно. Набираю её номер и слышу приветствие автоответчика.

– Может она приболела? Мы вчера болтали по телефону и мне показалось, что она чем-то расстроена. Давай сюда её конспект, я зайду к ней после учёбы, – забираю у Рейва тет-

радь, как раз когда вижу вдалеке Хантера. – Мне пора, увидимся на ланче. – Блондин отвечает кивком и уходит в противоположную сторону.

У меня уже вошло в привычку сидеть на лекциях этого мрачного мужчины с гордо поднятой головой, и всё там же – во втором ряду. Пусть не думает, что я перед ним робею. Такие энергетические вампиры, как он, питаются страхом. Им нравится видеть уязвимость людей и чувствовать над ними власть. Я каждый раз пристально слежу за всеми его движениями, взглядом, манерами. Его издевательские замечания по поводу нашей всеобщей тупости говорят только об одном: он считает себя долбаным гением, а нас так... безмозглыми букашками. Что это? Невоспитанность? Эгоизм? А может быть он социопат или мизантроп? И на досуге убивает студенток, проваливших экзамены? Надо бы сказать Максу, чтобы он через Стивена проверил Крейга Хантера.

Мои мысли прерывает листок бумаги, медленно придвинутый к моим ладоням. Кошусь на Викторию, которая сегодня сначала удивила меня тем, что села рядом со мной на место Глории, а теперь удивляет меня снова своим вопросом, выведенным красивым каллиграфическим почерком:

«Ты тоже считаешь Хантера говнюком?»

Пишу ответ, убедившись, что профессор нас не видит, так как пишет что-то маркером на доске:

«Мне кажется он – латентный маньяк».

И пририсовываю мордочку злорадно улыбающегося чер-

тёнка. Отправляю листок обратно адресату. Ощущаю подрагивание плеч Виктории от сдерживаемого смеха и самой становится смешно от абсурдности нашей переписки.

«В прошлом году он был руководителем моего конкурсного проекта и как-то попросил завезти к нему домой наброски. Я отказалась идти в его логово. Брр...»

В это время Терминатор усаживается за свой стол, расположенный прямо напротив нас, поэтому больше не рискую писать ответ, отодвигая листок Вики. Она складывает его пополам и закидывает в свою сумку от греха подальше.

– Идёшь сегодня на тренировку? – дружелюбно интересуется Виктория, пока мы идём в сторону остановки.

– Ты спрашиваешь как капитан команды или тебе действительно интересно?

Пару секунд Вики молчит, видимо, переваривая мой не очень радушный ответ, а потом огорошивает меня:

– Слушай, Лили, извини, если обидела тебя. Чувствую себя мерзко после той ситуации с раздевалкой. Клянусь, я ничего не знала! Да и против тебя ничего не имею. Если честно, я подумала, что ты очередная выскочка.

– А оказалось...? – даю ей возможность заполнить пробелы в своём вопросе.

– Нуу... – впервые вижу неловкость на лице этой девушки, – ты прикольная, – улыбается, показывая свои белоснежные зубы.

Не могу не засмеяться от такого сомнительного комплимента.

– Забей. Я не умею долго обижаться! Мир? – протягиваю ей руку, которую она не колеблясь пожимает.

– Мир.

– Насчёт тренировки пока не знаю. Мне нужно заскочить к Глории. Если успею, то прибегу обязательно.

– Давай! Без твоего нападающего удара игра – не игра.

– Ты намекаешь на прошлый раз?

Наш тренер уже неделю ходит в солнечных очках, чтобы скрыть синяк под глазом. Как мне было тогда стыдно, кто бы знал!

– Чёрт возьми, некрасиво смеяться, но это было эпично! Что это за тренер, который не может отразить бросок своего игрока?

– Ты упустила ма-аленькую деталь, – почти сомкнув большой и указательный пальцы демонстрирую «размер» этой детали. – Мистер Брик не играл с нами, а стоял в стороне. Из меня волейболист, как из нашего Брауни – пломбир.

Вики начинает звонко смеяться, вынуждая меня заняться тем же самым. Не уверена, что мы станем подругами, но я рада, что между нами теперь нет недомолвок. Очень удачно, потому что более подходящего момента для таких вопросов может и не быть.

– Вик, а ты не знала девушек, которых убили недавно?

Она резко меняется в лице и отводит взгляд в сторону.

– Нет. Лично не знала, – снова смотрит мне в глаза, – но меня пугает это всё. Даже подумываю записаться на уроки самообороны.

Провожая Викторию до остановки, взяв с неё обещание, что на эти уроки мы пойдём вместе, и иду к дому Глории. Она снимает квартиру в фешенебельном жилом комплексе с собственным бассейном на крыше. Богатые родители позаботились, не иначе. Откуда у студентки деньги на такое жилье? Я задавалась этим вопросом с самого начала, но наша дружба ещё не перешла на такой уровень, чтобы я могла без зазрения совести спрашивать о таких вещах. Да и какое моё дело? Когда Демон будет найден, наше общение, скорее всего, закончится.

Её телефон до сих пор недоступен, и меня начинает это напрягать. Вроде бы ничего особенного ещё не случилось, но в моей голове уже промелькнуло несколько сценариев её возможного убийства. Стучу в дверь, морально готовясь увидеть её труп. Боже, латентный маньяк скорее я, а не Хантер. Мне никто не открывает, поэтому стучу громче ещё несколько раз. Прислоняюсь ухом к двери и совершенно точно слышу шаги.

– Глория, это я! Открой мне!

Судя по тому, как шаги становятся более приглушенными, она уходит в сторону от двери. Какого дьявола? Стучу снова.

– Глория, это уже не смешно! Давай открывай, или я снесу

дверь!

Вдруг дверь открывается. Причём так резко, что мой занесённый кулак вместо двери чуть не попадает Глории по лицу.

– Приветик! – Кудрявая здоровается с дежурной улыбкой, как ни в чем не бывало.

Бегло осматриваю её с головы до ног и, убедившись в отсутствии ранений, признаков изнасилования или опухших от слез глаз, по-свойски просачиваюсь мимо неё в квартиру. Когда скидываю туфли, мой взгляд падает на мужские кроссовки.

– У тебя гости? – тычу пальцем на обувь известного бренда.

Глория обхватывает себя руками и краснеет. Ого. Я не вовремя?

– Да, – мужской голос за спиной заставляет меня вздрогнуть. Оборачиваюсь и вижу у барной стойки высокого брюнета. Он довольно симпатичный, даже красивый, я бы сказала, но его мрачная татуировка на шее и гангстерский вид немного сбивают с толку. Перевожу взгляд на смущённую подругу, которая продолжает молчать, а потом снова на него.

– Глория, если тебя удерживают здесь силой, беги, пока дверь открыта, – произношу на полном серьёзе, не отрывая глаз от этого бэдбоя. Тот ухмыляется, сверкнув недобрым взглядом.

– Лили, ты что? Это всего лишь мой брат!

– Брат? Ты ничего не говорила про брата, – хмурюсь в непонимании.

– Если я не говорила, это не значит, что его у меня нет. Знакомься, это Хоук.

Парень, в свою очередь, лениво отпивает что-то из кружки и смотрит в окно, как будто увидел там что-то поинтереснее нашего общества.

– Ну тогда извини, Хоук. Я – Лилиан. – Он отвечает мне кивком, даже не глядя в мою сторону, а потом встаёт, сгребая связку ключей со столешницы, и, чуть прихрамывая, направляется к нам. Надевает «Найки», бережно целует свою сестру в лоб, шепчет ей что-то на ухо и уходит. М-да. Его дружелюбие в мою сторону просто зашкаливает.

– Он заехал на пару дней. Мы давно не виделись, вот я и решила прогулять учёбу. А ты уже панику развела! – Глория цокает, выражая недовольство.

– А он милый, – последнее слово выделяю воздушными кавычками.

На мой сарказм подруга закатывает глаза и приступает к уборке. К слову, у неё действительно непривычный бардак. В раковине гора грязной посуды, на диване скомканное одеяло, на полу какие-то тряпки. Мой взгляд падает на открытую аптечку, и я вспоминаю прихрамывающую походку её брата.

– Хоук поранился?

Глория, укладывающая тарелки в посудомоечную маши-

ну, выпрямляется и, проследив за моим взглядом, понимает, к чему я задала этот вопрос.

– А, это? Нет. Я обезболивающие пила, ПМС замучил.

– Ты какая-то странная. Глория, точно всё в порядке?

– Ну конечно! – улыбается, чтобы заверить меня в правдивости своих слов. – Расскажи, что нового было в универе?

Подхожу к окну и поднимаю жалюзи, чтобы впустить в комнату солнечный свет, и вижу, как Хоук садится на мотоцикл. Правила техники безопасности и использование шлема ему, похоже, так же чужды, как и вежливость. Наблюдаю, как он рывком трогается с места, подрезая машину. Нервный тип.

– А чем твой брат занимается?

– Что за интерес к нему, Лили? Ты, кстати, не ответила на мой вопрос.

– Да ничего особенного ты не пропустила. Разве что Виктория сегодня стала набиваться в мои подруги. Села на твоё место, вела себя, как ни в чем не бывало.

– Да ладно! – Глория скептически качает головой. – И ты веришь в её искренность? Стоило ей лишиться так называемых подруг, как она сразу подобрела.

Пожимаю плечами, потому что сама пока не знаю, как относиться к Виктории. Вся проблема в том, что я начинаю забывать, где реальность, а где спецзадание. Как закопать поглубже свою доверчивость и научиться распознавать в людях их истинные намерения? Прошёл месяц, а я до сих пор топ-

чусь на одном месте, не зная, с чего начать своё расследование. Даже странно, что Макс не давит на меня и не торопит с результатом. Мой список подозреваемых, состоящий из единственного человека, можно даже не принимать в расчёт.

И тут меня осеняет. Набираю сообщение Виктории с просьбой прислать адрес Хантера, якобы чтобы обходить это место стороной, и добавляю кучку хохочущих смайликов для правдоподобности. Она отвечает почти сразу. Если верить навигатору, отсюда до его дома минут десять езды. Но интерес вызывает совсем другое. Он живёт неподалёку от клуба «E11even».

Решаю пропустить тренировку, чтобы понаблюдать за профессором, тем более у него через час заканчивается последняя лекция. Осталось замаскироваться как следует, поэтому не придумываю ничего лучше, чем схватить кружку с кофе, который не допил Хоук, и вылить его на себя, пока Глория занята уборкой.

– Проклятье! – показательно трясу своей розовой блузкой с коричневым пятном. – Глория, выручи меня, а?

– Конечно! Иди выбери что-нибудь, – машет рукой в сторону спальни, даже не удивляясь моей нерасторопности.

Надеваю свободную белую футболку и джинсовые шорты, благо, что размер у нас практически одинаковый. Собираю волосы в хвост и прихватываю бейсболку с логотипом футбольного клуба «Galaxy». Макс хоть и просил сообщать ему

обо всех действиях, связанных с расследованием, я не стану отвлекать его от работы по такой ерунде. Не рассказывать же мне ему о каждой своей прогулке. Он мне не докладывает, куда и зачем направляется, и чем занимается в свободное от работы время. Обидно. Он снова исчез, и мне начинает казаться, что наши поцелуи мне снились. Что на него тогда нашло? Неужели он так играет со мной?

Я уже отсидела задницу, выбрав для засады небольшой сквер напротив дома Хантера, а его всё нет. С чего я вообще взяла, что после работы он сразу поедет домой? Глупая. Лучше бы в волейбол сейчас играла. Только встаю, чтобы поймать такси и поехать домой, как вижу его. И не одного. Рядом с ним идёт маленькая девочка лет шести. Они держатся за руки, и о чем-то мило беседуют. Боже, Хантер умеет улыбаться? Он останавливается у будки с мороженым, поднимает девочку на руки, и она начинает показывать пальчиком то на одно, то на другое. Он смеётся и в итоге покупает сразу два. Стою в тени раскидистого дерева в полнейшей растерянности. Это его дочь? Из размышлений меня вырывает мелодия моего телефона. Моё сердце начинает лихорадочно стучать при виде буквы «М» на экране. Отсчитываю пять секунд, чтобы он не думал, что я сильно ждала его звонка, и принимаю вызов.

– Где ты, Лили? – спрашивает, даже не дождавшись моего «алло», словно торопится.

– Возле «E11even».

– В понедельник? Днём? Ты превзошла саму себя, – слышу смешок.

– Я же сказала «возле», а не «в». Была тут по делу. Кстати, ты мне нужен.

– Даже так? – чувствую, что улыбается.

– Мне нужно, чтобы ты нарыл информацию об одном человеке.

– Дела подождут. Я хотел съездить с тобой кое-куда, – как же его голос ласкает мой слух!

– А в этом «кое-где» как нужно выглядеть?

– Там нужно выглядеть так, как ты. Где тебя подобрать?

– Давай на остановке возле Долфин Молл.

– Буду через три минуты.

И отключается. Никаких тебе «крошка», «солнышко» или «целую» на прощание, но как же я скучала!

ГЛАВА 14 ОДНО ДЫХАНИЕ НА ДВОИХ

Сажусь рядом с Максом, заранее решив вести себя как можно естественнее. Как будто тогда я была настолько пьяна, что совершенно ничего не помню. Самовнушение – сильная вещь, знаете ли.

– Привет! – здороваюсь, на ходу пристёгивая ремень. Чтобы чем-то занять свои руки, стягиваю бейсболку и начинаю обмахивать ей своё лицо: – Фух! Как же душно.

– Привет? – вопросительная интонация в его голосе меня забавляет. Неужели он ожидал от меня другого приветствия?

Макс сидит вполоборота и испытующе смотрит на меня, будто наперёд просчитывая ход моих мыслей. Замираю с бейсболкой в руках, пытаюсь правильно истолковать значение его оценивающего взгляда. И почему он так странно улыбается, показывая свои красивые ямочки на щеках?

– Ты слишком много думаешь, – слегка ухмыляется, наклоняясь ко мне, и ласково целует.

Касание наших губ длится всего пару секунд, но от той нежности, которой пропитан этот поцелуй, я мгновенно начинаю млеть. Это так непохоже на ту безумную бурю, которую он устроил в клубе. Макс немного отодвигается, чтобы посмотреть в мои глаза, опускает свой потемневший взгляд

на мой рот и, словно пёрышком, проводит большим пальцем по нижней губе. Такого трепетного и интимного момента в моей жизни ещё точно не было.

Когда он откидывается на своё сиденье, чтобы завести машину и, наконец, тронуться с места, мне даже холодно становится без его близости, укутывающей меня, словно пуховым одеялом. И будто прочитав мои мысли, Макс берёт мою ладонь в свою и, переплетая пальцы, по-хозяйски укладывает наши руки себе на бедро. Не знаю, удобно ли ему управлять рулём в таком положении, но я вижу, что ему нравится этот тактильный контакт так же, как и мне. Его действия красноречивее любых неозвученных слов. Искренность в его взгляде невозможно подделать. Я её просто чувствую.

– Куда мы едем?

– Я всё думал, когда же она спросит? – косится на меня с доброй ухмылкой. – Ты продержалась два перекрёстка.

– Учусь быть менее болтливой, – пожимаю плечами. – И всё же?

– У меня знакомый – владелец яхт-клуба. Давно предлагал покататься на какой-нибудь лодке, а у меня то времени не было, то настроения. Сегодня захотелось. С тобой, – одаривает меня лукавой улыбочкой.

– Удачное ты выбрал время! – смеюсь. – Сейчас сезон дождей и штормов. А судя по духоте, сегодня он вполне может быть. Скажи честно, ты решил от меня избавиться?

– Совру, если скажу, что никогда не думал об этом.

– Вот ты засранец! – пытаюсь выдернуть свою ладонь из его, но он лишь крепче её стискивает.

– Лили! – хохочет. – Ну чего ты как маленькая! Ты разве не видишь?

– Что не вижу?

– Вот это, – многозначительно поднимает вверх узел из наших сцепленных ладоней.

Ему что, сложно выразить словами то, что между нами происходит?

– И что это? Скажи!

– Лили, если ты ждёшь от меня слюнявых признаний, то это не по адресу. Мы оба – взрослые люди.

Ну всё. Мои глубоко спрятанные обиды загораются во мне, как спичка, и я не выдерживаю:

– С каких пор взрослые люди не заслуживают хоть каких-то объяснений, почему на них сначала набрасываются с поцелуями, потом пропадают, а затем снова приезжают и ведут себя, как будто ничего такого и не было? Что между нами, Макс?

В салоне повисает густая тишина, сопровождаемая негромкой музыкой. Он молчит, сжав губы, и упрямо смотрит на дорогу. Солнечные очки скрывают от меня его взгляд. Руки не расцепляет. Бесит! Вот так это будет, да? Не хочу быть той, которой пользуются время от времени. Моё настроение резко падает, как и у него, по всей видимости. Мне уже не нужны никакие прогулки. Хочу просто домой и устро-

ить внеплановый девочкин день.

Внезапно машина резко съезжает на край дороги и тормозит. Нам начинают недовольно сигналить, потому что остановки на мосту Коллинза запрещены. Макс выходит. Наблюдаю, как он обходит свой Lexus с передней стороны, открывает мою дверь и произносит требовательным тоном:

– Выходи.

– Не выйду, – вцепляюсь в ремень и смотрю на проезжающие мимо тачки. – Не собираюсь добираться на попутках. Ты в своём уме?

– Господи, за что мне эта Сатана в юбке! – вздыхает, глядя в небо. – Лили, я думал ты обо мне лучшего мнения, – хмурится и разочарованно качает головой. – Просто пересядь за руль. Хотел поднять тебе настроение.

Ради моего настроения он наплевал на правила? Мне становится неловко. Самую малость. Этот искуситель действительно знает ко мне подход, и это пугает. Вылезаю из машины, но он не сдвигается с места, вынуждая меня протискиваться в небольшую щель, которую любезно оставил для выхода. Его руки лежат на крыше, поэтому я ныряю под них, оказываясь с ним лицом к лицу. А Макс, похоже, только этого и ждал, потому что в его взгляде пляшут знакомые бесы. Он опалает мятным дыханием мои губы и издевательски приподнимает бровь, словно не понимает, почему я зависла напротив него. Ну, ладно! Я принимаю правила его игры. Пригибаюсь, чтобы выйти из кольца его рук, но он тут же

смещает одну руку ниже, прижав её к стеклу задней двери и, тем самым, преграждая мне путь.

– Ты издеваешься? Ты сам сказал мне выйти!

– Лили, не делай вид, что ты ничего не понимаешь. Я вижу тебя насквозь.

– Тогда ты должен был увидеть, что в данный момент ты меня бесишь!

– Да что ты! – встаёт напротив меня, прижимая к машине. – А знаешь, ты тоже меня бесишь! Так сильно бесишь, что даже во снах выводишь меня из себя! – стискивает мою талию, вжимаясь своим телом в моё, и, чуть понизив голос, добавляет: – И знала бы ты, как меня бесит, что я не могу сдерживаться, когда ты стоишь вот так, напротив меня, и пробуждаешь во мне зверя... – Вдох. Взгляд глаза в глаза. И снова его губы на моих. Его язык встречается с моим. Так жарко, так горячо, так страстно. Он хватается меня за хвост и слегка тянет за него, ещё больше приподнимая мою голову, чтобы углубить поцелуй. Я горю, плавлюсь в его руках. В голове ни остаётся ни единой мысли. Моё сознание отключается, оставляя в теле только яркие вспышки удовольствия, расплзающегося по телу со стремительной скоростью. Как же я хочу его. Всегда хотела.

– Чувствуешь, как бесишь меня? – хрипло шепчет Макс, обхватив мою шею обеими руками, и толкается в меня, вдавливая в заднюю дверь своего Лексуса. На нем шорты из плотной ткани, но я определённо чувствую это.

Не успеваю ничего ответить, потому что слышу отдалённый звук полицейской сирены.

– Проклятье! Макс, мне нельзя попадаться полицейским! – мой испуганный вид его смешит.

– Да брось. Я покажу свой значок и всё. Скажем, что машина сломалась.

– Да? А потом они вызовут эвакуатор? Или ты сядешь в «сломанную» машину и уедешь? – уже не слушаю его ответ, потому что быстрым шагом направляюсь к его месту. – Садись скорее!

– С тобой я выгляжу, как подросток в пубертатном периоде!

Оставив машину на закрытой парковке яхт-клуба, мы бежим, взявшись за руки, и хохочем. Я, потому что дико довольна своим мастерским вождением, а Макс – потому что до сих пор в шоке, что удирал от полицейских, будучи сам полицейским.

– Хочешь сказать, я на тебя плохо влияю, м? – торможу его, резко остановившись.

Он разворачивается и снова быстро целует меня. Так ведь и привыкнуть можно.

– Я хочу сказать, что мне хорошо с тобой, – отстраняется и заботливо приглаживает мои растрепавшиеся волосы.

– Как ни с кем другим, ты хотел добавить?

– Как ни с кем другим, – целует в кончик носа. – Пойдём,

а то мне не нравятся вон те тучи, – показывает вдаль на темнеющее небо. Штормового предупреждения не было, поэтому с лёгким сердцем иду за ним в сторону нашего судна.

Назвав лодкой ту громадину, на которой мы поплывём, Макс сильно преуменьшил. Это даже не катер, а самая настоящая яхта с лежаками на корме, мини-баром, диваном для отдыха и каютой с ванной комнатой. Мне ещё ни разу не доводилось прикасаться к такой роскоши.

– Вот это да! – присаживаюсь на диванчик, поглаживая приятную на ощупь обивку. Здесь всё просто сверкает от чистоты и красоты. Боюсь представить стоимость интерьера, не говоря уже о самой яхте с красивым названием «Ange et démon»¹⁵.

– Нравится? – интересуется довольный Макс, заглядывая в бар.

– Ты ещё спрашиваешь! Никогда не каталась на таких яхтах!

– Твой отец тебя не балует? – протягивает мне запотевшую бутылочку с апельсиновым соком, а себе достаёт воду.

– Ну как сказать. Раньше баловал, но после смерти мамы я совсем отбилась от рук. Я такое устраивала! Стыдно вспоминать. – Наблюдаю, как он стягивает с себя футболку-поло, оставаясь в одних шортах. Невольно сглатываю при виде его обнажённого торса. Делаю ещё глоток сока, чтобы смочить вмиг пересохшее горло, и продолжаю: – И вот тогда он ска-

¹⁵ Франц. «Ангел и демон».

зал: «Лили, живи как знаешь, учись, где хочешь, я устал», – произношу это басом, копируя отца. – Он явно не ожидал, что учиться я захочу в полицейской академии, – хихикаю, прижимая ладонь ко рту, чтобы скрыть свои пылающие щеки.

Макс улыбается и направляется к приборной панели. Едва не давлюсь от изумления, когда он начинает умело щелкать разными кнопками и переставлять какие-то рычажки.

– Мы что, поедем без капитана? Одни? Ты умеешь управлять яхтой?

Он оглядывается через плечо, лукаво усмехаясь:

– Боишься?

– Нет. Я умею плавать.

– А задерживать дыхание?

– Странный вопрос. Ты будешь меня топить?

Макс смеётся и отворачивается. Берёт рацию, оповещая береговую охрану об отплытии и координатах нашего планируемого местонахождения. Господи, его вид у штурвала достоин того, чтобы с него рисовать картины. Широкие плечи, загорелое тело, слегка взъерошенные волосы. Не выдерживаю и подхожу к нему. Обнимаю сзади, прижимаясь щекой к его спине. Он слегка вздрагивает от неожиданности, но не отвлекается. Меня успокаивает размеренный стук его сердца, гладкость его кожи. Прижимаюсь губами к местечку между лопатками, ладонями ощущая, как ускоряется ритм его сердца. Опускаю руки с его груди на живот и делаю плавные

круговые движения. Обвожу пальчиком контур его мышц, ведущих вниз, довольно замечая, как его кожа покрывается множеством мурашек.

– Лили, если ты не прекратишь, мы не доедем до места, – его голос растворяется в шуме ветра.

Нехотя расслабляю руки, и отправляюсь вперёд к лежакам. Решаю немного помельтешить у него перед глазами. Завязываю футболку узлом под грудью, и, как только я укладываюсь на удобный матрас, мы начинаем ускоряться, рассекая волны. Они скользят вдоль борта яхты, оседая на моих губах и волосах мелкими солёными брызгами. Часть прядей, выпавших из моего хвоста, превращаются в непокорные завитки, норовящие залезть мне в глаза. Есть у меня такая особенность: при высокой влажности мои волосы начинают виться. И то, о чем мечтают многие девушки с прямыми волосами, меня сильно раздражает, так как я превращаюсь в пушистый одуванчик. К тому же, я одета явно не для солнечных ванн под палящим солнцем, и мне уже через пять минут становится невыносимо жарко. Макс, похоже, видит моё ёрзанье, потому что глушит мотор и зовёт меня к себе.

– Искупаемся?

Оглядываюсь по сторонам, обнаружив, что мы уплыли в сторону от тех туч, которые меня насторожили вначале, а прямо перед нами возвышается массивная широкая скала молочного цвета. Её необычная форма меня поражает. Она испещрена удивительно ровными горизонтальными линия-

ми, как будто по ней кто-то специально провёл резак. Какие всё же узоры может рисовать наша природа! Никогда не была в таком месте.

– Прямо здесь? У меня нет купальника.

– Ну белье же на тебе есть?

Неправильно расценив моё молчание, он слегка округляет глаза и усмехается:

– Нет?

– Есть! – отвожу взгляд в сторону, не зная, как ему сказать.

– Лили, в чем дело? – поворачивает мою голову за подбородок. – Если стесняешься, можешь остаться прямо в одежде. Просто хотел тебе кое-что показать под водой.

– Макс, я не стесняюсь! У меня ...

– Что? Месячные?

– Боже, нет! У меня белье от разных комплектов, ясно?

После секундного замешательства Макс с ехидной ухмылочкой притягивает меня к себе и убирает непослушный локон мне за ухо.

– Лили, эти девчачьи заморочки только в твоей голове. Поверь, даже если на тебе панталоны, доставшиеся по наследству от твоей бабушки, моё отношение к тебе не изменится.

– Фу, – кривлюсь от отвращения, представив эту картину. Обе мои бабушки наверняка погрозили пальцем с небес. – Ладно. Отвернись!

Макс послушно отворачивается, качая головой, и упирает руки в бока, делая вид, что смотрит вдаль. Быстро снимаю футболку и стягиваю шорты. Только ставлю ногу на первую ступень спусковой лестницы, как слышу:

– Мне нравится.

Он уже стоит лицом ко мне и нагло пялится на мои белые трусики в горошек. К слову, лифчик на мне красный. Ядрёное сочетание. Готова провалиться сквозь воду от смущения, потому что всякий раз, когда мне хочется ему понравиться, чтобы стать в его глазах самой сексуальной, происходит нечто подобное. А виновата во всём Джилл! Я ведь так и не побежала с ней вчера, и она в отместку спрятала моё нижнее белье, оставив самое непривлекательное. И откуда у меня вообще эти дурацкие трусы? Даже не помню, как покупала их.

– О, правда? Покажи свои! – бросаю ему вызов. Терять всё равно мне уже нечего.

В отличие от меня Макс не медлит. Скидывает шорты, забавно отбросив их одной ногой куда-то в сторону. Ну конечно! На нем фирменные белые боксеры Calvin Klein, подчёркивающие все его выдающиеся достоинства.

– Мне тоже нравится, – я сказала это вслух? Горло сковывает спазмом от волнения.

Макс приближается к лестнице, наблюдая за моей реакцией, поэтому я спешу к воде, чтобы не оказаться в дико неловой ситуации, когда моё лицо окажется на одном уровне с

его... единственным предметом одежды. Мысленно шлёпаю себя по щекам, чтобы прийти в чувство. Боже, ну что со мной? Веду себя, как малолетка на первом свидании.

Вода в это время года всё ещё очень тёплая, но на контрасте с моим раскалённым телом она кажется довольной прохладной, чему я очень рада, потому что мне необходимо переключить свои мысли в другом направлении. Я немного отплываю от борта, чтобы уступить Максу место, но снова не угадываю его дальнейшие действия. Он с разбега ныряет в воду, да так мастерски, что на поверхности почти нет брызг. Этот красавчик выныривает и плывёт ко мне, технично преодолевая волны. Невольно улыбаюсь.

– Скажи, есть что-то, чего ты не умеешь делать?

– Есть, – приближается к моему лицу. – Я не могу держаться от тебя на расстоянии.

– Так может не надо? – хмурюсь от его фразы. Сам же сказал, что мы взрослые люди. Чего он боится? Или кого? Моего отца? Макс совершенно не похож на мужчину, зависящего от чьего-либо мнения.

– Может и не надо, Лили.

Он подхватывает меня под бёдра, вынуждая обвить ногами его поясницу. Помогаю себе руками держаться на плаву, но, кажется, сил Макса хватает на нас обоих, потому что одной рукой он умудряется обхватить моё лицо, чтобы поцеловать меня.

Привкус соли на наших губах дарит совершенно новые

ощущения. Капли с его волос стекают по моим щекам, ещё больше будоража мои нервные окончания. Не думала, что такое возможно, но моё тело в данный момент состоит сплошь из эрогенных зон. Куда бы не прикоснулся этот мужчина, во мне просыпается безумное желание. Я начинаю эротично посасывать его язык, и из него вырывается тяжёлый вздох. Мучительный, я бы сказала. Да и поза, в которой мы находимся, не позволяет скрыть того, что мы оба чувствуем.

Отстраняюсь от него, вспоминая, что он хотел мне что-то показать.

– Макс, ты забыл, зачем мы сюда приехали?

– Точно! Я идиот, – смеётся моим самым любимым смехом. Он счастлив сейчас. Я знаю. – Лили, слушай внимательно. Сейчас мы подплывём к той скале. На глубине около полутора метров начинается небольшой грот. Главное, не отпускаяй мою руку.

– Что-то мне страшно. Сколько времени мы пробудем под водой? Я давно не ныряла. Даже не знаю, на сколько смогу задержать дыхание.

– Ты мне доверяешь?

– Доверяю. – Даже самой страшно от того, что готова доверить ему всю себя. Свою жизнь.

Подплываем вплотную к скале, которая сейчас мне кажется ещё более устрашающей. Хватаюсь за каменный выступ, чтобы немного передохнуть перед погружением.

– Видишь? – прослеживаю за рукой Макса и действитель-

но вижу под водой вход в грот. И что удивительно, оттуда будто льётся свет. Я представляла себе чёрную дыру, в которой умру от приступа клаустрофобии или панической атаки, а теперь наоборот захотелось побыстрее посмотреть, что там такое. Очень волнительно.

Молча киваю, чтобы не растрчивать дыхание на ненужные разговоры.

– На счёт три ныряем. Готова?

Снова киваю. Макс одобрительно улыбается и берёт меня за руку.

– Раз, два, три!

Делаю глубокий вдох и ныряю вслед за ним в манящую бирюзу. Под толщей воды пропадают все звуки, отключаются все органы чувств, кроме зрения и осязания. И это невероятно. Мы двое против целого океана, против его силы и могущества. Всего секунда – и ты можешь остаться навечно в его плену. Это знание страшит и воодушевляет одновременно.

То, что Макс назвал входом в грот, оказывается необычным сквозным туннелем прямо в скале, а то сияние, которое я увидела снаружи, было ни чем иным, как лучами солнца, проходящими сквозь воду по ту сторону. Зря я боялась. Под водой мы находились секунд двадцать. Но самым удивительным было другое. Вода в этом природном бассейне потрясающе изумрудного цвета! Как если бы всё его дно было усеяно драгоценными камнями.

– Макс! Ты это видишь? – с детским восторгом осматриваю дно под собой, не веря своим глазам. – Откуда ты знаешь про это место? – мой вопрос эхом отскакивает от скалистых стен, напоминая, что мы совсем одни в этой сказочной стихии.

– Нашёл случайно, когда занимался дайвингом. Если верить google, на дне – слой из базальтовых пород. Но поймать такой цвет не так уж просто: солнечный свет должен проходить чётко через это отверстие, – смотрю на свод пещеры вслед за его пальцем.

– Невероятно, – растягиваюсь в улыбке. – Теперь я понимаю, почему мы так спешили. Спасибо за такой сюрприз.

Мы подплываем в самый центр изумрудной ванны, оказываясь под лучами предзакатного солнца. Должно быть, со стороны это выглядит очень эффектно.

– В конце недели тебя ждёт ещё один сюрприз, – подмигивает, интригуя меня ещё больше.

– Что за сюрприз?

– Лили, если я расскажу, это уже не будет сюрпризом.

– Предлагаешь мне ждать столько дней? – капризно надуваю губы.

– Читала Экзюпери? Никогда не теряй терпения – это последний ключ, отпирающий двери, – его глубокий серьёзный взгляд пробуждает во мне приступ нежности.

– Ты такой милый, когда строишь из себя профессора, – обхватываю его лицо и мягко прижимаюсь к его губам. Ка-

жется, именно в этот момент я понимаю, что влюбилась в него. Я безнадёжна.

ГЛАВА 15 СЮРПРИЗ

– Лили, ты светишься, как фосфор в ночи. Кто тебя так осчастливил? – От Джилл не ускользает моё приподнятое настроение.

Несмотря на то, что вчера Макс привёз меня домой довольно поздно, я встала сегодня раньше будильника. Никак не могу унять состояние волнения, поселившееся в моём животе. И пока сама не понимаю, отчего такие ощущения: от ожидания того, что готовит сегодняшний день, или от событий накануне.

Мы ездили в парк Бейфронт на концерт местной инди-группы. Заведённые ритмами громкой музыки и энергетикой ликующих зрителей, мы целовались с Максом, как безумные, прямо среди толпы. И да, мы всё ещё не зашли дальше поцелуев и ласк, что не поддаётся никакому объяснению. Я ведь вижу, что для него настоящая пытка не позволять себе лишнего. Почему он тянет? У нас было столько возможностей за эти дни. Конечно, можно было взять инициативу и в свои руки, но не хочу выглядеть в его глазах одержимой нимфоманкой. В конце концов, в оттягивании желаемого есть что-то притягательное. Нам наверняка снесёт крышу, когда мы дорвёмся друг до друга во всех смыслах этого слова.

– У меня не может быть хорошего настроения? – притан-

цовываю под Майкла Джексона с Бинго в руках, пока закидываю в сумку тетради и учебники.

– Лили, ты два часа выпрямляла волосы, накрасилась ярче обычного и на тебе блузка с вырезом, не оставляющим простора для воображения. Ты закрутила с каким-то студентиком? – произносит с набитым ртом моя пронизательная подружка, уплетая недоеденную мной яичницу.

Решаю поддержать её догадки, чтобы она больше не приставала ко мне с подобными вопросами.

– Пока всё очень непонятно, но похоже кое-кто наклёвывается, – отвечаю туманно, чтобы не погрязнуть в своей лжи ещё больше.

– Вау. Всегда думала, что тебе нравятся мужчины постарше, но, знаешь, я бы на твоём месте тоже не упустила возможность испить молодой крови.

Закатываю глаза.

– А как там твой Летучий Голландец¹⁶? – Мы так с Мелиссой прозвали того парня, в которого втрескалась Джилл за красивые глазки. – Улетел, как всегда?

Она даже есть перестаёт. Хмурится.

– Лили, он просто очень занятой человек! – оправдывает этого странного товарища, снова наступая на те же грабли. – Он обещал сегодня заехать за мной в клуб.

– Ну всё. Жди предложения руки и сердца. – Вовремя

¹⁶ Легендарный парусный корабль-призрак, который не может пристать к берегу и обречён вечно бороздить моря.

уворачиваюсь от летящей в меня вилки. Смеюсь и спешу скрыться за дверью, чтобы поехать на учёбу.

Сюрприз меня ждёт уже на первом семинаре, когда мисс Шанталь объявляет, что жюри было поражено моим, цитирую, «видением поставленной проблемы», и эссе было отобрано на конкурс штата, который будет проводиться через три месяца. Даже не знала, что моё сочинение участвует в каком-то там конкурсе. Их всё ещё проводят? Да и сдала я его всего неделю назад! Видно, последнее всегда оставляет больший отпечаток, чем первое.

Обратная сторона этой победной медали в том, что мне придётся сначала выступить на университетской конференции, чтобы, так сказать, отрепетировать. А для этого потребуется, снова цитирую, «подшлифовать эссе, чтобы оно стало просто безупречным!»! Перспектива тратить свободное время на «шлифовальные работы» – так себе занятие, но куда деваться. Знала бы я, насколько пророческой окажется моя безобидная писанина.

«Детка, ты просто бомба!» – читаю в скомканной записке, прилетевшей мне от Рейва. Поворачиваюсь к нему, показав язык, на что он весело подмигивает. Вот уж кому надо писать сочинения на конкурсы! У меня уже коллекция из его записок.

– Рейв явно к тебе неровно дышит, – шепчет на ухо Глория, пока преподаватель вдохновенно разглагольствует об

идиомах и фразеологизмах в английском языке.

– Ой, перестань! Он ко всем неровно дышит. Не видишь, как возле него постоянно вьются девчонки? – закатываю глаза, хотя где-то глубоко внутри давно зародился червячок сомнения.

Рейв – типичный ловелас и прожигатель жизни. Он, как листок, оторванный ветром от дерева: куда подует, туда и летит. Нравится он мне, безусловно. Вон какие красивые эпитеты я для него подбираю вместо простого «бабник» и «потаскун».

– Не знаю, не знаю... Я бы не была так уверена.

– Глория, даже если и так. Моё сердце занято другим сексуальным красавчиком.

– А он в курсе?

– Ты сейчас про Рейва или про М...мужчину моей мечты? – чуть было не назвала Макса по имени. Не знаю, почему я так заикнулась на нашей общей тайне. Мало ли Максов в городе? Но если уж играть свою роль, то до конца, верно?

– Кстати про него, – весёлость на лице Глории резко сменяется озабоченностью. – Лили, как-то всё слишком быстро у вас закрутилось с этим твоим «МММ», тебе не кажется?

– МММ? – меня веселит это забавное сокращение. Придёт же в голову.

– Лилиан, ты уже начала готовиться к конференции? – возмущённый тон Кэтрин Шанталь заставляет меня вспомнить, что мы находимся в аудитории.

– Нет, извините.

– Назови мне фразеологизм про чересчур разговорчивых людей, и я сделаю вид, что ничего не заметила.

Нашли, чем озадачить!

– Могу назвать даже два! «Язык без костей» и «язык хорошо подвешен».

– Научу французскому языком, – вставляет свой пошлый комментарий Рейв, отчего девушки, сидящие рядом с ним, начинают смущённо хихикать. В этом он весь. Юбочник.

– Очень надеюсь, что к тебе относится второй вариант, Лилиан, – оставив шутку блондина без внимания, Кэтрин одаривает меня милой улыбкой и снова возвращается к своим примерам речевых оборотов.

Конечно, любой юрист должен владеть искусством грамотной и красивой речи, поэтому решаю всё-таки заняться тем, что у меня здесь пока получается лучше, чем шпионить: учиться.

Спустя три лекции по криминалистике и семейному праву мы нашей дружной компанией, наконец, заваливаемся в столовую. Чуть позже к нам присоединяется Виктория, у которой расписание не всегда совпадает с нашим. И судя по её торжествующему выражению лица и спешащей походке, она выиграла миллион в лотерею, и ей не терпится этим похвастаться. Небрежно кинув свою сумку на стул, она выпаливает:

– Уже слышали новость?! – судя по тому, как она не может

перевести дыхание, ей пришлось бежать, чтобы поведать нам об этой умопомрачительной сенсации.

Вики хватает свой стакан с водой и начинает пить большими жадными глотками, видимо, чтобы смочить горло, пересохшее от волнения или, скорее, от забега по университетским лестницам.

Недоумённо переглядываемся с Глорией, не понимая, к чему она клонит.

– Лили, не отвертись, я тебя тоже записала! – прерывается от своего водопоя, тыча в меня указательным пальцем, и снова прикладывается к стакану.

– Да отставь ты уже этот стакан и объясни нормально, что за новость и куда ты меня записала? Надеюсь, не на проект Хантера?

Господи, только не это... Он недавно объявил о научном проекте «Особенности постпреступного поведения», при этом задержав на мне острый взгляд, от которого у меня до сих пор мороз по коже. Нутром чувствую, что что-то не так с этим типом, поэтому не намерена оставаться с ним один на один. Буду действовать исподтишка.

Глория прикрывает рот ладонью, чтобы скрыть смех, а я начинаю волноваться не на шутку, пока жду, когда отдышится Виктория. Если честно, меня искренне поражает её поведение и те эмоции, что написаны на её лице. Обычно она ходит с видом неприступной королевы, иногда одаривая своих придворных снисходительной улыбкой. Как правило, по

ней сложно с ходу определить, какое у неё настроение, печалит её что-то или наоборот. Это наш с Глорией смех можно услышать за километр, а Вики... Сдержанная ледышка. По крайней мере, я так считала до этой минуты.

– Я не самоубийца, Лили! – Виктория даже глаза округляет, услышав мой вопрос про Хантера. – Ты что, забыла про наш разговор? Ты же сама хотела!

– Вики, вот конкретно сейчас всё, чего я хочу – это придурить тебя! – обхватываю своими ладонями в воздухе невидимую шею с дьявольской улыбкой на губах. – Объяснишь, в конце концов, что происходит?

– Господи, Лилиан! Я думала, раз даже наша серая мышь Элис в курсе, то ты и подавно уже успела заценить нашего нового тренера!

В груди резко кольнуло от нехорошего предчувствия. С моего лица, видимо, сошли все краски, потому что Виктория замирает, увидев моё онемение. Мне даже не нужно никаких уточнений, потому что до меня начинает доходить, о каком сюрпризе говорил Макс. Получается, он мне не доверяет и решил взять всё в свои руки? Конечно! Куда мне, несмышлёной и неуравновешенной недошпионке! Сюрприз значит. Он сюрпризом называет то, что теперь мне придётся любоваться, как стая местных пираний будет кружить вокруг него?

– Слушай. – Виктория усаживается на стул, накидываясь на свой обед. Ну точно пиранья. Изголодавшаяся хищница, заприметившая лакомый кусочек. Вики-Вики... А я ведь

только начала думать, что мы подружимся. – Тебя так расстраивает замена Брика? Забей, он не из-за твоего меткого броска ушёл. Ну, согласишься, тренер из него никчёмный?

Беру себя в руки и с невозмутимым видом начинаю отрезать ножом кусочек от своего стейка, купленного Рейвом, которого, видите-ли, не устраивает моё питание полезными салатами. Кусок в горло не лезет, но мне нужно себя чем-то занять, чтобы скрыть досаду. И обиду.

– Так и что там с новым тренером? Он голышом жонглирует мячами или над ним светится нимб? Что за странная реакция? – надменно вскидываю бровь, пытаюсь внешне оставаться по максимуму равнодушной к её новости, несмотря на негодование, растекающееся по моим венам отравляющим токсином.

Глория прыскает на пару с Рейвом, и я тоже натягиваю вымученную улыбку, чтобы поддержать атмосферу всеобщего веселья.

– Если бы ты его увидела, то точно не стала бы язвить! – Меня пугает её сияющий вид. – Раньше Брауни не мог собрать нормальную сборную, а теперь, боюсь, из-за количества претенденток придётся сдавать кучу нормативов, чтобы в неё попасть! – она мечтательно улыбается, глядя куда-то в пустоту, и в этот момент мне становится страшно от своих собственных мыслей. От желания как-то навредить ей. От желания стереть эту влюблённую улыбочку с её лица. Кажется, во мне проснулась дикарка, отчаянно размахивающая ду-

бинкой в желании защитить свою территорию от вражеского нападения, пока её муж-добытчик ушёл на охоту за мамонтом. Я ужасный человек?

– Ну и какой же он? – видя моё замешательство, интересуется Глория.

Вики откладывает вилку в сторону и, уложив подбородок на свои сложенные в молитвенном жесте ладони, начинает на одном дыхании перечислять достоинства МОЕГО мужчины.

– Девчонки, от него исходит такой магнетизм! Он всем своим видом демонстрирует самодостаточность, уверенность, мужественность. Его походка, голос, манеры – всё говорит о его силе, а главное – уме.

– Интересно, это когда ты успела сделать все эти выводы? – не выдерживаю я.

– А вот не надо тренировки пропускать! – она счастливо улыбается, даже не догадываясь, что в эту самую секунду я воображаю, как выдёргиваю ей волосы, по одному.

Получается, когда он подобрал меня возле клуба и повёз кататься на яхте, он уже всё знал. Знал и промолчал! А если бы я не пропустила тренировку? Он переобувается буквально на ходу, переигрывая сценарий. Опытный актёр, что тут скажешь.

– А куда ты меня записала тогда? Я же и так в сборной? Или Брик напоследок решил мне подгадить и исключил из состава?

– Неужели ты не видела огромное объявление прямо на

входе в Спортхолл?

Хмурюсь, пытаюсь вспомнить свой путь до универа. Спортхолл – это спортивный корпус, примыкающий к учебному. У них даже входы рядом. Мне кажется, я была настолько увлечена своими мыслями о Максе, что не заметила бы и слона.

– Лили! Мало того, что он будет нашим тренером по волейболу, так он ещё открыл набор на курс самообороны! Можешь себе представить? Рыбка буквально сама приплыла нам в руки! – она хмыкает, и я вспоминаю наш с ней уговор.

– Поэтому ты так неслась? – нервно смеюсь над абсурдностью происходящего. Смех явно выходит неискренним, потому что замечаю на себе настороженные взгляды Глории и Рейва.

Если весь этот спектакль для меня, то почему он не предупредил? Или он припас для меня местечко в своей учебной группе? Может я вовсе не захочу ходить на эти его уроки? Если одни только мысли о том, как на него покушаются студентки, приводят меня в бешенство, то что будет со мной, когда я буду лицезреть его телесный контакт с ними?

– Мне не терпелось поделиться! Думала, ты обрадуешься, – Вики обиженно поджимает свои пухлые губы. Красивые губы, кстати.

Непринуждённо пожимаю плечами, делая вид, что мне всё равно, кто будет нашим тренером: Брик или мой Макс. Меня резко накрывает апатия, потому что я совершаю самую

большую ошибку всех девушек. Начинаю сравнивать себя с другой. Бросаю взгляд на её ухоженные длинные ногти, покрытые ярко-красным лаком, и прячу свои руки под стол, потому что я забыла сделать маникюр, и мои пальцы украшают коротко постриженные ногти в стиле «ню» (если такой стиль существует в принципе). У неё густые тёмные волосы, завораживающие каре-зелёные глаза, обрамлённые пышными ресницами (натуральными причём). Виктории даже макияж не нужен, потому что, положив руку на сердце, она настоящая красotka. Да и помимо внешности ей есть чем зацепить парней. У её ног лежала бы уже половина курса, если бы не её напускная холодность и недостижимость, вынуждающая их поглядывать на неё тайком. А что я? Обычная. Такая же, как все. Может поэтому Джейсон начал мне изменять? Потому что не видел во мне ту самую, особенную?

– Лили, ты хоть слушаешь нас?

Мягкая ладонь Рейва ложится на моё плечо, вынуждая меня повернуться к нему. Его взгляд, преисполненный нежности, согревает меня. Почему только, глядя в его тёплые глаза летнего неба, мне хочется видеть другие, холодные, источающие серую мглу?

– Сорри, ребят, – смущённо улыбаюсь, – задумалась о своём. Так что вы решили?

– Мы решили идти сегодня на первый урок! – восклицает Вики. – Я, правда, Глорию и Рейва не записала, но, насколько я поняла, приходиться и смотреть можно вообще всем же-

лающим.

– Не больно-то и хотелось, – бурчит чем-то недовольная Глория, ловко перебирая пальцами по экранной клавиатуре смартфона.

– У меня что-то настрой не тот. Я не пойду, – упрямая дикарка в моей голове убрала дубинку за пояс и решила на время спрятаться в пещере, чтобы обдумать дальнейшие действия и не наломать дров.

– Тебе даже не интересно посмотреть на него? Ну ты даёшь!

– Что он, музейный экспонат, чтобы на него смотреть?

– Скучная ты! – цокает Вики. – Пойдём тогда со мной в Атлетик-молл? Прикуплю что-нибудь новенькое для занятий, – и недвусмысленно подмигивает мне.

Я не ослышалась? Она предлагает мне выбрать для неё секси-костюм, чтобы соблазнять моего Макса?

ГЛАВА 16 СОТРУДНИКИ

– Как тебе? – Виктория кружится вокруг своей оси в новых спортивных микрошортах неонового салатого цвета.

Вынуждена признать, в них её зад кажется ещё более подтянутым. И да, я добровольно пошла с ней на эту экзекуцию, потому что мне было просто необходимо морально подготовиться к пыткам, которые меня ожидают на тренировках.

– А они не треснут по шву, когда будешь приседать? – задаю вопрос, надев на лицо маску беспокойства, поэтому Вики не чувствует никакого подвоха с моей стороны.

В её глазах отражается неподдельный испуг и, повернувшись задом к зеркалу, она выпячивает свою пятую точку, чтобы провести «тест-драйв». Возвожу глаза к глянцевому потолку, мысленно прося у Всевышнего терпения.

Сейчас во мне борются два чувства: ревность и ярость, и даже не знаю, что из этого хуже. С чего я вообще решила, что она мне соперница? Макс не из тех людей, которые станут пускать слюни при виде знойной красотки, словно пёс, увидевший своего любимого хозяина. Но устоит ли он перед её чарами? Особенно если меня не будет рядом. Кажется, это единственная верная мысль за сегодня, поэтому решаю, что не буду пропускать ни единой тренировки, чтобы держать ситуацию под контролем. В конечном счёте, самое худшее, что может случиться, так это то, что я в нем разочаруюсь,

наше «мы» снова распадётся на «я» и «он», и всё станет, как прежде. До него.

– Вик, знаешь, пожалуй, я всё-таки пойду сегодня с тобой! – увидев её обрадованное выражение лица, я встаю с дивана и направляюсь к стойкам с костюмами. Лучше выберу себе что-нибудь, чем наблюдать за этим нелепым показом мод.

Специально не беру ничего откровенного, потому что принципиально не хочу пополнять ряды его обезумевших фанатов. Свой выбор я останавливаю на эластичных чёрных шортах и майке классической расцветки женской сборной США по волейболу. Даже не примерив, иду на кассу, чтобы расплатиться, и подождать Викторию снаружи. Достāju свою банковскую карту, на которой мне удалось скопить немного средств с подработки на пляже. Пользоваться деньгами отца, которые регулярно капают на мой банковский счёт, выше моей гордости. Раз решила стать самостоятельной девочкой, надо идти до конца.

– Ещё что-нибудь желаете, мисс? – задаёт свой дежурный вопрос приятная женщина-консультант.

– Нет, спасибо.

Только собираюсь забрать карту из её руки, как она наклоняется ближе, будто хочет раскрыть тайну века, и переходит на шёпот:

– У нас сегодня акция на дезодоранты с феромонами, – и загадочно подмигивает, бросая мимолётный взгляд мне за

спину, где Виктория примеряет очередной костюм, который больше подходит для ролевых игр, чем для занятий спортом.

Несколько секунд размышляю над возможными экстрасенсорными способностями этой женщины, а потом хватаю с полки дезодорант, на котором изображена клубника со сливками. Моя сообщница одобрительно кивает и, отсканировав баллончик с «приворотным зельем», снова наклоняется ко мне:

– Эта акция только для вас, если вы понимаете, о чем я, – и снова подмигивает. Может у неё нервный тик?

Не могу не улыбнуться этой чудачке. Если бы в этой жизни было всё так просто! Раз – распылил аэрозоль, два – твой любимый уже бросает мир к твоим ногам. Но мне в любом случае дезодорант не помешает, поэтому чем чёрт не шутит? Усмехаюсь себе под нос, не до конца понимая, как я докатилась до таких дешёвых способов обольщения.

Если по пути на тренировку во мне ещё теплилась мизерная надежда на то, что нашим тренером всё же окажется не Макс, то она разбивается вдребезги, как только я вижу то самое объявление. Да это даже не объявление, а целый рекламный баннер. Вот это подход! Вот это креатив! Я бы поплодировала, если бы не была в обиде из-за его недоверия. И когда он успел побывать на профессиональной фотосессии? Уж его-то вряд ли Кейт снимала в кабинете дознания.

– Красавец, правда? – Виктория немигающим взглядом рассматривает моего мистера Бонда, смотрящего в камеру с нахальной улыбочкой, от которой я всегда так млела.

Он стоит в боевой стойке с протянутой рукой, будто подзывая к себе. Примерно таким я его запомнила в нашу сорванную тренировку по крав-мага, когда он ожидал меня на борцовском ковре. Сексуальным, дерзким и обаятельным. Неудивительно, что местные девчонки пожирают его глазами.

– Ничего так, – беспечно пожимаю плечами, – хочется верить, что тренер из него не хуже, чем фотомодель.

Сегодняшний урок по самообороне будет показательным, поэтому я остаюсь в той же одежде в отличие от Виктории, которая спешит в сторону раздевалок, чтобы натянуть на себя обновки. Решаю побыть сегодня зрителем и просто посмотреть в глаза этого обманщика.

В спортзале, как я и ожидала, настоящее вавилонское столпотворение. Кто-то поправляет волосы, разглядывая себя в зеркале, кто-то губы красит – смех, да и только! Выдыхаю с облегчением, когда вижу Рейва, активно машущего мне со второго ряда трибуны. Пока протискиваюсь к нему, краем уха улавливаю ещё несколько неоригинальных комментариев по поводу внешности моего Макса. Надо же, моё ревнивое сердце больше не трепещет в предсмертной агонии. Видимо, у меня начинает вырабатываться иммунитет.

Рейв занял для нас обоих места в самом центре зритель-

ской трибуны, откуда открывается идеальный вид на центральную часть зала с разложенными тренировочными матами.

– Так и знал, что ты придёшь! – блондинистый пижон встречает меня с обольстительной улыбкой на лице, распахнув свои объятия.

Прижимаюсь щекой к его груди, вдыхая свежий аромат дорогого парфюма. Он пахнет другом. И заботой. Его тепло успокаивает меня. До этого момента я даже не предполагала, насколько сильно была взвинчена из-за Виктории. Слегка приобнимаю Рейва в ответ, чтобы он не напридумывал себе лишнего.

– У тебя новые клубничные духи? – Рейв немного отстраняется и начинает щекотно обнюхивать мою шею, вызывая у меня произвольный приступ смеха.

И ровно в этот момент раздаются громкие хлопки в ладони, привлекающие внимание всех собравшихся. Повернув голову в сторону звука, я встречаюсь глазами с Максом. Он резко отводит свой взгляд, но я успеваю заметить промелькнувший в них арктический холод. Убрав руки в карманы своих спортивных штанов, он принимает вид грозного тренера. По его поджатым губам я понимаю, что он не в духе, и, кажется, догадываюсь почему. Рейв явно перегнул палку в своих дружеских жестах, и меня бросает в жар от внезапно нахлынувшего чувства вины. Перед ними обоими.

Рядом с Максом с серьёзным выражением лица стоит рек-

тор Браун. Именно он «аплодировал», чтобы уgomонить разбушевавшихся студентов. Усаживаемся с Рейвом по своим местам, приготовившись к захватывающему зрелищу.

– Добрый вечер, мои дорогие! – Брауни приветствует всех искренней улыбкой, ухватившись за подтяжки своих широких брюк.

Его довольно грузное телосложение и немолодой возраст с лихвой компенсирует никогда не унывающий вид. В том числе и за это его уважают все студенты без исключения. О том, что он добродушный человек, я поняла ещё после того, как он сжалился над теми стервами, что стащили мою сумку.

– Руководство университета с радостью откликнулось на ваши многочисленные просьбы, – делает паузу, словно хочет растянуть удовольствие от своего выступления, – поэтому позвольте представить нашего нового тренера по волейболу, а также инструктора по самообороне в одном лице: Макса Кроу! – вытягивает руку в сторону Макса, который, слегка улыбнувшись, сдержанно кивает головой в ответ.

Толпа ожидаемо взрывается овациями. Я тоже начинаю хлопать, правда не так вдохновенно, как это делают девушки вокруг меня. После ректора своё слово берёт наш новый «тренер»:

– Не буду вас томить, поэтому предлагаю сразу приступить к первому занятию. – Потерев ладони друг о друга, он окидывает трибуну беглым взглядом, избегая той зоны, где сижу я, разворачивается к нам спиной и размеренным шагом

направляется к матам, предоставляя одичавшим студенткам отличную возможность заценить его крепкий зад. – Но для начала мне понадобится один доброволец, на котором я буду отрабатывать разные приёмы.

После этих слов Макс оказывается вне моего поля зрения, так как весь обзор перекрывают поднятые руки. И как он будет выбирать подопытного кролика? Вернее, крольчиху.

– Можно мне попробовать? – слышу голос Виктории со стороны первого ряда. Она единственная осмелилась подать голос. Надо отдать должное, эта девица – не промах.

– Ты сейчас палец откусишь.

Я даже не заметила, как стала грызть подушечку большого пальца, пока Рейв не убрал мою ладонь от лица.

Лес рук передо мной резко исчезает, и я вновь вижу Макса, в направлении которого с грацией гибкой львицы уже движется Виктория. Он смотрит на неё в упор, приветливо улыбаясь. Мне видно только её спину, но готова поклясться, она ему всю демонстрирует два ряда идеальных зубов, как краб Себастьян из «Русалочки».

Внутри всё резко холодеет. Кровь будто перестаёт бежать по моим венам, а сердце начинает биться в бешеном ритме в погоне за таким необходимым кислородом. Мои внутренности затягиваются в тугий узел, парализующий все нервные окончания разом. Мой здравый рассудок словно отделился от тела, заставляя себя чувствовать водителем огромного грузовика, у которого отказали тормоза. Я не могу ни

спрыгнуть, ни остановиться. В обоих случаях разобьюсь насмерть. Во мне зарождается ранее незнакомое неуправляемое чувство: чувство собственности. Оно сковывает меня, не даёт пошевелиться или хотя бы сделать вдох. Что я там говорила про иммунитет? Забудьте! Кажется, я заболела неизлечимой болезнью.

Судя по жестикации Макса и понимающим кивкам Виктории, он объясняет ей дальнейшие действия. Не могу смотреть на то, в какой близости друг от друга они сейчас находятся, зная её намерения. В голове бегущей строкой начинают мелькать воспоминания о хихикающей Кейт в департаменте, о той девице с кокосами, вешающейся ему на шею. И эти его улыбочки с ямочками. Он тоже так мне улыбался. Кто я для него? Лишь одна из множества? Да пошли они все!

На автопилоте вскакиваю со своего места, и, не оборачиваясь, устремляюсь к выходу. Сквозь противный звон в ушах слышу, как меня окликает Рейв, но я не обращаю внимания. Чувствую себя слабачкой, но это выше моих сил.

Решаю пройтись до дома пешком, чтобы проветрить свою больную голову. Может стоит пропить успокоительные? Почему я так реагирую? Звонок мобильного прерывает мои бредовые размышления. На экране высвечивается фотография, на которой мы с отцом кривляемся на фоне океана, высунав языки, как дети. Это селфи я сделала сразу после приезда в Майами.

– Привет, пап, – пытаюсь скрыть грусть в голосе, но он всё

замечает.

– Привет, Лили. Как дела? – улавливаю настороженность в его тоне, как будто он прощупывает почву.

– Устала немного. Иду с занятий. Учёба, все дела... Как погода в Хьюстоне?

– Всё в порядке. Тебе Кроу уже сообщил?

Не могу не усмехнуться. Разумеется, он тоже знал. Все знали, кроме меня.

– Не сообщил, но я сама видела своими глазами.

Молчание.

– Пап?

– Не понял, что ты видела? Лили, несколько дней назад нашли ещё один труп студентки. Эту информацию мы скрыли от СМИ, чтобы не сеять панику среди населения.

– О, Господи, – я даже останавливаюсь, чтобы переварить услышанное. – И кто она?

– Дело не в том, кто она, а как выглядела. В этот раз это не брюнетка. Все остальные признаки те же. Метка. Поза эмбриона. Всё указывает на то, что смерть наступила из-за переохлаждения. Лили, – на другом конце линии слышу вздох, – я поэтому и звоню. Ты должна уехать.

– Куда уехать? Что за бред?

– Я не хочу, чтобы моя дочь рисковала собой и маячила перед Демоном, кем бы они ни был! Этим займётся Макс. Один.

– А, вот оно что! Он что-то вроде моей замены? Прекрас-

но! Мой ответ – нет.

– Лилиан! – слышу строгие нотки.

– Да, мистер Батлер.

– Я тебя увольняю. Сегодня же Мэгги подготовит приказ.

– Увольняй. Мне всё равно пока некогда работать. Я учусь, если ты забыл! И сразу предупрежу на случай, если ты начнёшь угрожать отчислением. Это решает ректор, а не ты. А Браун скорее удавится, чем отчислит студентку, которая должна поехать на конкурс штата.

Жму кнопку сброса и разворачиваюсь обратно в сторону университета. Теперь, когда у меня появились новые друзья, я просто не имею права сбегать, как последняя трусиха. Я уверена, что двигаюсь в правильном направлении. Мне всего лишь нужно немного больше времени!

Чтобы раз и навсегда закрыть вопрос о моём нахождении в универе, пора достать из рукава жирный козырь. Эндрю сохранил для меня видео с теми недоделанными воровками, которые продолжают спокойно учиться здесь. А всё почему? Правильно. Преступное попустительство ректора, который сам же позволил им уйти безнаказанными. И пусть мой шантаж будет жестоким по отношению к душе Брауни, я должна им воспользоваться. Вряд ли он захочет уйти на преждевременную пенсию с таким позорным пятном на своей репутации.

Коридоры в учебном корпусе уже опустели, поэтому звонкий стук моих каблучков эхом отскакивает от стен. Инте-

ресно, тренировка закончилась? Виктории понравилось? А ему? Миллион вопросов, на которые нет ответа. Разумная часть меня понимает, что надо было остаться, чтобы не мучиться в догадках, а неразумная – уже давно помахала ей ручкой, поселившись в моём теле на постоянной основе.

– Лили, стоять! – слышу за спиной голос разъярённого Макса.

Как он меня нашёл? Уверена, он хочет отговорить меня так же, как это делал отец. Продолжаю идти, не замедляя шаг. Моя цель – ректор.

– Какого хрена ты творишь? – он резко хватается меня сзади за плечи, разворачивая к себе. Наши взгляды пересекаются – его свирепый и мой недоумевающий.

– Это ты меня спрашиваешь? – гневно тычу указательным пальцем в его грудь. – Ты не считаешь нужным посвящать меня в дело, которое мне же и поручил! Ты постоянно увиливаешь от разговоров! Ты. Мне. Не. Доверяешь! – чеканю я, сопровождая каждое слово повторным тычком в его напряжённые мышцы.

– Я забочусь о тебе! Причём тут недоверие? – он разводит руками, морщась, будто от физической боли. – А вот к тебе у меня есть вопросы! – теперь уже он направляет в меня палец. – Что за сучёныш вертится возле тебя?

– Он – мой друг!

– Я видел, как этот друг совал свой нос в твою шею!

На этом обвинении я немного теряюсь, потому что со сто-

роны действия Рейва вполне могли сойти за флирт. Только раскрываю рот, чтобы начать оправдываться, как слышу звук открывающейся двери с другого конца коридора. Макс тоже это слышит, поэтому, особо не раздумывая, дёргает меня за руку, буквально впихивая в первый попавшийся кабинет.

По-видимому, здесь нет окон, потому что несмотря на солнечный день здесь стоит кромешная темнота. А ещё тут очень тесно и пахнет какими-то химикатами и сыростью, отчего в носу начинает свербеть. В тот момент, когда я начинаю хватать носом воздух, пытаюсь сдержать чихание, Макс резко притягивает мою голову вплотную к своей груди, чтобы заглушить моё громкое «апчхи». Мне становится невыносимо смешно. Носки моих туфель стоят прямо на его кроссовках, потому что я упираюсь пятками во что-то твёрдое. По его сотрясающимся плечам понимаю, что он тоже еле сдерживается. Обнимаю его, вцепляясь в мягкую ткань футболки. Обречённо утыкаюсь лбом в его шею, пользуясь тем, что он всё ещё удерживает мой затылок своей ладонью. Застываю, боясь разрушить этот момент уединения.

– Мне плохо, когда мы с тобой ссоримся, Макс. И я... Я понимаю, как всё это выглядело. Завтра же скажу Рейву, чтобы он больше меня не обнимал, – бормочу в пространство в районе его ключиц.

– Сегодня.

Его безапелляционный ответ вынуждает меня отлепиться от него. Мои глаза уже привыкли к темноте, поэтому могу

точно сказать, что его взгляд стал более мягким, брови уже нахмурены, мышцы скул расслаблены. Провожу ладонями по его щекам, ощущая лёгкую щетину, которая так нравится нервным окончаниям на моей коже. Он выжидательно смотрит на меня, не предпринимая никаких действий. Неужели тоже ревнует?

– С одним условием, – парирую я.

Бровь Макса взлетает вверх в молчаливом вопросе.

– Я остаюсь в университете, и раз уж ты теперь тоже здесь, мы будем сотрудничать.

Он запрокидывает голову с тяжёлым вздохом, открывая мне отличный доступ к его шее. Не жду ответа. Просто прижимаюсь к ней губами, оставляя лёгкие поцелуи. Чувствую, как он сдаётся. Его вдохи становятся всё чаще, его руки притягивают меня всё сильнее.

– Нет, – отвечает осипшим голосом.

– Уверен? – продолжаю свои поцелуйные манипуляции. – Ты мне должен желание, помнишь?

Макс цепляет мой подбородок, приподнимая мою голову к своему лицу, и, медленно склонившись, начинает водить своими губами по моим, едва их касаясь. Он не целует, нет. Дразнит, будто наказывая. Каждый миллиметр между нами кажется пыткой. Хочу снова ощутить его вкус, почувствовать то желание, которое, словно сладким туманом, окутывает нас всякий раз, когда мы сливаемся в едином экстазе. Пока нежные губы Макса продолжают проделывать мучитель-

ную петляющую дорожку по моему лицу, я чувствую, как его пальцы зарываются в мои распущенные волосы, собирая их на затылке. Закрываю глаза от блаженства, ухватившись за его запястья. И я бы точно упала от внезапно захлестнувшего меня чувства опьянения, если бы не слова Макса возле моего уха:

– Я как никогда уверен, что сотрудничеством мы не ограничимся.

ГЛАВА 17 ЕГО ДЕНЬ

С тех пор, как мы с Максом вылезли из той тёмной норы, оказавшейся чуланом для хранения уборочного инвентаря, прошла почти неделя. И эти дни казались вечностью, потому что мы не виделись с ним. Тренировки в будни мне пришлось пропустить из-за работы над своим эссе, а в выходные я гостила у Мелиссы в роли няни. У её мамы случился инфаркт, и она почти два дня дежурила возле неё, опасаясь ухудшения состояния. Я не могла остаться в стороне, тем более что Крис был в далёкой Канаде, и не смог вернуться, а с мальчишками мы – большие друзья. Так что Мел даже просить меня не пришлось. Когда она позвонила, сообщив дрожащим голосом о том, что её мама в больнице, я сразу собрала сумку со всем необходимым и заявила у неё на пороге.

Покинув кабинет Кэтрин Шанталь, снимаю блокировку экрана, чтобы вызвать такси, но планы резко меняются, как только я вижу заветное сообщение от Макса: «Долго будешь от меня бегать? Жди на углу Линкольн Роуд». В груди мгновенно разгорается знакомое предвкушение и волнение. Оцениваю свой внешний вид в зеркале и спешу к выходу, потому что до указанного места идти минут пятнадцать.

Это улица в центре выглядит, как муравейник. Оно и понятно: здесь настолько высокая концентрация бутиков, ба-

ров и кафе, что немудрено затеряться в толпе. Пока жду Макса, маскируюсь от возможных знакомых, как могу: делаю вид, что сопровождаю парня, раздающего листовки, прячась за его тощую спину от прохожих. Даже странно, что за пятнадцать минут он так и не заметил моего присутствия.

Как раз в тот момент, когда мне уже надоедает быть тенью промоутера, на перекрёстке возле нас тормозит Lexus, пронзительно визжа покрывками. Машинально останавливаюсь, равно как и мой уличный «коллега». От осознания того факта, что Макс спешил ко мне, я разве что не мурчу, как сытая кошка. Со стороны водителя опускается стекло, открывая взору довольную физиономию моего красавчика. На нём облегающая чёрная футболка-поло с расстёгнутым воротом. Волосы небрежно уложены в стиле «плохого парня», на лице игривая улыбка. Выставив локоть из окна машины, он заигрывающе подмигивает, махнув головой в знак приглашения, а потом вдруг меняется в лице.

– Я не тебе, придурок.

Его скривившееся от отвращения лицо и взгляд, направленный на парня с листовками, сначала сбивает меня с толку. Перевожу глаза на последнего, и меня накрывает приступ безудержного хохота, когда я понимаю, что этот чудак решил ответить Максиму взаимностью, нацепив кокетливую улыбку. Куда катится мир!

– На тебя даже парни западают! – усаживаясь рядом с Максом, не могу не поддеть его, вытирая слезы, проступив-

шие в уголках глаз от смеха.

– Я польщён, – он резко трогается с места, бросив последний презрительный взгляд на раздосадованного юношу.

– А я ещё ломала голову, почему этот разносчик листовок меня не замечает. – кошусь на него, поигрывая бровями. – Оказывается, его задний радар настроен только на тестостерон!

На это он лишь невесело ухмыляется и сосредотачивается на дороге.

– Мэгги просила заехать в департамент. Никуда не торопиться?

– Я вся в твоём распоряжении, – рассеянно отвечаю, потому что увлеклась перелистыванием десятков сообщений от Рейва, начиная от «Почему ты меня не подождала?» и заканчивая «Дай свой адрес».

Только этого не хватало! В тот день я так и не сказала ему ничего, как обещала Максу. Я ещё не придумала, как помягче намекнуть о том, что его знаки внимания начали меня смущать, а он уже ко мне домой наострил свои лыжи (водные, конечно). Всё-таки Глория права. Блондин ко мне равнодушен. Пишу извинительное сообщение и понимаю, что боюсь его обидеть. Стираю. Спустя несколько секунд и вздохов снова пишу. Рейв в сети, и наверняка ждёт мой ответ, гипнотизируя экран.

– Дай сюда! – Макс решительно выхватывает мой телефон из руки, не дав опомниться.

– Какого...

Всё происходит настолько быстро, что я не успеваю как-либо среагировать. Он переплетает наши пальцы, прямо из мессенджера делает их снимок, который сразу отправляет сообщением Рейву, снова перекладывает несчастный аппарат в мою ладонь и как ни в чём не бывало продолжает следить за таймером на светофоре. Окно нашей переписки с блондином было всё это время открытым, поэтому, когда вижу статус «прочитано», столбенею в ожидании ответа. Но его нет. И, по-видимому, не будет, потому что мой друг молча выходит из сети.

Отличный ответ на просьбу дать адрес – прислать фото с мужской рукой, на запястье которого красуются часы Rolex. На душе становится гадко, потому что это выглядит, как насмешка. Что я скажу при встрече? «Извини, мой мужчина – неандерталец»? или «Извини, я дрянь?»

– Я решил твою проблему, – Макс сухо отвечает на мой произнесённый вслух вопрос.

– Мою? – моему возмущению нет предела. – У меня не было никаких проблем, пока ты не заявился в университет!

– И очень вовремя заявился, как я посмотрю, – кидает небрежный взгляд на мой телефон, как если бы я держала в руке голову Рейва.

– Кто бы говорил! Уже успел оценить формы своей подопечной? – обрисовываю в воздухе контур пышной груди, намекая на буфера Виктории. Она который день щебечет о

своём прогрессе на уроках самообороны, на которые я тоже не ходила с тех пор.

– Кто-то ревнует? – приподнимает бровь, продолжая следить за дорогой.

Наблюдаю, как на лице Макса появляется удовлетворённая улыбка. Он даже приосанивается, расправляя широкие плечи. Гордый павлин, распутивший свой прекрасный хвост перед самкой, отдавшей ему своё предпочтение.

– Не ревную, – щёлкаю языком и впериваюсь в подвижную фигурку полицейского, закреплённую на панели перед моим носом. Он держит пистолет обеими руками, целясь в пространство перед собой, поэтому, когда верхняя часть его туловища поворачивается туда-сюда, создаётся впечатление, что он сомневается, в кого выстрелить: в меня или водителя. Забавно. Я даже присмирела, пока наблюдала за этим «вечным двигателем».

– Откуда у тебя этот дружок? – останавливаю указательным пальцем фигурку так, чтобы «под его прицелом» оказался Макс.

– Приятель подарил.

– Ещё один поклонник? – дразнить его стало моим хобби.

– Лили, ты напрашиваешься? – Макс паркуется возле департамента и оглядывается по сторонам, убеждаясь в отсутствии лишних глаз.

– Это месть за тот беспредел, который ты устроил в моей личной переписке, – перехватываю его лукавый взгляд и в

знак протеста высовываю язык, который перетягивает на себя всё его внимание.

Ухмыльнувшись, он несколько мгновений смотрит на мои губы, будто взвешивает все «за и против», чтобы поцеловать их, а потом просто бережно поправляет мои волосы, глядя в мои глаза с такой нежностью, что на мгновение у меня возникает ощущение, будто он хочет что-то сказать. Вместо этого Макс лишь проводит по моей щеке тыльной стороной ладони и, отстегнув мой ремень, произносит: – Пойдём.

В этом он весь: держит всё в себе, сохраняя власть над своими эмоциями. Как я могла влюбиться в свою полную противоположность? Если мной правят сиюминутные желания, то Максом правит он сам усилием воли. Когда он о чём-то задумывается или принимает серьёзный вид мыслителя, я представляю, с какой скоростью в этот момент вращаются шестерёнки в его голове. Причём если мои вращаются рывками, иногда заклинивая, то его работают бесперебойно, как у робота. Иногда меня бесит его чрезмерная прагматичность. Возможно, именитые психологи не так далеки от истины, когда утверждают, что нас раздражает в других людях то, что мы когда-то себе запретили и чему подсознательно завидуем. Порой мне действительно не хватает здравого смысла, вот только вспоминаю об этом слишком поздно, а после драки, как известно, кулаками не машут.

Пока поднимаемся на второй этаж, обращаю внимание на непривычную тишину. Правда, и время уже нерабочее. На-

верняка остались только самые заядлые труженики и те, у кого нет личной жизни. Под последними я имею в виду Кейт, так как заметила её красный Opel, пока мы шли через парковку. Как только Макс открывает дверь главного офиса, который обычно выглядит, как пчелиный улей, раздаётся громкий слаженный хор:

– По-здра-вля-ем! По-здра-вля-ем! По-здра-вля-ем! – эти восторженные возгласы завершаются троекратным ура.

Каменею от шока, потому что вижу толпу наших, а в руках тех, что по центру, красуется огромный плакат с надписью: «С днём рождения, босс!». Готова провалиться сквозь землю от стыда и утащить за собой Макса, который ни словом не обмолвился о таком событии. У меня даже подарка нет! Испепеляю его широкую спину красноречивым взглядом, пока он похлопывает по плечу своих подчинённых, выстроившихся в очередь за личным поздравлением. Стою в нерешительности, не зная, как себя вести и что делать. Такого конфуза в моей жизни точно ещё не было.

– Привет, Лилиан! Давно тебя не было в наших краях, – передо мной вырастает Стивен с добродушной улыбкой на лице, берёт мою руку и галантно целует её.

– Рада тебя видеть, – улыбаюсь абсолютно искренне, потому что друг Макса – и мой друг тоже. – Не подскажешь, мне придушить его сейчас или дать насладиться праздником? – киваю в сторону именинника.

Стив ухмыляется, убирая руки в карманы своих отутю-

женных брюк с идеальными стрелками.

– Ты не знала о его дне рождения? Лилиан, мне казалось, ты из тех девушек, которые изучают совместимость по знакам зодиака в первый день знакомства с парнем.

– Я не страдаю такой ерундой! – слегка толкаю его в плечо, делая вид, что меня обидело такое мнение обо мне. – К тому же, доступ к его личному делу был закрыт.

Стив смеётся, переводя понимающий взгляд с меня на своего друга, словно видит то, чего не замечают другие. Конечно, я интересовалась биографией Макса, но в открытом доступе на него ничего нет. Мой источник Мэгги рассказывала мне то, что и так известно любому оперативнику отдела, а сам Макс кормит меня крохами своей жизни вместо того, чтобы дать сразу откусить кусок побольше. Да и я хороша. Как могла не спросить про такую деталь, как день, в который родился тот, кто стал мне дорог?

– Макс просил найти для тебя кое-что. Держи.

Стив протягивает непримечательную тонкую папку, и я сразу понимаю, что это.

– Не здесь, – добавляет парень, как только я начинаю её раскрывать.

Поднимаю взгляд на Макса, обменивающегося рукопожатиями с офицерами. Его уважают и любят. У всех такие счастливые лица, будто праздник у них, а не у руководителя. Растерянность меня отпускает, и на её место приходит радость. Горжусь этим мужчиной, а ещё собой, потому что

в этот раз я втрескалась в достойного человека, который не предаст. Не предаст же? Я не должна сомневаться. Именно поэтому оставляю эту шумную компанию, когда возле Макса появляется сияющая Кейт.

Уединяюсь в нашем кабинете, усаживаясь в комфортабельное кресло с накинутым на него пиджаком, и включаю настольную лампу. За окном стремительно стемнело, поэтому лёгкое свечение передо мной создаёт приятную таинственную ауру. На столе идеальный порядок: никаких раскиданных бумажек, обёрток от жвачек или конфет, которые Макс с завидной регулярностью таскал из моей вазы. Ручке Parker, одиноко лежащей на столе, я уже не удивляюсь. Его любовь к брендовым вещам была заметна с первого дня нашего знакомства, когда я увидела на нем тот люксовый костюм в «Elleven». Дорогой мужчина во всех смыслах этого слова.

– Милая, ты пропустишь самое интересное! Меня просили позвать тебя, – розовощёкая Мэгги появляется на пороге кабинета.

Бросаю взгляд на настенные часы и понимаю, что провела здесь почти час, удовлетворяя своё неуёмное любопытство. Не уверена, что полученная информация сможет нам сильно помочь, тем более что у меня появилось ещё больше вопросов.

Тем временем, в большом офисе уже развернулась настоящая вечеринка. Хорошо, что отец в отъезде. Вряд ли

он одобрил бы подобную вакханалию в таком священном месте закона и правосудия. Занятно наблюдать за раскрасневшимися лицами служителей фемиды, разбившихся на компании по интересам. Одни делятся забавными случаями со службы, вторые травят анекдоты, потягивая напитки. Несколько столов соединили в один большой. В удивлении изгибаю бровь, наблюдая, как несколько человек шустро расставляют бутылки с пивом взамен пустых и раскладывают пиццу, от аромата которой у меня начинает сводить желудок. Я толком не обедала, поэтому мой зверский голод уже достиг своего апогея.

Макс стоит у окна и разговаривает по телефону, наверняка принимая чьи-нибудь поздравления. Нужно срочно исправить свою оплошность. Хватаю две бутылки со стола и подхожу к нему, вставая рядом плечом к плечу. Заметив моё присутствие, он спешно прощается с собеседником, и засовывает руки в карманы джинсов, с любопытством поглядывая на бутылки в моих руках. Не говоря ни слова, протягиваю одну ему.

– С днём рождения, – поднимаю вверх своё пиво в знак поздравления и делаю небольшой глоток.

– Спасибо, – непринуждённо улыбается, отвечая таким же жестом, но не пьёт. За рулём же.

– Почему ты не сказал?

– Ты не спрашивала, – пожимает плечами, – тем более для меня это обычный день. Такой же, как и все остальные.

– Только не говори, что тебе не нравится быть в центре внимания, получать море комплиментов и подарков! – не скрываю своего изумления.

На это Макс лишь усмехается с оттенком грусти в глазах.

– Я уже не мальчик, чтобы радоваться такой мелочи.

– Правда? А что тебе приносит радость?

Макс ненадолго задумывается, проводя большим пальцем по запотевшему горлышку бутылки.

– Знаешь, я ведь хотел заменить тебя на задании, чтобы у нас была возможность встречаться, ни от кого не скрываясь. Но, увидев твоё негодование там, в коридоре, понял, насколько эта работа важна для тебя, – наши взгляды встречаются в тёмном окне, – а ещё я понял, что радуюсь, когда радуешься ты. Такой ответ тебя устраивает?

Его слова обездвигивают меня. Наверное, со стороны мы выглядим комично: глазеем в окно, как будто там есть что-то интересное. И никто не догадывается, что в это самое мгновение между нами происходит нечто неподдающееся логическому объяснению.

– И долго вы будете тут стоять, м? – сзади на нас наваливается Стивен, обнимая обоих за плечи, отчего я ещё больше прижимаюсь к Максиму. – Я за вами! Лоуренс игру забавную предложила.

Этой забавной игрой оказывается «Десять пальцев», довольно популярное развлечение среди студентов, главная цель которых – напиться до потери пульса. Кейт решила при-

дать этой шалости бóльшую солидность, предложив за проигрыш не выпивать шот, а выполнить одно из заданий. Каждый игрок должен начать своё признание со слов «Я никогда не». Тот, кто совершал данное действие, загибает палец. Соответственно, проигрывает игрок, которому уже нечего загибать. Состязание на честность, как вы поняли. Но, по моему опыту, под действием алкоголя участники с гордостью выкладывают про себя всю подноготную.

Спустя полчаса игры выясняется, что никто из присутствующих никогда не ходил по-маленькому в бассейн, в отличие от офицера Хью, того самого, который снабжал меня Сникерсами. Морщю нос от отвращения, пока все дружно над ним ржут. Хорошо, что в департаменте тренажёрный зал, а не бассейн.

Я сегодня трезвая, а потому мои скучные признания не представляют никакого особого интереса для игры, ведь я сообщаю, что никогда не ездила на мотоцикле, не убивала людей, не была в другой стране и не купалась нагишом. Правда, на последнем признании я почувствовала заинтересованный взгляд Макса, сидящего напротив, будто он размышлял над тем, как исправить это недоразумение. Сам он отказался принимать участие в этом сомнительном развлечении и занял наблюдательную позицию, посмеиваясь над своими придурковатыми подчинёнными.

Кейт, прилипшая к имениннику, то и дело сверлила меня хитрым взглядом, полным превосходства. Я чуть не рас-

смеялась в голос, когда она демонстративно загнула палец на признании Мэгги в том, что она никогда не целовалась на рабочем месте. Мой ответ не заставил себя долго ждать. Когда к концу игры у меня остался незагнутым всего один палец – средний, я ясно дала ей понять, за кем последнее слово. Гоню от себя мысль о том, что язык Лоуренс мог побывать во рту моего Макса, потому что это всё было до меня. Чтобы победить, важно не стартовать первым, а финишировать, не так ли?

Спустя пару часов все начинают расходиться, и инспектор Дик, сидящий рядом, предлагает мне свои услуги водителя, чтобы проводить домой. Я вежливо отказываюсь, ссылаясь на то, что у меня ещё остались кое-какие дела. Спустя пару секунд чувствую в кармане юбки вибрацию. Ловлю на себе плутоватый взгляд Макса, говорящий о том, что отправителем сообщения является он. Немного выжидаю, чтобы соблюсти секретность нашей переписки. Макс в это время прощается с сотрудниками, так и не дождавшись, что они все свалят отсюда раньше, дав нам возможность уйти вдвоём без косых взглядов. Благодарит всех за весёлый вечер и не забывает подбодрить невезучего Хью, потому что он проиграл первым, и ему досталось задание замести следы нашего банкета в офисе. Как только дверь за моим мужчиной закрывается, достаю свой телефон:

«Через десять минут около нашей кофейни».

ГЛАВА 18 НА ВЫСОТЕ

– Скажи мне, ты точно следователь, а не подпольный наркобарон? – с нескрываемым восторгом обхожу владения Макса, по пути прикасаясь ко всем доступным поверхностям, будто убеждаясь, что всё это наяву.

Глянцевая столешница из чёрного гранита, на которой не видно ни единого отпечатка (кроме моего, только что оставленного), девственно чистая кухонная техника, белоснежный диван без единого пятнышка – всё прямо-таки кричит о том, что у него есть домработница.

– Нет. На самом деле я втираюсь в доверие к красоткам, привожу в своё логово, а потом... – приближается ко мне, протягивая бокал с белым вином, – долго и мучительно пытаю, – подмигивает, довольно улыбаясь, и ударяется своим бокалом об мой. – Наручники у меня с собой, кстати.

Теряюсь под его игривым взглядом, не до конца понимая, правильно ли я расцениваю то, к чему он клонит. Выпиваю залпом свой напиток, чтобы скрыть неприсущую мне растерянность от его шутки про пытки, и спешу к панорамным окнам, из которых открывается сказочный вид на вечерний проспект, усыпанный огнями от уличных фонарей и рекламных вывесок. Океан сейчас не видно, но точно знаю, что при дневном свете с тридцатого этажа он будет, как на ладони.

Как оказалось, Макс живёт в элитном небоскрёбе Марина

Палмз с собственной яхтенной пристанью, тренажёрным залом, бассейном и даже охранником, вооружённым до зубов. Необходимость в последнем я так и не поняла, потому что доступ ко всем дверям и лифтам возможен здесь только по электронному ключу владельца квартиры. Но у богатых свои причуды. Мне всегда было интересно, как выглядит жилище Макса Кроу. Почему-то думала, что это будет типичная холостяцкая берлога, в которой есть, где поспать, принять душ и выпить кофе, поэтому я никак не ожидала увидеть пентхаус в стиле президентского люкса отеля «Риц».

– Нравится? – Макс встаёт позади меня и обнимает за талию, притягивая вплотную к себе.

Укладываю свои ладони поверх его рук, сцепленных на моём животе, и с напускным равнодушием отвечаю:

– Конечно, вид из окна моей квартиры на глухую стену другого дома тоже ничего, но твой вид немного лучше, – и для убедительности со скучающим видом пожимаю плечами.

Не проходит и пары секунд, как он начинает меня щекотать. Гостиная наполняется моим истерическим хохотом вперемешку с воплями и мольбами отпустить на волю. Извиваюсь в его руках, пытаюсь освободиться, но он лишь смеётся и сильнее прижимает к себе, не прекращая виртуозно перебирать пальцами по моим рёбрам. Этот садист приподнимает меня над полом, и сквозь пелену проступивших слез успеваю заметить, как комната начинает вращаться перед глазами.

От резкого смещения в пространстве не сразу понимаю, что мы валимся прямо на пол. Макс принимает весь удар на себя, распластавшись подо мной. Сам виноват. Я ужасно боюсь щекотки! Внезапно понимаю, насколько двусмысленной выглядит поза, в которой мы сейчас находимся, учитывая тот факт, что моя задница вплотную прижата к его напряжённому паху. Думаю, наши мысли сходятся, потому что мы оба синхронно замираем. На фоне резкой тишины наше тяжёлое дыхание кажется особенно громким. Упираюсь взглядом в зеркальный потолок над нами, и у меня дух захватывает от сцены, которую вижу в его отражении. Мы будто два вуайериста, подглядывающих за парой влюблённых. И это... невероятно возбуждает.

– Немного лучше, говоришь? – хрипло произносит Макс, рвано выдыхая в мои волосы, раскиданные по его плечам светлым ореолом, который в полумраке комнаты особенно ярко выделяется на фоне его чёрной футболки. Белое и чёрное. Ангел и Демон. И кто из нас двоих ангел – ещё вопрос. В моих мыслях столько грешного, что мне страшно от самой себя.

Он не спеша смещает правую ладонь к внутренней стороне моего бедра, не отрывая жадного взгляда от тех мест, которых касается. Его пальцы начинают выводить на моей коже замысловатые узоры, пробуждая во мне целую гамму противоречивых чувств. Страх. Предвкушение. Трепет. Возбуждение. Моя и без того короткая юбка бесстыдно задра-

лась от неуклюжего падения, открывая вид на чёрные трусики, фасон которых просто создан для соблазнения. Макс скользит пальцами под нежное кружево, вызывая в моём теле неуправляемую дрожь. С шумом выдыхаю, когда другой рукой он мягко фиксирует моё лицо и произносит:

– Смотри.

Наши взгляды пересекаются в зеркале. С такого расстояния его глаза кажутся чёрными, даже пугающими. Они не спрашивают разрешения, не умоляют остановить его, а поработщуют, заставляя меня стать невольным зрителем той порочной картины, которая предстаёт прямо передо мной. Через тонкую ткань блузки чувствую жар его кожи, рельеф его грудных мышц, попеременно опускающихся и поднимающихся от учащённого дыхания. Очевидно, ему нравится наше отражение, и не только ему.

– Ты такая сексуальная, Лили, – шепчет Макс, не прекращая сладостные истязания своими пальцами. – Если бы ты могла читать мои мысли, то убежала бы ещё в день нашей встречи, – взгляд глаза в глаза. – Пока ты требовала себе отдельный кабинет, я в мыслях уже трахал тебя прямо на своём столе, – вдох и выдох в унисон.

Сглатываю от его откровенного признания. Я на пределе. Вцепляюсь в его бёдра, как за спасательный круг. Больше не могу. Финиш. В голове ни единой мысли – только бесконечные вспышки, сопровождаемые неконтролируемыми импульсами удовольствия. Макс прикусывает мочку моего уха,

проводит по ней языком, посылая ещё один электрический разряд к моим внутренним мышцам, ритмично сжимающим его пальцы. Не могу сдержать стоны наслаждения, наполняющего низ живота тёплыми приливами. С ума сойти, это был самый быстрый оргазм в моей жизни, причём я сама не могу понять, что стало этому виной: его волшебные руки или последние грязные словечки, намекающие на его скрытые желания. Макс переворачивает нас обоих так, что я оказываюсь на полу лицом к нему, и тут же атакует мой рот с таким нетерпением и такой жадностью, словно целую вечность ждал этой минуты. Настоящее безумие.

– Хочу тебя, – шепчу, пока он переключается на другие чувствительные точки моего тела, лаская их губами, языком, пальцами, по пути стягивая с меня одежду.

Он будто дорвался до долгожданного лакомства, сгорая от любопытства, что же находится под обёрткой. Привстаю на локтях, потому что мне не терпится снять с него футболку и брюки, которые сейчас ощущаются ненужной преградой, мешающей насладиться контактом кожа к коже. Макс без слов понимает мой голодный взгляд, потому что, ухмыльнувшись, встаёт на ноги, торопливо увлекая за собой в сторону панорамных окон.

Он подхватывает меня под ягодицы и, прижав к прохладному стеклу, снова целует. Неистово, отчаянно, яростно толкаясь языком во влагу моего рта. Одной рукой нетерпеливо расстёгивает ширинку, пока я зарываюсь пальцами в его во-

лосы, чтобы притянуть к себе ещё ближе, насколько это вообще возможно. Этот мужчина мой. Только мой. Это знание накрывает меня, как девятый вал, сметающий на своём пути остатки сомнений. Макс резко отрывается от моих губ, прижимаясь своим лбом к моему.

– Что ты со мной творишь, а?

На короткий миг сквозь его полуопущенные веки успеваю заметить затуманенный похотью взгляд. Пауза. Глубокий вдох. И он рывком входит в меня, прикрывая глаза от удовольствия. Останавливается, словно выжидая мою реакцию на это вторжение. У меня перехватывает дыхание от непривычных ощущений, от пьянящего чувства наполненности. Смотрим друг на друга, не отрываясь. Уверена, мы оба хотим навсегда запечатлеть этот особенный момент. Момент, который больше никогда не вернёт нас прежних.

– Не жалею меня, Макс, – прошу, нет, молю, ещё сильнее обхватывая его поясницу ногами.

– И не собирался, – шепчет напротив моих губ.

А потом он как с цепи срывается. Его руки начинают жадно сминать кожу моих бёдер, ещё больше обостряя ощущения от его усиливающихся толчков. Вздохи, стоны и развратные звуки, которые доносятся до моего сознания через дымку страсти, становятся единственным фоном нашего персонального фильма для взрослых. Кино, в котором нет ни грамма игры и фальши.

Говоря про пытки, Макс не особо-то и шутил. Я буквально сбежала из душевой кабины, в которой он решил продолжить наш двухчасовой секс-марафон. Моё измученное ласками тело не было подготовлено к режиму нон-стоп. Стараюсь не думать о том, как и с кем он утолял свой зверский голод до сегодняшнего вечера, решаю устроить ему небольшой сюрприз, раз уж с подарком не вышло.

По-хозяйски открываю многочисленные дверцы кухонных шкафов в поисках нужных продуктов. Я ожидала увидеть полупустые полки, но никак не разнообразный гастрономический набор. Глаза загораются при виде любимого молочного шоколада Hershey's. Без зазрения совести закидываю в рот кубик этого шедевра кондитерского искусства, пока пытаюсь справиться с функциями кухонной машины, чтобы приготовить тесто для моего фирменного шоколадного фондана.

Вздрагиваю от неожиданности, когда Макс сгребает меня сзади в охапку и целует в макушку. От него приятно пахнет ментоловой свежестью с нотками какого-то цитрусового фрукта, приятно щекочущего мои обонятельные рецепторы.

– Что тут у нас? – с интересом заглядывает в миску через моё плечо.

– Мой подарок, – смущённо улыбаюсь, повернув к нему голову. Наши лица снова в опасной близости, угрожающей срывом моего сюрприза.

Взгляд Макса переключается на мой рот. Наблюдаю, как

он зависит на несколько секунд, а потом обхватывает мои щёки рукой и неторопливо проводит языком по моим губам, оставляя на них влажный след.

– У тебя тут был шоколад, – усмехается, оторвавшись от этого занимательного действия.

– Мне нужно было убедиться в качестве ингредиентов, – шутливо толкаю его локтем в живот, на что он смеётся и скидывает руки в сдающемся жесте.

– Я так и понял, не мешаю, – и отходит к холодильнику.

Украдкой рассматриваю Макса, пока чудо-миксер делает всю работу. На нем только пижамные брюки, низко сидящие на бёдрах, а потому открывающие потрясающий вид на его спортивный торс и широкие плечи с развитыми мышцами. У меня начинается активное слюноотделение, как если бы предвкушала нечто вкусное. Разве можно настолько сходить с ума по мужчине?

– У тебя есть свечи? – тянусь к верхнему шкафу со стеклянной дверцей, за которой я, кажется, их видела.

Ответа не следует, поэтому оборачиваюсь, проверяя, здесь ли Макс. Он стоит, облокотившись на барную стойку и нагло рассматривает мои ноги. На мне только его футболка, едва прикрывающая ягодицы, поэтому представляю, какой вид ему открылся.

– Даже не думай! У меня всё болит, – показательно грожу ему пальцем.

– Ты о чём? – улыбается одним уголком рта с хитрецей

во взгляде. – Я всего лишь задумался, какой я идиот, что не привёз тебя сюда раньше.

Мне вдруг становится не по себе, потому что вспоминаю телефонный разговор, подслушанный в департаменте. Как бы он привёз меня раньше, если совсем недавно здесь обитала другая? Конвейер из любовниц для него в порядке вещей? Нет, я лопну, если не спрошу. Пока ставлю форму с шоколадным тестом в духовку, задаю наболевший вопрос, не оглядываясь к нему, потому что боюсь увидеть там то, что заденет меня за живое.

– Ты жил когда-нибудь с девушкой?

– Нет, – ожидала услышать другой ответ, поэтому на автомате хмурюсь, сбита с толку.

– Нет? – не выдерживаю и поворачиваюсь к нему.

Почему он врёт?

Макс странно косится на меня, разливая вино по бокалам.

– Лили, с моей работой мне некогда заводить постоянные отношения, если ты об этом.

Чтобы чем-то себя занять и скрыть разочарование, наливаю воду в кружку прямо из-под крана. В районе солнечного сплетения неприятно ноет от его фразы. А на что я, собственно, рассчитывала? Мы никогда не говорили даже о нашем настоящем, не то что о будущем. Я наивная мечтательница, которая уже примерила на себя его фамилию, а он всего лишь приятно проводит время. Что ж, отрезвляет.

Иногда я жалею, что Господь Бог не сотворил меня муж-

чиной, чтобы так же легко и просто относиться к жизни. Не сейчас, но через несколько лет, когда я наиграюсь в полицейского, я хотела бы выйти замуж, родить детей и отдать им всю свою любовь, которой мне так не хватало в детстве из-за занятости родителей. То, что я стала проигрывать в своей голове наше совместное будущее, это только моя проблема. Не Макса. Он честен со мной и не даёт никаких обещаний, которых не сможет сдержать. Да и я прекрасно понимаю, почему он так рассуждает. Сегодня он служит в Майами, а завтра его отправят в какой-нибудь Гонолулу. Он варится в одном котле с преступниками, подвергая себя опасностям, которые могут затронуть и его семью.

Помню, как отец всё это высказывал моей маме, уставшей от его бесконечных разъездов, а я, подслушивая их многочисленные ссоры, поклялась никогда не связываться с сотрудником полиции. И где та решительная девочка сейчас? Всё это время мной двигал азарт, желание доказать, что я смогу пробраться под броню этого мужчины, и как-то незаметно для самой себя стремление просто соблазнить его переросло в нечто большее. Он как та шкатулка с секретным дном, которую безумно хотелось открыть несмотря на сложный шифр. И в тот момент, когда я угадала практически все цифры, он снова изменил код. Готова ли я добровольно ввязаться в отношения, у которых не может быть счастливого конца?

Духовка пронзительно пищит, извещая о готовности де-

серта. Макс встаёт рядом, пока я выкладываю ароматный кекс на тарелку, и протягивает мне толстую свечку, вроде тех, что держат дома на случай отключения света.

– Такая подойдёт? – в его вопросе странное веселье.

Берусь за свечу, одновременно задаваясь вопросом, как я воткну эту громадину в фондан, но он не отдаёт. Подняв на него вопросительный взгляд, предпринимаю ещё одну попытку, но он держит эту штуковину стальной хваткой, задорно улыбаясь. Что за игры? Хмурюсь. Разжимаю ладонь и обнимаю себя за плечи в ожидании. Молчу, обиженно поджав губы. Он тоже молчит и загадочно всматривается в мои глаза, ища в них что-то. Не глядя кладёт свечу на стол, обхватывает меня за талию и мягко усаживает на столешницу, вставая между моих бёдер.

– Лили, не забивай свою голову ненужными вещами, – заправляет мои всё ещё влажные волосы за уши, – нам хорошо друг с другом. Зачем всё усложнять?

Надеваю на себя свою самую лучшую улыбку и подыгрываю ему:

– Кто сказал, что я думаю иначе?

– Минуту назад мне показалось, что ты обиделась.

– Тебе показалось. – Целую его в щёку и спрыгиваю со стола, чтобы довести до ума свой подарок. – К тому же, ты слишком стар для меня. Так что не обольщайся, – добавляю, подмигивая, и чересчур кровожадно втыкаю свечу в импровизированный именной торт.

– Стар, значит? – Макс начинает надвигаться с мрачной улыбкой, вынуждая меня попятиться.

Его грозно-игривый взгляд сначала приводит меня в замешательство, а потом я понимаю, что он собирается сделать. Ухмыляюсь, потому что он поддался на мою провокацию.

– Очень стар, – киваю, обходя барную стойку, чтобы создать между нами барьер. – Боюсь, со временем тебе будет всё сложнее справляться с молодыми девушками, – осознанно подливаю масла в огонь, видя его реакцию.

Во мне поднимается такая знакомая волна адреналина. Ну, здравствуй, прежняя Лилиан Батлер, а то я уже начала переживать. Меня пробирает нервный смех, когда Макс резко ускоряет свой шаг, точно волк, увидевший трусливого зайчишку. Срываюсь с места, хохоча как ненормальная. Понимаю, что силы неравны, но не могу же я сдать просто так, верно? Добегаю до дивана и, запрыгнув на него, начинаю отстреливаться подушками от этого хищника. Макс уклоняется с завидной ловкостью и, когда у меня заканчиваются орудия, с рыком перекидывает меня через плечо, кусая за задницу. Серьёзно? Он только что укусил меня?

– А-а-а! Кроу, отпусти меня! – смеюсь, предпринимая слабую попытку вырваться.

Шлёпаю его по задку, потому что это единственное место, до которого я смогла дотянуться. Приятные ощущения, стоит отметить. Кровь приливает к голове. И не только от того, что я сейчас вишу вверх ногами. Вижу его кровать, до кото-

рой мы так и не успели добраться, а спустя секунду падаю спиной на мягкое одеяло. Макс нависает надо мной, опёршись на руки по обе стороны от моей головы. На лице ни намёка на улыбку, но его шальные глаза с расширенными от возбуждения зрачками выдают его с головой:

– Ты бросаешь мне вызов? Думаешь не справлюсь с тобой?

Упорно молчу, наслаждаясь тем, что довела до ручки этого мужчину. Укладываю свои ладони на его грудь, медленно обвожу все напряжённые изгибы, опускаясь всё ниже. Специально томлю его, проводя пальчиком вдоль резинки его штанов, и только спустя несколько долгих секунд ныряю в них, чуть приспуская. С удовольствием подмечаю перемену в выражении его лица, когда я начинаю ласкать его. Кадык нервно дёргается, пока он следит за моими действиями. Позволяет мне взять власть в свои руки во всех смыслах этого слова. В глубине души я хотела вывести его на нужные мне эмоции. Те, которые он испытывает на самом деле, а не скрывает под искусственной маской волка-одиночки. Я нужна ему. Просто знаю это. И дело не только в сексе. Сглатываю от волнения, когда он одной рукой порывисто обхватывает мои запястья и фиксирует их над моей головой. Не отрывая своего расфокусированного взгляда от моих глаз, резко входит в меня, с шумом выдыхая. Останавливается.

– Манипулируешь мной? – слегка сжимает моё горло ладонью.

Толчок. Я едва дышу. Мои губы приоткрываются от нехватки кислорода. Ловлю себя на том, что меня безумно возбуждает его властный тон, а потом мой рассудок снова куда-то уносит потоком неги. Стараюсь сдерживать рвущиеся наружу стоны, чтобы не выдать своё подлинное отношение ко всему происходящему. Я хотела обнажить его душу, а не свою...

– Ты ошибаешься, Лили, – его угрожающий шёпот не оставляет сомнений в его правоте. – Посмотрим, кто из нас устанет первым, – продолжает свой монолог, сопровождая каждую реплику очередным жёстким толчком, от которого я вынуждена хватать ртом воздух.

– Своенравная, дерзкая... – на мгновение прикрывает глаза от кайфа, когда я делаю характерное движение бёдрами ему навстречу. – Моя, – последнее слово произносит едва слышно и накрывает мой рот своим.

Короткое слово из трёх букв, но сколько в нём для меня смысла. Похоже, он и сам до конца не осознает, насколько мы оба влипли.

ГЛАВА 19 НЕЛОВКИЙ МОМЕНТ

После нашей сумасшедшей ночи я избегала Макса несколько дней. Я не стала оставаться с ним на все выходные, сославшись на помощь Глории. В принципе, он не сильно настаивал, а мне... Мне нужно время, чтобы прийти в себя и решить, как быть дальше. Несмотря на безумное влечение между нами, я понимаю, что мне этого недостаточно. Я не готова стать очередной подстилкой, прыгающей в его постель по первому зову, ведь он ясно дал понять, что серьёзные отношения – не для него. Особенно сейчас, когда мы вынуждены скрываться и прятаться. Не хочу занимать в списке его приоритетов даже второе место.

Свою вечно ломающуюся машину я выставила на продажу, поэтому общественный транспорт – теперь моё основное средство передвижения. Не спеша иду со станции «Метрорейл¹⁷», в который раз осознавая, как сильно я привязалась к этому городу. Здесь мне нравится всё, начиная от тёплого климата и современной инфраструктуры и заканчивая беззаботной атмосферой курортного мегаполиса, которая так тянет сюда туристов со всего света. Правда, сегодня погодка выдалась под стать моему настроению. Небо затянуто сизыми плотными тучами, и с самого утра идёт нудный дождь,

¹⁷ Метрорейл (англ. Metrorail) – надземное метро в Майами.

который и не думает прекращаться. Уличный воздух наполнился свежим землистым запахом сырости, таким непривычным для душного Майами. Одно радует: любой, даже самый сильный дождь когда-нибудь заканчивается.

Меня с головой закрутило в водоворот учебных будней, и я совру, если скажу, что устала от этого, или что мне не по душе все эти ужасающие, непроговариваемые с первого раза термины. Совсем наоборот. Мне даже понравилось это своеобразное противостояние «Кто кого?», в котором, конечно, должна победить я, а не бездушная книга.

Кроме привычных занятий в моём расписании сегодня отдельный урок с Кэтрин Шанталь, а затем тренировка по волейболу. При мысли о том, что я сегодня увижу Макса, живот начинает крутить от волнения. Долго бегать от него всё равно не выйдет, а если я ещё и его тренировку пропущу, это будет слишком явным свидетельством моих увиливаний. Ему совсем необязательно знать, что я изо всех сил пытаюсь возродить свою былую гордость.

У входа меня поджидает наша разношёрстная компания во главе с Рейвом. К счастью, между нами ничего не изменилось. Он нормально воспринял наличие у меня молодого человека, при том, что я сама до сих пор не знаю, есть ли он у меня. Вот такой вот парадокс.

– Привет, Лили! А мы тут обсуждаем вечеринку на Хэллоуин. Ты в теме? – оживлённо спрашивает Виктория, с интересом разглядывая мой зонт цвета фуксии.

Да, знаю. Он нелепый и слишком в стиле «Барби», но мне важно поддерживать образ глупышки, которую легко заманить в свои сети. На мне и кофта сегодня розовая. Банально, но как есть.

– Супер! Что от меня требуется? – пытаюсь изобразить восторг, но, честно признаться, все эти жуткие тыквы меня раздражали с самого детства.

– Да просто приходи на вечеринку в «Стори». Разумеется, в каком-нибудь вызывающем наряде, – Рейв, как обычно, сама простота. Делаю вид, что закалываю его зонтом, как шпагой, отчего он хохочет.

«Стори» – это ночной клуб на Саус Бич, известный своими тематическими вечеринками. Представляю, какой там будет ажиотаж в этот день. Только терпеть не могу эту возню с маскарадом. В обычном платье туда не пропустят, а быть очередной ведьмой или вампиршей – совсем не моё.

Прошу друзей не ждать меня, а сама спешу наведаться в уборную, чтобы ответить на гневное SMS Макса.

М: «Какого чёрта?»

И ниже скриншот чата сатанистов, в котором Ли Девил¹⁸ является его активным участником. Ну да, грешна. Зарегистровалась там пару недель назад. Не то, чтобы я скрывалась. Даже наоборот: на аватаре моё фото, иначе как ещё привлечь внимание Демона?

Л: «Стив помог узнать?»

¹⁸ devil (англ.) – дьявол

М: «Сам справился!»

И следом:

М: «Не заставляй меня жалеть о том, что уговорил твоего отца оставить тебя в УМ!»

А я-то думаю, почему отец перестал гнуть свою линию.

Л: «И как же ты его убедил?»

М: «Дал слово, что со мной ты в безопасности».

Не отвечаю. Просто смотрю на его сообщение и улыбаюсь, как умственно отсталая.

М: «Ещё одна подобная выходка и ты вылетаешь из университета».

М был в сети секунду назад.

Я буквально вижу, как он в бешенстве отключает экран телефона. Дурачок мой. Проверяю этот идиотский чат, и мои догадки подтверждаются: *«Сообщество заблокировано по требованию правоохранительных органов».*

Спешу на лекцию, резво перескакивая через ступеньки. Благо, что сегодня из-за непогоды я в удобных слипонах и джинсах. В коридорах почти никого не осталось. Бросаю взгляд на настенные часы. Две минуты до лекции. *Плохо, Лили, очень плохо.* Перехожу на быстрый бег, но не достигаю цели, потому что за поворотом впечатываюсь лицом в чью-то массивную грудь. Всё происходит так неожиданно, что я не успеваю рефлекторно подставить руки. В смятении отстраняюсь, приглаживая волосы, и застываю, когда поднимаю голову:

– Ой, извините, мистер Хантер.

– Лилиан, похвально, что ты так торопишься на мою лекцию, но рекомендую заводить будильник пораньше, – невозможно поправляет свой пиджак, чтобы скрыть след от моей помады на рубашке.

Вот же засада!

– Да, разумеется. Ещё раз прошу извинить, – только хочу направиться в аудиторию, как он меня останавливает, хватая за запястье. Этот контакт был секундным, но всё равно несказанно удивил меня.

– Стой. Как раз хотел попросить тебя сходить в библиотеку.

Достаёт из нагрудного кармана сложенный клочок бумаги, по-видимому, со списком учебников, грубо вкладывает его в мою протянутую ладонь, разворачивается и уходит к студентам. Ещё какое-то время смотрю ему вслед, наблюдая за ровной уверенной походкой. Ни малейшего признака нервозности и никаких навязчивых движений, свойственных психопатам. Статный мужчина, знающий себе цену. Бессонными ночами я снова и снова изучала досье на Хантера, каким-то внутренним чутьём понимая, что дело тут нечистое. Уж больно идеальный образ получился: выходец из интеллигентной семьи, два высших образования, опыт работы в Департаменте внутренних дел США. К своим сорока пяти годам за его плечами успешная защита диссертации. Репутация Крейга Хантера до тошноты безупречна, за исклю-

чением маленького «но»: он отец-одиночка. О матери ничего неизвестно. Ребёнок из пробирки, не иначе. Как такое возможно, что даже всемогущему хакеру Стивену не удалось нарыть информацию о происхождении девочки? И ещё. Профессор каждую субботу посещает церковь. Разве сатанисты ходят в церковь? Те, с которыми мне довелось пообщаться – нет.

Библиотека встречает меня тишиной и покоем. Ни разу здесь не была, а стоило. Здесь царит неповторимый запах древесины и типографской краски. Этот аромат мне напоминает детство. Всякий раз, когда я гостила у бабушки по материнской линии, она водила меня в городскую библиотеку, где я часами могла читать любимые сказки. Особенно нравились, конечно, те, в которых принц спасал принцессу от злого дракона, и они жили долго и счастливо.

– Мисс, вам помочь? – из-за стойки на меня поглядывает хмурая женщина в огромных очках и с аккуратным пучком на голове.

Подозреваю, что где-то существует кодекс библиотекарей, в котором прописывается их внешний вид.

– Да. Мне нужны вот эти учебники, – разворачиваю листок и едва его не роняю.

Лицо и, похоже, даже уши и шея мгновенно вспыхивают, потому что никакого списка здесь нет. Это наша с Викторией переписка, где я называла Хантера латентным маньяком. Боже, какой стыд. Как это попало ему в руки? Почему

он решил проучить меня только сейчас? Пытаюсь судорожно вспомнить тот день и понимаю, что не видела точно, как Вики прятала её. Обычно на лекциях Терминатора в нас открываются сверхспособности, и мы становимся чревовещателями, а ещё научились переглядываться боковым зрением, не поворачивая головы. Тот раз не был исключением.

– Мисс, долго ждать? – нетерпеливая мадам испепеляет меня своими глазищами, кажущимися огромными из-за толстых линз.

– Я сама выберу, пожалуй, – убираю эту злосчастную записку в сумку и направляюсь к стеллажам с юридической литературой.

– Ох***ть! Теперь я точно завалю экзамен! – Виктория в отчаянии несколько раз бьётся лбом об стол.

Мои брови взлетают вверх, так как я впервые слышу, как она сквернословит. Вот что значит поближе узнать человека. С виду казалась такой холёной и культурной, а на деле пускала пыль в глаза. Судя по повисшему молчанию за столом, остальные тоже в ауте от моего рассказа. Что до меня, то я уже спокойна, как пациент психбольницы, напичканный транквилизаторами.

Ступая мимо книжных полок, я размышляла о своём поведении, и не придумала ничего лучше, чем извиниться понятным верующему человеку способом. Я притащила Хантеру стопку учебников, положив на самый верх Библию с за-

кладкой. Кажется, я впервые видела его изумление при виде моего выбора. Со своего места наблюдала, как он промокнул лоб носовым платком, а потом всё же открыл страницу, где я выделила послание апостола Павла: «Как Христос простил вас, так прощайте и вы». Никогда не забуду, как профессор поднял на меня свой острый взгляд и едва заметно улыбнулся. Улыбнулся! Мне! Он дал понять, что извинения приняты, так что можно с лёгкостью перевернуть очередную страницу моей персональной книги казусов.

– И что теперь делать? – не унимается Виктория. – Меня родители убьют!

– Вики, он не знает, что второй человек в переписке – ты. Да он и не спрашивал, – успокаиваю её, уминая запечённый картофель. Жара спала и во мне проснулся отменный аппетит.

– Лили уже всё разрулила, Вики, не дрейфь! – вставляет Глория, которая в тот день удачно прогуляла лекцию, а сейчас забавляется над всей этой ситуацией.

– Да... Так сыграть на чувствах человека, Лили! Ты коварная! – подшучивает надо мной Рейв, имея в виду Библию.

Хочется верить, что Хантер верно расценил мой поступок и не принял его за издёвку.

– Итак! Сегодня отрабатываем взлёты¹⁹, – оповещает де-

¹⁹ Взлёт – это прыжок в волейболе до осуществления касания, который выполняется, как правило, на третьем (завершающем) этапе атаки.

ловым тоном наш тренер Кроу, который, к слову, остался при своей фамилии.

Цитирую: «Когда твой друг – хакер мирового уровня, он без труда сделает так, чтобы ни у кого не возникло вопросов».

Он вошёл во вкус: на нем чёрная волейбольная форма с белыми вставками на плечах, запястники, наколенники и даже свисток. В очередной раз поражаюсь тому, как он умеет вживаться в нужную ему роль. Хотя верховодить он любит, этого не отнять. Заливаюсь румянцем при воспоминаниях о его командном тоне совсем в другой обстановке.

Наша женская сборная выстроилась в две шеренги в ожидании дальнейших инструкций. Я трусливо прячусь за спиной дылды Аманды, чтобы лишний раз не сталкиваться с Максом взглядами. И в очередной раз задаюсь вопросом: «Какая из меня волейболистка с моим ростом?». Это просто смешно. Девчонки расстарались на славу. В воздухе витает адский коктейль ароматов, которыми они так щедро себя поливали в раздевалке. Поскорее бы уже рассредоточиться по залу, чтобы вдохнуть полной грудью.

– По четверо подходим к батутам! – указывает в сторону сетки, перед которой уже расставлено пять тренировочных батутов. – Сначала просто разогреваетесь. Десять прыжков, потом смена. Всего шесть подходов. Начали! – не говорит, а рубит. Кто-то не в духе сегодня?

– Мистер Кроу, подождите. У меня вопросик, – елей-

ный голос Мэнди из моего ряда заставляет меня машинально сжать губы от раздражения, а остальных девушек остановиться в ожидании хлеба и зрелищ.

Скажем так, Мэнди – местная искательница папиков и, по слухам, любовница крупного бизнесмена, по прихоти которого она и оказалась в Университете Майами. Удивляюсь, как её мозг размером с грецкий орех позволил ей дотянуть до второго курса. Скривившись, слежу за её дешёвыми потугами. Для пущего эффекта она лениво накручивает на палец локон своих наращённых волос, потешно выпятив нижнюю губу. Ловлю на себе озадаченный взгляд Виктории и подношу два пальца к виску, делая вид, что застреливаюсь.

– Слушаю.

– Дело в том, что я не надела лифчик под футболку. А прыгать с моим размером, – бросает выразительный взгляд на свои шары, туго обтянутые футболкой, – сами понимаете – сложно.

– Так держи руками!

Надо отдать должное, Макс не посмел опустить взгляд на её грудь, а неприкрытое недовольство в его голосе – сейчас услада для моих ушей, ведь оно направлено не на меня, а на эту курицу. Беззвучно смеюсь, замечая, что остальные занимаются тем же.

– После разминки сидишь в запасе, раз руки будут заняты, – добавляет он в спину разочарованной Мэнди, понуро плетущейся к центру площадки.

Смешиваюсь с толпой, по-прежнему избегая зрительно-го контакта с Максом, хотя затылком чувствую его прожигающий взгляд. Совершаю механические действия, пытаюсь сконцентрироваться на дыхании и мышечных сокращениях, лишь бы не думать о том, как я по нему соскучилась. Силовые упражнения для меня лёгкая задача, но прыжки... Даже с батутом моя голова только-только возвышается над сеткой. Научить меня взлётам – так же невозможно, как заставить кенгуру бегать, перебирая ногами. Бес меня попутал записаться в эту секцию! Быть посмешищем не входило в мои планы.

– Теперь пятеро ставят блок с другой стороны. На батутах остаются, – прерывается, окидывая нас мрачным взглядом, – вы трое, ты и ты! – буквально расстреливает нас своим указательным пальцем, и от меня не ускользает тот факт, что в меня он ткнул последней. – Остальные ждут своей очереди на скамье.

После разминки этот диктатор, кажется, озверел ещё больше. Кокетливость девчонок куда-то испарилась. Блокеры²⁰ идут к своим местам, как овцы на заклание, честное слово. Что на него нашло? Сегодня ретроградный Меркурий или лунное затмение? Кэтрин тоже была какая-то нервная и придиралась к каждому предложению моего эссе.

Мне перепадает батут с левого края, как раз напротив зоны подачи. Роль правого игрока задней линии достаётся не

²⁰ Блокер – волейболист, выполняющий блок.

кому-нибудь, а нашему грозному тренеру. Капитан Виктория чуть правее меня уже ставит блок, давая сигнал остальным блокерам последовать её примеру. Бросаю взгляд на девчонок в своей команде «прыгунов», и немного бодрюсь, обнаружив уверенность на их лицах. «Всё будет нормально, Лили» – читаю про себя успокаивающую мантру, а у самой какой-то необъяснимый мандраж. Макс делает мощную кручёную подачу в центр. Мы дружно подпрыгиваем на батуте, потому что отбитый мяч может отскочить от блока в любом направлении. Долговязая Аманда и девочки на блоке успешно справляются с задачей, но этот изверг даже не даёт времени на передышку, моментально пуляя в нас следующий мяч, взятый из большой корзины рядом с ним.

Спустя двадцать подач я вся в поту и в бешенстве. Не столько от усталости, сколько от напряжения. Брови Макса, сведённые к переносице, и губы, сжатые в тонкую полоску, не сулят ничего хорошего. Его так разозлила моя регистрация в сатанинском чате? Или, всё же, мои односложные ответы на его SMS в течение нескольких последних дней? Может у него что-то случилось? Я настолько увлекаюсь перебиранием возможных вариантов в своей голове, что слишком поздно вижу летящий в меня мяч. Не успеваю подпрыгнуть и, разумеется, он спокойно перелетает через мою голову.

– Фамилия! – раздаётся суровый бас, который в тишине спортзала звучит, как раскат грома.

– Пусси! – смело отвечаю, вздёрнув подбородок.

Кроу издевательски приподнимает одну бровь. Да, мою новую фамилию он слышит впервые. Я не стала жаловаться на его драгоценную Кейт.

– Во Франции совсем беда с волейболом? Каким ветром тебя сюда занесло?

Он потешается надо мной? *Поздравляю, Макс, ты только что запустил часовой механизм моей внутренней бомбы, готовой рвануть в любой момент.*

– Я пропустила всего один мяч. В чём проблема? – складываю руки на поясе, чтобы принять воинственный вид.

– Проблема в том, что университетской сборной нужны сильные, сконцентрированные игроки, – отвечает презрительным тоном, зажимая мяч подмышкой.

До меня вдруг доходит, что он сейчас не играет, не притворяется строгим преподавателем, а целенаправленно опускает меня. Что вдруг изменилось? Где тот мужчина, который всего несколько дней назад шептал мне самые прекрасные слова на свете и с которым я чувствовала себя богиней?

– Типа неё? – показываю большим пальцем в сторону противно хихикающей Мэнди.

– Типа тех, которые ответственно относятся к своим задачам и не заставляют ждать других.

Несколько секунд смотрю на него во все глаза, пытаюсь разглядеть хотя бы мизерный намёк на то, что это всё своеобразная импровизация, но вижу только незнакомца с непроницаемым выражением лица.

– Отлично! Не смею задерживать вас, мистер Кроу, – последние два слова практически выдавливаю из себя.

Соскакиваю с батута и широким шагом направляюсь в сторону раздевалки под аккомпанемент повисшей тишины. Жаль, что дверь прямо за спиной этого мерзавца. Сейчас даже дышать одним воздухом с ним невыносимо. Моя уязвлённая гордость не позволяет смотреть в его бесстыжие глаза. Я выше этого. Прохожу мимо, сосредоточившись на невидимой точке перед собой, и что есть силы захлопываю за собой дверь.

ГЛАВА 20 СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Две недели. Ровно столько я не появлялась в университете, прикинувшись больной. Хотя не сильно я и притворялась, если быть честной. У моей болезни даже название есть: любовная хандра. Меня лихорадило, как при настоящей простуде, а настроение менялось с такой же скоростью, с какой этот озлобленный тренер подавал нам мячи.

Сначала я искала Максу оправдания вроде: «Он обошёл так со мной специально для отвода глаз». Ведь не мог он врать, что ревнует, когда делал снимок наших сцепленных рук, или когда целовал меня в той скале, или когда занимался со мной любовью с одержимостью во взгляде? Не мог же? Потом вспоминала его несдержанные обещания по поводу заботы о моей безопасности и начинала остервенело лупить по подушке, представляя надменное лицо Макса, который вдобавок ко всему ещё посмел поглумиться надо мной перед теми, кто этому был безмерно рад.

Под горячую руку даже Джилл попала: мы с ней сильно поругались, чего не было со времён школы, когда я спрятала её дневник в отместку за то, что она дала списать кумиру всех одноклассниц Полу, опередив меня. Я не могла рассказать ей о своей связи с Максом, поэтому упорно врала о

недомогании. В итоге она обвинила меня в том, что я променяла нашу дружбу на новых сомнительных друзей и пожелала мне с ними удачи, забрав Бинго. С тех пор она не появлялась дома и не отвечала на звонки. Я чуть было не решилась на признание, но вовремя себя одёрнула. Уверена, моя подруга даже под страхом смерти не расскажет никому о моих секретах, но здесь слишком многое поставлено на карту.

В один из дней мне попало в глаза то самое платье, которое было на мне в день нашего первого поцелуя с НИМ. Впервые за очень долгое время я почувствовала влагу на своих щеках. Слезы, которые я себе позволяю только по особым случаям. Это прерогатива слабаков, но никак не Лилиан Скарлетт Батлер. Я поспешила взять себя в руки и дала себе слово не убиваться по человеку, который плевать на меня хотел. За все дни моего отсутствия ни одного смс или звонка. Это так он мою безопасность обеспечивает? Унизительно и очень обидно, но нужно признать: он насытил свой животный инстинкт и решил таким изощрённым способом избавиться от меня. Сделал так, чтобы я сама перехотела отношений с ним. А он молодец! Просто браво! Ему даже не пришлось тратить время на нелепые объяснения. Макс вышел из этой грязной игры победителем, даже не испачкав рук.

Таким образом, за эти четырнадцать дней я прошла все стадии принятия, успешно миновав этап депрессии. Теперь он для меня снова лишь босс. Круг замкнулся. И он ошибается, если рассчитывает на то, что я стану его избегать. Буду

как можно чаще мозолить его лживые глаза, чтобы он видел, как мне хорошо живётся и без него! Более того, мне нужно с ним поговорить по поводу моих подозрений по делу Демона. Осталось дождаться подходящего момента.

Из плюсов моего домоседства: у меня была уйма времени на подготовку к пробному выступлению. Разбудите меня посреди ночи – и я наизусть выдам свою речь. А ещё я решила немного обновиться, чтобы создать себе более дерзкий и взрослый образ. Накануне своего возвращения в универ я наведальась в салон красоты и укоротила волосы до плеч, испытывая какое-то садистское удовольствие от того, что сделала это на зло Максу. Знаю, как они нравились ему, как он любил прикасаться к ним и вдыхать их аромат. Я наивно полагала, что особенная для него, ведь видела тот его взгляд. Глубокий, пробирающийся в самую душу и, как мне казалось, искренний. В ту же секунду передо мной возникают другие глаза: ледяные, ненавидящие и острые, вонзающие в моё доверчивое сердце тысячи шипов.

Прикладываю ладонь к своей ноющей груди, потому что чувствую фантомную колющую боль. Делаю несколько глубоких вдохов и выдохов, выравнивающих сердечный ритм. Пройдясь оценивающим взглядом по своему отражению в зеркале, обуваю новые ярко-синие туфли, идеально сочетающиеся с зауженными чёрными брюками, и с боевым настроением покидаю квартиру.

Удивительно, но, стоя за кафедрой под прицелом стольких глаз, я не испытывала тревоги и не покрывалась испариной от нервного возбуждения. Видимо, за последние дни я истратила все ресурсы своих переживаний на единственного человека. Для толпы Брауни загнал в конференц-зал преподавателей и старшекурсников, которым только дай повод увильнуть от занятий – это время всё равно пойдёт в зачёт. Наша компания тоже пришла меня поддержать, заняв весь первый ряд. Какие они всё-таки милые! Ещё до начала конференции Глория меня крепко обняла и пожелала удачи, вложив в руку талисман удачи: подвеску невероятной красоты с сапфиром в витой оправе из серебра или платины. Не могу точно сказать, так как не особо разбираюсь в ювелирных украшениях. Я даже серьги никогда не носила из-за нежелания прокалывать уши.

На одном выдохе заканчиваю последнее предложение своего выступления и разжимаю кулак, любуясь переливами всех оттенков синего. Глория сказала, что этот цвет принесёт мне удачу, даруя спокойствие, мудрость и веру. Мы и туфли вместе с ней выбирали. Её увлечение литотерапией²¹ и эзотерикой меня начинает немного напрягать, но удача мне бы сейчас точно не помешала. Сдержанные аплодисменты растворяют тишину зала, напоминая о том, где я нахожусь.

²¹ Литотерапия – один из методов альтернативной медицины, лечение с использованием камней. Её поклонники убеждены в том, что каждый камень имеет некие свойства воздействия на одну или несколько сторон душевного или физического состояния человеческого организма.

Со своего места встаёт довольная миссис Шанталь и, подбадривающе подмигнув, направляется ко мне, чтобы взять слово и задать вопросы. Она предупреждала, что на настоящем конкурсе мне придётся вступать в дискуссии, вести полемику и прочую научную лабуду, чтобы отстоять честь университета, поэтому мне придётся потрудиться ещё и над этим.

Я отхожу чуть в сторону, чтобы уступить Кэтрин место у микрофона. В такие моменты я никогда не знаю, чем занять свои руки, но сегодня со мной трогательный оберег Глории, поэтому я как никогда чувствую себя уверенной. Приятно осознавать, что обо мне беспокоятся.

– Добрый день, уважаемые коллеги и студенты! Теперь вы понимаете, почему эссе Лилиан было отобрано на конкурс штата. Ещё никто не интерпретировал тему «Благородство во имя, а не вопреки» таким необычным способом, взяв за основу знаменитое произведение русского поэта Александра Пушкина, – миссис Шанталь прочищает горло и поворачивается ко мне, – Лилиан, в связи с этим у меня к тебе вопрос. На протяжении всего эссе ты приводишь аргументы, сравниваешь старика и пойманную золотую рыбку с мужчиной, влюблённым в неподходящую женщину, и даже даёшь этому феномену название «синдром недорыбака». Объясни, пожалуйста, поподробнее этот, не побоюсь этого слова, термин.

Со стороны приглашённых раздаются ожидаемые смешки. Я и сама посмеивалась, когда писала это эпичное сочине-

ние. Видимо, состав жюри был достаточно демократичным, раз допустил использование таких слов.

– В детстве я проводила мало времени с отцом и радовалась даже пяти минутам, проведённым вместе. Однажды он решил отправиться с друзьями на рыбалку. Печально, но это был его единственный выходной за долгие месяцы, который он решил провести не с семьёй, поэтому я напросилась с ним несмотря на то, что терпеть не могла речную рыбу, а ловить – тем более. Но в тот момент для меня это не имело никакого значения. Я готова была даже с чешуёй её есть, лишь бы почаще слышать слово «дочь» из его уст, – улыбнувшись, перевожу дыхание, чтобы продолжить свои никому не нужные излияния, – когда я увидела, как папин друг отпускает на волю пойманную рыбу, я впервые испытала разочарование. То, что он назвал благородным поступком, было для меня издевательством, ведь у рыбы был порван рот. Вы знаете, что с такой травмой по статистике выживает примерно двадцать пять процентов рыб? – задаю риторический вопрос. – Так вот моё мнение такое: если не нужна рыба, то не нужно её ловить. Недорыбаки – это те люди, которые лишь хотят потешить своё эго и доказать себе или окружающим своё превосходство, дескать они могут себе позволить ходить на рыбалку ради развлечения, а не ради добычи пищи. Думаю, все поняли аналогию, – не могу сдержать ухмылку, проведя параллель со своей ситуацией. Меня выбросили в море, как ненужную рыбу. Спасибо, хоть рот цел.

– А вдруг рыбак хотел просто «пожарить» рыбу, но ему не понравился её внешний вид уже после того, как он её поймал? – кто-то кашляет в кулак, чтобы скрыть смех, а некоторые даже не пытаются сдерживаться. И почему я не удивлена такому вопросу от пошляка Рейва? Ясно же, что он подразумевает под словом «жарить». Мой красноречивый испепеляющий взгляд исподлобья вынуждает его виновато опустить голову, но я буду не я, если оставлю этот вопрос без ответа.

– Тогда рыбаку стоит быть разборчивее, ведь считается, что рыба обучается, и потом поймать её на ту же снасть становится практически невозможно. Более того, она способна отгонять остальных рыб от приманки. Так что со временем он рискует навсегда остаться без рыбы. У вас остались ко мне вопросы?

Обвожу взглядом притихших зрителей, и только собираюсь поблагодарить всех за внимание и покинуть этот пьедестал, как слышу до боли знакомый голос.

– По-моему, не всё так однозначно.

Он тоже здесь? Поворачиваю голову в сторону прозвучавшего возражения, и нахожу его источник. Макс с нейтральным выражением лица смотрит в мои глаза, сложив руки на груди. В его взгляде больше нет той злобы и презрения. Скорее, равнодушие. И даже не знаю, что лучше. Вновь подмечаю, как он всё же хорош собой несмотря на свою кобелиную натуру. От внезапно накатившего волнения не могу выдавить из себя ни звука. В горле словно рыба кость за-

стряла. Чтоб вас... Рыбы чёртовы! Вопросительно изгибаю бровь, призывая продолжать начатое. Хорошо, что он понимает мою мимику без слов.

– Существуют правила рыболовства, – он делает эффектную паузу, выделив слово «правила». *Ещё бы! Где Макс Кроу – там правила и законы.* – Рыбак может случайно поймать запрещённую рыбу, например, внесённую в Красную книгу, поэтому он вынужден отпустить её по закону.

– Может тогда рыбаку просто отказаться от рыбалки, раз он не знает, где и какая водится рыба?

– Или рыбе нужно самой быть осторожнее, чтобы не попасться на крючок?

Затихаю. Наш диалог уже начинает смахивать на препирательства, скрытый подтекст которых может стать слишком очевидным для всех присутствующих. Чего он добивается? И что за намёки с его стороны? Он считает, что я сама вешалась ему на шею? Козёл. Не собираюсь больше пререкаться с ним. Нужно срочно сменить тему, чтобы поскорее покончить с этим театром абсурда и убраться отсюда. Делаю спасительный глоток воды из стакана, и отвечаю:

– Пожалуй, соглашусь с тем, что рыбы – порой глупые создания, и им следует остерегаться рыбаков, чтобы выжить, но они более беззащитные существа, поэтому какой с них спрос? И, возвращаясь к теме благородства, хочу снова подчеркнуть кое-что, – специально игнорирую своего оппонента, обращаясь больше к пространству, чем к нему, – я убеж-

дена, что благородным можно назвать только того человека, который руководствуется честностью, открытостью и преданностью. Если он преследует другие цели, он обманывает самого себя. На этом у меня всё.

Моя группа поддержки встаёт со своих мест и начинает бурно хлопать в ладоши. В тот момент, когда я начинаю спускаться со сцены, случайно перехватываю взгляд Крэйга Хантера, стоящего возле боковой стены. Он одобрительно мне кивает, изобразив некое подобие улыбки. Улыбаюсь ему в ответ, не до конца понимая, в чём подвох и с чего вдруг такая благосклонность с его стороны.

– Лилиан, я тобой горжусь! – Кэтрин, подошедшая сзади, похлопывает меня по плечу, прерывая наш безмолвный диалог с профессором.

– Спасибо, миссис Шанталь. Если бы не ваши доработки, ничего бы не получилось. Есть только один минус: теперь никакой рыбы в моём меню!

Она звонко смеётся над моим комментарием и уходит к кучке преподавателей. Я же спешу к выходу. Ребята в курсе, что у меня сегодня планы, поэтому, не дожидаясь их, быстрой походкой удаляюсь из конференц-зала.

– Когда мы в последний раз сидели вот так? – укладываю голову папе на плечо, наблюдая за пузатыми чайками, важно расхаживающими по пляжу, словно они здесь хозяева.

– Лет... пятнадцать назад, – отвечает со вздохом, обнимая

меня.

Отец предложил как обычно заехать в какое-нибудь кафе, но мне почему-то захотелось вот такого простого общения, без фонового шума. То, что мы сейчас сидим на покрывале из папиной машины, а не на удобных стульях, совсем не важно. Как и я, он разулся и подвернул свои брюки, чтобы не испачкать их песком. В этом удалённом уголке пляжа мне уютно и спокойно, как никогда. К тому же, компанию нам составляет ведёрко мороженого. Для полного счастья не хватает только мамы.

– Я скучаю по ней, – океан передо мной становится размытым из-за влажной пелены, проступившей на моих глазах.

Папа молчит. Он всегда был скуп на эмоции. То, что он слышал меня, выдаёт лишь его утешающее поглаживание по спине. Как бы мне хотелось сейчас свернуться клубочком, положив голову маме на колени. Её запах, нежность и тепло никогда не сможет восполнить ни одна подруга, ни один мужчина и ни один отец. Она бы ласково перебирала мои волосы и убеждала в том, что я самая лучшая и самая красивая. Она бы ни за что не осудила мои закидоны, а посмеялась бы вместе со мной. Когда я страдала от своей безответной любви к Полу (к тому самому, по которому страдала добрая половина нашего класса), мама уверяла меня, что такой крепкий орешек, как я, по зубам только самому смелому, который не побоится меня раскусить. Интересно, что она сказала бы мне сейчас по поводу Макса?

– Почему у тебя нет женщины, пап? Ты ведь у меня такой завидный холостяк!

– Лили, одна и на всю жизнь у меня уже была, а об одноразовых приключениях тебе знать совсем не обязательно, – хмыкает, видимо, удивившись своему откровенному признанию.

– Нет, ну правда. Неужели тебе нравится приезжать в пустую квартиру?

– Не нравится. Поэтому я постоянно в командировках, – смотрит время на своём смартфоне. Снова куда-то спешит? – Кстати, вчера делал запрос в банк. Почему ты не пользуешься деньгами, которые я перечисляю на твой счёт?

Под его хмурым взглядом выпрямляюсь, как гитарная струна. Его подавляющая энергетика всегда на меня так странно действовала.

– Я же говорила, что мне не нужны деньги, пап. Я давно выросла, если ты не заметил, – произношу как можно убедительнее. Ему совсем необязательно знать, что машину я решила продать не только из-за её поломок.

Услышав мой ответ, отец начинает раздражённо тереть переносицу.

– Лили, всё, что я делаю – ради тебя. Я не просто так забросил в топку жизнь обычного гражданина. Я хотел, чтобы у тебя было всё, а ты ещё и нос воротишь!

– Я ни о чём не просила, – вмиг ощетиливаюсь, услышав очередной упрёк в свою сторону.

Отец вздыхает, проводя ладонью по своим волосам. *Да, пап, спорить со мной бесполезно.*

– Что у тебя с Кроу?

Своим вопросом он на меня будто ведро ледяной воды выливает. Каменею от неожиданности.

– А что у меня с ним? – мямлю, как будто рот полон вязкой каши. Отвечать вопросом на вопрос не очень умно, но что-то же надо было ему сказать, чтобы он не смотрел на меня с таким подозрительным прищуром.

– Вот и мне интересно. Пару недель назад он звонил мне с просьбой оставить тебя в университете. Ручался за тебя. Лил мне в уши про то, какая ты надёжная, ответственная...

– Что значит «лил в уши»? – перебиваю его. – Я на самом деле ответственная! Почему ты во мне сомневаешься?

Встаю с покрывала и начинаю отряхиваться от прилипшего песка. Крики чаек теперь кажутся раздражающими воплями, а приятный бриз – противным ветром, спутывающим волосы. А ведь так хорошо всё начиналось. Господи, ну что за полоса в моей жизни? С появлением в ней Макса Кроу я только и делаю, что ссорюсь со всеми! Я практически потеряла подруг. Я почти потеряла себя.

– Извини, Лили. Я неправильно выразился, – отец встаёт следом и пытается реабилитироваться, натягивая извиняющуюся улыбку.

– Пап, я тебя люблю, но, по-моему, настала пора общаться со мной на равных, – испытующе смотрю в его голубые глаза,

ожидая услышать согласие с моей просьбой.

Он молчит, но поражённо кивает. Уже неплохо. Пользуясь случаем, иду дальше:

– Значит, мы сейчас едем в Департамент, и ты показываешь мне все секретные материалы по делу Демона.

– Лилиан, ты в своём уме? Они на то и секретные, что доступны только узкому кругу лиц! Не забывай, что ты всего лишь стажёр!

Да, пап, спасибо, что не даёшь забывать об этом. Зато теперь я точно знаю, что мне показывали лишь верхушку айсберга, а ты так и не понял, что я только что тебя развела.

ГЛАВА 21 ЖЕНЩИНА-КОШКА

– Вот это арсенал! – я даже присвистываю, увидев косметику, разложенную Глорией прямо на кровати. Она смела целую витрину в Sephora? Здесь с десятков палеток теней, всякие консилеры, помады разнообразных оттенков, всевозможные блёстки и карандаши всех цветов радуги.

С флоридской жарой я даже не пыталась прятать лицо за косметическим камуфляжем, поэтому мой повседневный макияж обычно ограничивался парой мазков туши и блеском для губ. Но вечеринка на Хэллоуин – совсем другое дело, и я с радостью согласилась, когда университетская подруга вызвалась поработать над моим лицом.

– Кто-то коллекционирует магниты и колокольчики, а я – косметику, – хихикает подруга.

Сама она уже при полном параде: в образе трупы прекрасной ведьмы с «защитым» ртом. Лицо покрыто каким-то белым веществом, похожим на шпаклёвку, в роли ниток – чёрные нарисованные полосы, пересекающие алые губы. Её глаза, которые теперь стали ярко-зелёными благодаря цветным линзам, в обрамлении чёрно-сине-фиолетовых теней выглядят просто сногшибательно! По-ведьмински. Всё настолько натурально, что я опешила, когда она открыла мне дверь своей квартиры.

– Ты где-то училась этому? Я думала над тобой порабо-

тал профи, а ты сама! Тебе бы гримёром работать, а не юристом, – подмечаю, восторженно любуясь игрой цвета её волос, на которые она нанесла какое-то средство, делающее их огненно-рыжими.

– Спасибо, Лили, – её зардевшиеся щёки выдают смущение, – не училась. Просто с детства тяга к самовыражению.

Скептически оценив мою одежду, состоящую из шорт цвета хаки и белой футболки, она задаёт ожидаемый вопрос:

– А ты у нас кто? Хотя стой, не отвечай. Дай угадаю! – постукивая указательным пальцем по подбородку, задумывается на несколько секунд. – Нет, ноль идей.

Меня так смешит, когда она говорит своим зашитым ртом, что готова слушать её вечно, а то я за последние дни забыла, что значит смеяться.

– Неужели ты меня не знаешь, Глори? Даже обидно! – лезу в большой пакет, который притащила с собой, и достаю костюм, позаимствованный у стриптизёрши Салли из «Elleven». Да, меня выручила Джилл. Наконец-то в наших с ней отношениях снова тишь да гладь.

Возвращение «блудной дочери» состоялось позавчера, когда я после прогулки с отцом притащилась к ней в клуб и практически заставила поговорить со мной, закрыв нас обеих в подсобке. У неё был настолько несчастный вид, что я почувствовала себя самой худшей подругой в мире. Я не знала, как объяснять ей своё поведение и скрытность, поэтому сделала единственное, на что была способна: просто крепко об-

няла её, прошептав тихое «Прости». В тот момент меня настигло понимание, насколько эгоистично я пользовалась нашей дружбой, не проявляя и толики той заботы, в которой я купалась благодаря Джилл. Надеюсь, я смогу это исправить.

– Матерь божья! Ты будешь Госпожой из БДСМ-клуба? – восклицает Глория при виде моего сложенного наряда из чёрного латекса.

Расхохотавшись, падаю спиной на мягкий матрас. На самом деле не всё так страшно. Я буду женщиной-кошкой, только в более лайтовой версии: в комбинезоне с короткой расклешённой юбкой и легендарной маске с ушками. Несмотря на осень, в Майами даже по вечерам не меньше двадцати пяти градусов. Легинсы на мне просто расплавятся.

Спустя полтора часа с лёгкой руки Глории я превращаюсь в убийственно-эффектную версию себя. Смотрю на своё отражение в зеркале и жалею, что меня сейчас не видит Кроу. Он обязательно съязвил бы по поводу моего вульгарного вида. Я в ответ выдала бы какую-нибудь колкость. Он наградил бы меня мрачным взглядом, обещающим скорую расправу, а я бы назвала его занудой. Но ничего из этого больше не будет. Никаких словесных баталий, порицаний и нотаций. Классно же?

– Он будет здорово смотреться на тебе. – Глория встает позади меня, прерывая мой внутренний самообманывающий монолог, и застёгивает ту самую подвеску с сапфиром.

От прохлады цепочки кожа шеи покрывается стайкой мурашек. Благородная синева, оттеняющая мои голубые глаза, и мерцание камня сразу перетягивает всё внимание на себя. – Забери его себе, ладно? – даже несмотря на жуткий раскрашенный рот я различаю искреннюю улыбку на её лице. Уверена, она хочет утешить меня после моего рассказа о неудавшихся отношениях с Максом.

– Кудрявая, ты что? Он наверняка стоит кучу денег. Да и день рождения у меня не скоро, – я растерянно тереблю кулон, наблюдая за его сиянием, как заморожённая. От него исходит какая-то необъяснимая магия добра. Конечно, такое желание порадовать со стороны другого человека не может не трогать.

– Тебе не нравится?

– Очень нравится. – Отхожу к кровати, чтобы натянуть тонкие чулки для завершения образа. – Просто я никогда не была фанатом всяких побрякушек. Любила модные шмотки – это да, но украшения... На тренировках они бы мне мешали, поэтому я не заморачивалась по этому поводу.

– А как же подарки? Тебе что, никогда не дарили украшения? – недоумевает Глория. – А парни, отец?

– Если не считать МММ, у меня был всего один парень, – усмехаюсь, вспоминая Джейсона, – который дарил мне деньги в конверте. На большее у него не хватало фантазии.

– Ничего себе. И ты брала? – Глория присаживается рядом, откидывая свою красную накидку с капюшоном, чтобы

не память.

– Брала. Пациентам онкоцентра они были нужнее. – Запнуровываю свои чёрные полусапожки на толстой подошве. – А папа всегда спрашивал, что я хочу, оправдываясь вечной занятостью и отсутствием времени на поиск подарков. Но я не обижаюсь на него, честное слово, – заверяю подругу, подкрепляя свои слова уверенной улыбкой. Сочувствие по такой ерунде мне точно ни к чему. Было бы из-за чего!

– Не примешь значит? – эта псевдоведьма настороженно смотрит своими изумрудными глазищами в самую душу.

– Приму, – расплываюсь в широкой улыбке. – Я, конечно, скромная, но не настолько. Спасибо! – чмокаю её в макушку, кривясь от горького вкуса на губах. Кажется, я слизала часть краски с её волос. – Держись сегодня поближе ко мне. Будешь отпугивать от меня всякую нечисть.

– Дамы, угощайтесь, – возле бара нас могильным голосом приветствует своеобразная разновидность Циклопа с пятью нарисованными глазами: двумя настоящими и по одному на лбу и щеках. Оригинально. Он протягивает нам тарелку с печеньями в виде отрезанных морщинистых пальцев и следом ставит на стойку два коктейля красного цвета. Имитация крови, судя по нарисованным потёкам вдоль края бокала.

– Какая гадость.

– Как круто!

Мы с Глорией произносим это одновременно, что вызы-

вает смех у бармена. Отвожу от него взгляд, чтобы не окосеть. Уж больно одинаковыми выглядят все его глаза. Пока подруга поглощает печенья, рассматриваю интерьер клуба, а заодно и его гостей.

Декораторы потрудились на славу: зал украшен в лучших традициях Хэллоуина. Диско-шары каким-то образом поместили внутрь тыквенных фонарей, которыми усеян весь потолок. Танцовщицы-вампириши, одетые в заляпанные «кровью» костюмы медсестёр, эротично извиваются в фальшивых котлах, из которых валит имитация цветного пара, создающая эффект колдовского зелья. На стенах мой кошмар наяву: кучи пауков с мохнатыми лапками в окружении зубастых летучих мышей со светящимися красными глазами, а мигающая подсветка создаёт иллюзию их движения. Жуть.

Охранников узнаю сразу по неподвижным силуэтам: все они – ночные стражи в чёрных балахонах с капюшонами, накинутыми на лица так низко, что их вовсе не разглядеть. А на танцполе настоящий шабаш. Халки, скелеты, страшные монстры со шрамами и наложенными лоскутами кожи с порезами. Одних только рогатых Малефисент штук десять. Вот насколько я люблю весёлые тусовки, настолько же терпеть не могу этот языческий праздник. Выбралась сюда, только чтобы развеяться, а не торчать дома в одиночестве. У Мелиссы семейные будни, Джилл работает, а учебники читать нет моральных сил. Хорошо, хотя бы музыка здесь отличная. Возможно, даже потанцую.

– А где все наши? – обращаюсь к Глории, которая уже потягивает следующий коктейль через трубочку с искусственным глазом вместо зонтика. Мои брови уползли бы вверх от изумления, если бы не маска на голове, обтягивающая лоб. – Ты решила накидаться в честь сдачи зачёта?

– Не нуди! Я хочу расслабиться, в конце концов. Ты сегодня за старшую, – ведьма довольно улыбается.

Её глаза искрятся весельем. В принципе, ради её неподдельной улыбки стоило сюда прийти. Пусть порадуетса человек. А вот и опозданцы! Викторию узнаю сразу, потому что за последние недели она прожужжала все уши о своём образе Дейнерис, Королевы драконов из Игр престолов. На ней белый парик с двумя косами и бежевое платье с разлетающимися рукавами. Тонкая талия подчёркнута кожаным корсетом со шнуровкой. Откровенно говоря, выглядит она потрясающе. Выпендрёжник Рейв сегодня капитан Джек Воробей. Вот вообще не удивлена. Мысленно он наверняка уже поставил галочку напротив пункта «Склеить какую-нибудь цыпочку». Он даже грудь выпятил от чувства собственной важности. Интересно, в кого бы вырядился Макс, будь он здесь? «В робокопа или палача» – подсказывает внутренний голос. Боже, я тронулась умом, раз слышу в своей голове этот диалог. Как вытравить его из своих мыслей?

Королева и капитан, прошедшие фейс-контроль, подплывают к нам.

– Привет, крошки! – беспардонный Рейв втискивается

между мной и Глорией и закидывает в рот печеньеый палец.

– Нас так легко узнать? – делаю глоток безалкогольного мохито. Кто-то же должен сегодня оставаться в здравом уме.

– Хотел бы соврать, что вас ни с кем тут не спутаешь, но не буду, – ухмыляется блондин. – Глория написала, где вас искать.

Последняя отрывается от своей вожденной трубочки и очаровательно ему улыбается. Мечу свой взгляд между этими двумя, пытаюсь понять, пропустила ли я что-то. Она с ним сейчас заигрывает? Мне не показалось? Виктория тянет меня за руку на танцпол, и мы оставляем Глорию и Рейва, которые уже начали непринуждённо болтать друг с другом.

Королева Дейнерис почти сразу оставляет меня одну, увидев своих знакомых, а я стараюсь полностью отдаться танцу, чтобы отключить свой мозг, переполненный разными противоречивыми мыслями. Маска на лице даёт мне мнимое укрытие. Закрываю глаза, вслушиваясь в проникновенные слова певицы, сопровождаемые мощными басами и потрясающим миксом разнообразных звуков, создаваемых профессиональным диджеем. Поднимаю руки вверх и начинаю плавно двигаться, отдаваясь клубной атмосфере.

Вокруг меня такая толпа, что я не сразу понимаю, как сзади ко мне кто-то начинает откровенно прижиматься. Сначала я думала, что это недвусмысленное трение мне привиделось. Ну мало ли... Вдруг человек в пространстве не может сориентироваться. Но, когда мне на живот ложится его ру-

ка, ещё сильнее прижимающая к чему-то твёрдому, сомнений не остаётся. Застываю и медленно поворачиваю голову, чтобы посмотреть в лицо этому смертнику. Им оказывается «Бэтмен²²» с пьяными глазами, проглядывающими через отверстия в маске.

– Киска хочет пошалить? – заплетающийся голос и сальная улыбка – отличное комбо для флирта.

Смахнув с себя его потную ладонь, разворачиваюсь всем корпусом и, сдвинув пальцем ткань его маски, недовольно кричу ему в ухо:

– По-моему, мышь – не самая подходящая пара для кошки!

Этот идиот, похоже, воспринимает мои слова как остроумную шутку, потому что, рассмеявшись, с силой притягивает меня к себе за талию и проходится языком по моей шее, оставляя мокрый след. Видит Бог, я предупреждала! Без долгих раздумий бью его коленом в пах, и он сразу же разжимает свои лапы, сгибаясь пополам:

– С-с-у-ука! – читаю по губам, потому что через грохот музыки сложно что-либо расслышать.

– Мяу! – злостно бросаю этому придурку и спешно ретируюсь в сторону туалетов, чуть не врезаясь в «ночного стража», который, наверное, хотел мне помочь.

К счастью, очереди в туалет нет. Немудрено, ведь вече-

²² Бэтмен – персонаж комиксов, супергерой в образе летучей мыши, поэтому Лили назвала того приставучего парня мышью.

ринка только началась. А мне уже хочется домой. Когда я шла сюда за сменой обстановки, я не подразумевала под этим смыывание чужих слюней со своей шеи. Забавно, раньше я не гнушалась знакомиться в клубах и даже целоваться со случайным понравившимся парнем, пригласившим на танец. Теперь же меня передёргивает от отвращения. Моя кожа ещё помнит прикосновения и поцелуи другого мужчины, буквально заклеившего меня ими. Мне противно и брезгливо от того, что кто-то другой сейчас прикасался ко мне. Чувствую себя какой-то осквернённой, хотя ничего страшного даже случилось. Меня не покидает ощущение, что я предаю саму себя.

Боже, помоги мне забыть его! Каждый раз, когда я вспоминаю Макса, тоска обрушивается на меня с удвоенной силой. Она не даёт мне свободно дышать, сдавливая грудную клетку и тот орган, что бьётся внутри неё. Я скучаю по нему. Ещё не было и минуты, чтобы я не думала о нём, пытаюсь разгадать ребус «Почему он так со мной?». Как бы я не храбрилась и не пыталась делать вид, что не произошло ничего из ряда вон выходящего, это не так. Совсем не так. Сначала он собственноручно взрастил крылья за моей спиной, а потом сам же и отобрал их, дав упасть на землю с большой высоты. Ходить пешком после того, как тебя научили летать, уже не приносит такого счастья.

Закрываю воду и делаю глубокий вдох, опираясь на раковину. Когда я стала такой слабачкой? Может просидеть тут

до конца вечеринки? Чувствую себя чужой на этом празднике жизни.

Вдруг со стороны крайней кабинки слышу приглушенные стоны. Или всхлипы. Не могу точно определить природу этих звуков. Прислушиваюсь, пытаюсь понять, от боли эти стоны или от удовольствия. Жалобный скулёж сразу активизирует во мне тревожный режим, и я спешу в ту сторону.

– Эй, всё в порядке? – осторожно стучу в дверцу кабинки, которая оказывается незапертой.

Медленно открываю её и обнаруживаю девушку, сидящую на полу боком ко мне. Два белокурых хвоста с разноцветными прядями немного растрепались из-за того, что она склонила голову к коленям, сцепив пальцы в замок на затылке. Она безостановочно раскачивается туда-сюда, постоянно всхлипывая и причитая что-то нечленораздельное. Могу разобрать только: «Почему я?», «Ублюдки», «Товар». Она наркоманка? Приседаю на корточки и, положив ладонь на её руку, предпринимаю ещё одну попытку:

– Тебя кто-то обидел? Вызвать полицию?

Девушка отрывает голову от колен, поднимая на меня свой поплывший взгляд. Я стараюсь не показывать своего удивления, потому что несмотря на тушь, размазанную под её ярко накрашенными глазами, я узнаю её. Это та самая «кокосовая вкусняшка» из Саус-бич.

– Пол-лицию? – из-за рыданий её речь прерывается. – Мне не пом-может пол-лиция. – Её несчастный вид и пле-

чи, подрагивающие от сдерживаемой истерики, вызывают во мне жалость.

Тяну её за руку и предлагаю умыться прохладной водой. Она явно пьяна или под чем-то, потому что без конца бредит.

– Как тебя зовут? – спрашиваю, вытирая бумажным полотенцем потёки под её глазами. Пытаюсь отвлечь, чтобы она успокоилась.

– Шерил, – отвечает еле слышно, насторожившись от моих действий.

– Красивое имя. Ты здесь одна?

Девушка грустно улыбается и опускает голову, опёршись на столешницу возле раковин.

– Одна, – получается даже довольно чётко. – И не только здесь, – добавляет уже с агрессией. – Я после такого никому не нужна, пон-нимаешь? – из её глаз снова ручьи слёз. – Я шарахаюсь от всех мужчин, как прокаж-жённая! Ответь мне, когда это кончится?

Она вцепляется в мои плечи и начинает трясти меня, как куклу, добиваясь ответа, которого у меня нет. В её глазах такое безумие, что меня это пугает. Припадочная какая-то. Отдираю от себя её пальцы и в тот момент, когда она снова кидается ко мне, влепляю пощёчину. Шерил каменеет и, вполне возможно, даже трезвеет, потому что её взгляд мгновенно проясняется. Приложив к пострадавшей щеке свою ладонь, она уныло опускает голову, по-видимому, собираясь с мыс-

лями. Ну, или она просто не в состоянии её удерживать в вертикальном положении.

– Извини, – прошу у неё прощения больше из вежливости, чем из-за чувства вины.

Да что же за вечер такой! Одному между ног зарядила, второй – по лицу. Третьим никто быть не желает? Кстати, про третьего. Достаяю из поясной сумки смартфон и набираю единственному человеку, который является нашим общим знакомым. Он отвечает после первого гудка, будто ждал:

– Лили? – его встревоженный голос, как бальзам для моей души. Не одной же мне ходить в подавленном настроении.

– Не думала, что скажу это, но мне нужна твоя помощь.

– Где ты? – На фоне раздаётся звук захлопывающейся двери машины.

– В «Стори». Мы будем ждать у выхода.

– Мы?

Сбрасываю вызов. Не собираюсь вести с ним тёплые беседы, как ни в чём не бывало. Сотрудники, так сотрудники.

Минут через пятнадцать мы с Шерил под ручку выходим на свежий воздух. Её было довольно непросто увести из клуба, потому что она с воплями рвалась в котёл к танцовщице, наверняка думая, что это врач, который вылечит её от непонятной хвори. Как я могла ревновать Макса к этому неадеквату? Я, конечно, сочувствую её непростой истории, но вести себя так – это слишком. Спасибо Рейву, который помог мне.

Кроу уже поджидает снаружи, прислонившись к колонне.

Руки в карманах светлых джинсов, белая рубашка с коротким рукавом, волосы слегка взъерошены, словно он то и дело запускал в них свою пятерню от очередных раздумий. Дьявольски красивый. Замечаю тень улыбки на его лице, когда он видит меня. Узнавание Шерил к нему приходит не сразу, потому что она виснет на мне, уткнувшись лбом в моё плечо. Поднимаю её голову за хвост и вместо приветствия сердито бросаю:

– Забери свою «ямми²³ из Майами». Ей нужна помощь, – передаю груз, как эстафетную палочку.

Макс подхватывает девушку под руку, иначе её лицо познакомилось бы с асфальтом.

– И как это понимать? – недоумеваю, заметно помрачнев.

– Я нашла её в туалете в полуживом виде, немного почистила ей пёрышки и позвонила тебе, – пожимаю плечами, потому что не знаю, что ещё говорить. Да и место неподходящее. Нас могут увидеть. Я и так еле отговорила Рейва провозжать нас до «такси», брякнув что-то по поводу её боязни парней.

– Садись в машину, Лили. Я отвезу тебя домой, – не требует, а просит. Ну надо же.

– М-м-а-а-акс! – вклинивается Шерил и с кривой улыбкой начинает поглаживать щёку Макса, который от этого жеста нервно дёргается в сторону. – Ты такой хоро-оший! – её про-

²³ yummy (англ.) – вкусняшка (Му Yummy – название бутика, которым владеет Шерил)

тяжный тембр начинает меня подбешивать. – Ты мой спаси-и-итель! – Она напоминает мне сейчас надувного аэромена, вроде тех, что ставят на обочинах дорог для заманивания посетителей в мотели или торговые центры. Обычно они хаотично размахивают своими конечностями, то пригибаясь к земле, то снова вставая. Точь-в-точь Шерил.

– Нет, спасибо. Я ещё побуду здесь, – отвечаю на вопрос Макса, прерывая мычание пьяной секс-бомбы, которая уже трётся об него своей внушительной грудью. От него она не шарахается, как я посмотрю.

Кроу не сводит с меня своего хмурого оценивающего взгляда и словно не обращает внимания на незначительную помеху, болтающуюся возле него. Ах, да. Я ведь до сих пор в костюме женщины-кошки. Даже забыла об этом.

Только разворачиваюсь, чтобы вернуться в клуб, как слышу в спину строгое:

– Лили, будь осторожна.

На мгновение замираю из-за секундного желания ответить что-нибудь, но резко передумываю и продолжаю свой путь, не оглядываясь.

ГЛАВА 22 СВИДАНИЕ

На тренировках по волейболу я больше не появлялась. Не только из-за Макса. Просто больше не вижу в них необходимости. Моя первоначальная цель расширить круг знакомств, чтобы выведать побольше значимой информации, удалась на славу. Точнее не так: познакомиться удалось, а вот узнать про тех девушек что-то особенное – нет. У них были друзья, они ходили на вечеринки, исправно посещали занятия, сдавали экзамены и зачёты. Обычные студентки, коих здесь сотни.

Последняя жертва училась на факультете экономики. Среди остальных убитых она выделялась тем, что подрабатывала фотомodelью, участвуя в съёмках для магазинов одежды. А ещё незадолго до смерти она рассталась со своим парнем Тайлером, тоже студентом нашего университета с четвёртого курса. И сегодня у меня с ним «свидание». Правда он об этом ещё не подозревает. Стоит себе в очереди студенческой столовой, оживлённо болтая с друзьями и не подозревая, что он сейчас уже под моим невидимым прицелом. По нему так и не скажешь, что он горюет.

Пока выжидаю подходящий момент для своего эффектного появления, оцениваю его манеры, которые лишь подтверждают мои догадки. Так и вижу, как он каждое утро позирует перед зеркалом в поисках выгодной позы для селфи.

Я прошерстила все его социальные сети, поэтому точно могу сказать, что этот качок со смазливym личиком – типичный нарцисс. Вот сейчас, к примеру, он подмигивает симпатичной блондинке на раздаче, приглаживая свои русые волосы, щедро смазанные гелем для укладки. Ну что за примитив... Кого могут привлечь такие замашки? Самку богомола?

Когда он доходит практически до кассы, отправляю Глории сигнальное смс. Я ей сказала, что хочу познакомиться с парнем, поэтому она с радостью согласилась на эту авантюру. Я не упомянула, что Кудрявая сейчас стоит в очереди перед моей добычей? Подруга оборачивается и машет мне с чересчур счастливой улыбкой на лице:

– Лили! Я здесь! Иди скорее, а то придётся встать в конец очереди! – она орёт на всю столовую, в чём нет особой необходимости. Я всё это время стояла чуть поодаль от них, притворяясь, что шепетильно выбираю пирожные в холодильнике.

Хватаю поднос и начинаю протискиваться к Глории, по пути водружая на него стаканы с напитками и тарелки с салатами. Даже не смотрю, что ставлю, потому что всё равно это не попадёт в мой желудок. Приближаюсь к Тайлеру, стоящему ко мне спиной, и в этот момент Глория будто случайно роняет вилки ему под ноги. Отлично! Правда брать кучу вилок для себя одной было лишним, ну да ладно. Парень ожидаемо делает шаг в сторону, чтобы уступить ей место, и врезаётся локтем в мимо проходящую меня. Я ахаю, яко-

бы от неожиданности. Поднос, конечно же, опрокидывается, украшая мою футболку и юбку разноцветными пятнами и кусочками овощей. *Когда дело закроют, буду требовать большую премию за такие жертвы.*

Грохот привлекает внимание всех присутствующих, а я включаю весь свой актёрский талант, демонстрируя наивысшую степень шока. Так и застываю на месте, удерживая руки в том же положении, в котором несла поднос. Медленно оцениваю нанесённый мне ущерб и останавливаю свой потерянный взгляд на огромном мокром пятне, по форме и размеру напоминающем Евразию. От контакта с прохладной влагой мои затвердевшие соски начинают отчётливо проступать через тонкую ткань. Поднимаю голову, чтобы только убедиться в произведённом впечатлении. Глаза Тайлера прикованы к этому же пятну. В них отражается растерянность вперемешку с вожделием. То, что надо. Резко прикрываю грудь, отчего он отмирает и, оглянувшись по сторонам, машет всем руками в жесте «Продолжайте, хватит пялиться». Аккуратно взяв меня за локоть, отводит в сторону, чтобы не мешать остальным в очереди.

– Так вот ты какая, Лили, – вместо извинений этот недоделанный мачо начинает чавкать жвачкой с открытым ртом, вальяжно улыбаясь. – А я – Тайлер.

– Хотела бы сказать, что мне приятно познакомиться, но врать совершенно не умею, – кокетливо закусываю нижнюю губу и бросаю на него томный взгляд из-под ресниц.

– А ты милая, – у него сейчас рот порвётся от улыбки.

– Ты тоже, – создаю видимость потери интереса к его обществу, и, слегка оттянув ткань футболки, начинаю её тряссти, чтобы она хотя бы слегка подсохла.

– Как мне загладить свою вину, малышка?

– Да причём здесь ты? Ты вообще спиной стоял. Это мне надо быть повнимательнее. – Ещё покойная бабушка меня учила: если хочешь вселить в мужчину чувство вины, делай вид, что он не виноват. Кажется, это тот самый случай. – Вот только... – бросаю взгляд, полный вселенской печали, на мой «обед», который уборщица уже сметает в мусорный мешок.

– Что такое? – Тайлер смотрит туда же. – Вот я болван, из-за меня ты осталась голодной! – *Наконец-то дошло.* – Давай я тебе куплю обед в качестве извинения?

– Спасибо, но не выйдет. Мне уже пора идти, иначе опоздаю на лекцию, – грустно вздыхаю и напоследок добавляю: – И всё-таки беру свои слова назад. Мне было приятно познакомиться с тобой, Тайлер.

Произношу его имя с чувственным придыханием, награждая его своей самой очаровательной улыбкой из моего арсенала. Дожидаюсь его загоревшегося взгляда и делаю вид, что собираюсь уходить.

– Лили!

– Да? – оборачиваюсь через плечо.

– А как ты смотришь на ужин сегодня вечером? – парень

снова подходит ко мне.

Томлю его несколько секунд, изображая сомнение. Смотрю в его голубые глаза, полные надежды на сегодняшний вечер и, вполне возможно, ночь, и мне становится его даже жалко.

– Ужин? – растерянно заправляю волосы за ухо, нацепляя на себя маску скромняшки.

– Отказы не принимаются. Выбирай место! – юноша надувает гигантский пузырь из жвачки и тут же лопаёт его, зажёвывая обратно в рот. *Как я выдержу целый вечер?*

– Хм... Я совсем недавно в этом городе и кроме «Elleven» совсем ничего не знаю. Но кухня там потрясающая. Может туда?

Разумеется, я не выжила из ума, чтобы встречаться с бывшим парнем убитой девушки в незнакомом месте. Мне нужна поддержка.

– Отлично! Я забронирую нам столик на семь вечера. Идёт? – Если бы у Тайлера был хвост, он бы точно им сейчас вилял от радости. На его лице отражается победное ликование.

– Идёт. Ну, мне пора, Тайлер. Увидимся, – машу ему ладошкой, игриво перебирая пальцами в воздухе, и спешу на выход. Мне нужно срочно добраться до туалета, чтобы переодеться в запасную одежду.

Вечеринки в «Elleven» обычно начинаются с девяти

вечера, поэтому до этого времени посетители здесь обслуживаются, как в ресторане. Для него здесь выделена специальная зона на втором уровне, отгороженной от остальной части клуба стеклянной стеной. Из динамиков льётся приятная мелодия, настраивающая на романтический лад, небьющей по глазам светомузыки. Вместо неё обеденную зону подсвечивают настенные светильники, лучи которых создают вокруг нас причудливые блики. Сейчас в клубе немногочисленно, и даже дышится как-то легче.

Тайлер уже был на месте, когда я пришла. Встретив меня с довольной улыбкой, он учтиво выдвинул стул в приглашении. Надо же, какой джентльмен. Парень опрятно одет, а идеальной укладке позавидовала бы любая девушка, проводящая часы перед зеркалом. Если бы не жевательная резинка, беспрестанно мелькающая между его приоткрытых губ, он бы мне даже понравился. Либо он нервный, либо заглушает неприятный запах изо рта. Третьего не дано. Конечно, я тоже подготовилась к сегодняшнему вечеру. Мой выбор пал на платье-американку лимонного цвета длиной до середины бёдер. Просто и не вызывающе. У меня нет цели соблазнить этого парня.

– Потрясно выглядишь! – он пробегает по мне внимательным взглядом. Терпеть не могу, когда меня внаглую оценивают, как товар на витрине.

– Спасибо, Тайлер, взаимно.

Чтобы не терять времени, начинаю сразу изучать меню.

– Выбери всё, что хочешь, – добавляет парень, горделиво расправив плечи.

Можно подумать я собиралась скромничать.

– Правда? – перевожу на него заинтригованный взгляд. – Тогда я бы не отказалась от салата «Цезарь», бифштекса со стручковой фасолью и картофелем «Айдахо». На десерт я буду шоколадный чизкейк и клубничное мороженое. Вино предпочитаю Просекко.

Мой спутник весело ухмыляется, ничуть не удивившись моей прожорливости.

– Мне нравятся девушки с отменным аппетитом, – звучит как прозрачный намёк.

Себе он заказывает запечённый лосось с овощным салатом и виски. Пока ждём свой заказ, беседуем на шаблонные темы. К моему удивлению, Тайлер фонтанирует искромётными шутками, от которых у меня вскоре начинают побаливать щёки. Я старательно корчу из себя наивную захмелевшую глупышку, будто не замечая, как он то и дело обновляет напиток в моём бокале. *Знал бы он, что там лимонад.* Между делом узнаю, что он подрабатывает фотографом в модельном агентстве, за что я, собственно, и цепляюсь.

– Вот это да! Всегда мечтала стать моделью!

Парень принимает расслабленное положение, откинувшись на спинку стула, и начинает задумчиво облизывать меня своим осоловелым взглядом, почёсывая подбородок.

– И почему же?

– Ну какая девушка не мечтает зарабатывать на своей внешности? Тем более, пока я учусь, лишний доход точно не помешал бы.

– И родители были бы непротив? Ты же ещё несовершеннолетняя²⁴.

– Что-то ты не вспоминал о моём возрасте, когда заказывал вино, – кокетливо обвожу указательным пальцем край бокала. – И нет. Я живу здесь одна, так что разрешения спрашивать не у кого. А ты, я думаю, умеешь хранить секреты, – утверждаю, а не спрашиваю, чтобы у него отпали все сомнения по поводу моей веры в него.

– Знаешь, а я могу тебе помочь, – его губ касается дерзкая ухмылка. – У меня есть один заказчик на примете, который сейчас в поиске милого личика. Думаю, ты им подойдёшь.

– Правда?

– Угу, – его взгляд замирает на моих губах, которые я только что нарочито медленно облизнула. – Только это всё должно остаться между нами, Лили. Ты же понимаешь, какие могут быть последствия, если узнают о твоём возрасте?

Молча киваю, как китайский болванчик, выражая крайнюю степень радости от грядущего трудоустройства.

– Тогда не против, если я отойду? Мне надо позвонить.

– Конечно, иди. Мне как раз нужно в дамскую комнату, – встаю, слегка качнувшись, и начинаю по-дурацки хихикать.

²⁴ Практически во всех штатах США совершеннолетие наступает в 21 год. По поддельным документам Лили 20.

Тайлер улыбается от уха до уха и закидывает в рот очередную жвачку, прежде чем взять свой телефон со стола. Едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

Убедившись в том, что я вне поля его зрения, отправляюсь напрямиком к кабинету Джилл.

– Ну что, увидела по камерам? – выпаливаю свой вопрос, распахивая дверь без стука.

Да вот только так и застываю на месте, когда до моего сознания доходит, кого я вижу перед собой. Макс сидит за столом, с обманчивым спокойствием оперев подбородок на сложенные ладони. Он молчит, но его обжигающий взгляд мечет в меня остро заточенные стрелы. Смоченные в яде. Нет. Ещё и подождённые для надёжности. Моё тело вмиг отзывается на его присутствие, разливаясь жаром в каждой клеточке, каждой поре. Под рёбрами начинает гореть огнём так, что хочется согнуться пополам. Я не видела его целых пять дней, стараясь занимать свои мысли чем угодно, лишь бы не думать о нём. И я была совершенно не готова к его появлению здесь, поэтому не успела надеть на себя броню равнодушия. В горло будто песка насыпали, а ноги одеревенели, превратив меня в неподвижную статую. Наверняка я выгляжу глупо, но мне уже всё равно.

– Лили, так и будешь стоять? – Макс со вздохом поднимается со своего места и направляется ко мне.

Сердце колотится всё чаще по мере его приближения. Задерживаю дыхание от его дурманящего запаха и от того вли-

нения, которое он на меня оказывает. Словно в замедленной съёмке наблюдаю, как он встаёт передо мной, не разрывая зрительного контакта, и неторопливо вытягивает руку за мою спину. Закрываю глаза, приготовившись к тому, что он сейчас обнимет меня, прижмёт к себе и начнёт молить о прощении, но он всего лишь захлопывает дверь. Разжимаю веки и встречаюсь с безмятежным серым взглядом. Он уже не такой тёмный и пугающий, как минуту назад. Макс убирает руки в карманы и продолжает безмолвно смотреть в мои глаза с укором. Что ему от меня нужно?

– Где... – прочищаю горло, потому что из меня вырывается какой-то ларингитный хрип, – где Джилл?

– Это неверный вопрос, – он издаёт разочарованный смешок, продолжая давить на меня своим близким присутствием.

– Что ты здесь делаешь? Этот верный? – предпринимаю попытку подержать в ответ.

Макс ещё несколько мгновений продолжает буравить меня взглядом, как полицейский на допросе, а потом в нём будто срабатывает тумблер. Он делает резкий шаг назад, зарываясь руками в свои волосы.

– Чёрт побери, это уму непостижимо! – снова делает шаг ко мне, трясёт передо мной указательным пальцем, как будто хочет сказать что-то обидное, но вовремя сдерживается и снова отходит. Мечется по кабинету, как зверь в клетке, то и дело потирая переносицу и покачивая в неверии головой.

Я ничего не понимаю.

– Я просил тебя по-человечески, Лили! Никуда не влезать без моего разрешения, не предпринимать никаких действий за моей спиной, и что я вижу? Ты притащилась на свидание с ублюдком, у которого нет никаких принципов, чтобы что?

Никогда не видела его в таком бешенстве. Он застал меня врасплох своей несдержанностью.

– Я...

– Ты знаешь, кто он? – Макс перебивает меня, остановившись передо мной.

– Студент, – лепечу, как провинившаяся ученица в кабинете директора. Из меня улетучилась вся былая уверенность.

– Он не просто студент, и ты это знаешь! – от злости его губы сжимаются в тонкую полоску.

В очередной раз взъерошив свои волосы, он снова отходит, на этот раз к ноутбуку Джилл. Щёлкает мышкой, нажимает какие-то клавиши, изучая изображение на экране. Это нормально вообще? Где она сама?

Состояние оцепенения меня отпускает, как только Макс выходит из моего интимного пространства. Я как-то лучше соображаю, когда на меня нет давления.

– Во-первых, хватит на меня кричать! – мой голос срывается и дрожит, а он даже не смотрит на меня, уткнувшись в экран. – Во-вторых, я не знаю ничего, кроме того, что он бывший парень одной из убитых девушек. Как раз сегодня хотела узнать его получше.

Наконец, Кроу снова возвращает своё внимание ко мне.

– Лилиан, скажи мне, ты думаешь в Департаменте полиции работают идиоты?

Не помню, чтобы он называл меня «Лилиан», и совсем не к месту подмечаю, что я – Лилиан, а он – Максимилиан. Забавно рифмуется. Молчу, стиснув зубы. Пусть уже заканчивает свой бенефис, а то от него обычно не дождёшься содержательных объяснений.

– Мы с самого начала установили слежку за этим пикапером²⁵. Ты знаешь, чем он занимается?

– Ф-фотографирует моделей, – *прекрасно, я ещё и заикаться начала.*

– Он вербует девушек в эскорт.

В помещении воцаряется гнетущая тишина. Где-то вдалеке слышны басы. Видимо, начинается вечеринка. Растерянно смотрю на Макса, а он – на меня. Ждёт моей реакции, которая не заставляет себя долго ждать.

– Скажи конкретно, в чём моя вина? В том, что я пошла на свидание, или в том, что не доложила тебе? А может быть в том, что меня просто держат в неведении? – я лопаюсь, как воздушный шарик, выплёскивая, наконец, все бушующие внутри переживания. – Если бы ты с самого начала сказал мне, кто он, не было бы никакого свидания!

²⁵ Пикапер – профессионал по соблазнению, разбирающийся в психологии женщин. Главная цель пикапера – соблазнить девушку, то есть влюбить её в себя и воспользоваться доверчивостью, чтобы склонить к сексуальной близости.

– Да твою ж мать, ты сама себя слышишь? Зная твоё рвение, сейчас ты уже работала бы в эскорте! – Макс в гневе хлопает ладонью по столешнице, отчего я вздрагиваю вместе со стоящей на ней бутылкой воды. – И угадай, чем они занимаются помимо сопровождения богатых спонсоров? Подсказать? Тебе захотелось приключений, Лили?

Мои глаза наполняются слезами обиды: на него – за то, что орёт, и на себя – за то, что я такая непроходимая дура. Все мои попытки доказать свою профпригодность оборачиваются полнейшим провалом. Неужели я и правда думала, что умнее опытных следователей? Парень жертвы, пусть и бывший, наверняка стал одним из первых в списке подозреваемых. И доля правды в словах Макса есть. Идея внедриться в отряд эскортниц посетила бы меня практически со сто процентной вероятностью. В чате сатанистов уже побывала. Присаживаюсь на диван, обречённо опустив голову.

– Остальные убитые как-то связаны с агентством?

– Мы работаем над этим.

Молча киваю, чтобы не выглядеть ещё большей тупицей.

– А я как раз хотела сказать, что сатанинские метки сделаны, скорее всего, для отвода глаз, но, думаю, ты и без меня уже это знаешь, – рассматриваю невидимую пылинку на подоле своего платья, лишь бы не встречаться с его глазами.

Макс присаживается передо мной на корточки и убирает мне за ухо выбившуюся прядь волос. От этого действия по шее расплзается дорожка из волнующих мурашек.

– Зачем ты их обрезала? – его тон меняется на ласковый.
– Просто захотелось.

Напряжение, сковывающее моё тело, наконец, сходит на нет. Вместо него меня накрывает такая усталость и отрешённость, что хочется просто лечь, уснуть и проснуться полгода назад, когда было всё просто и понятно, и моей главной заботой были походы на пляж и в спортзал. Макс сжимает мои прохладные ладони в своих тёплых, согревая и успокаивая меня. Пытаюсь осторожно освободить пальцы, но он стискивает их ещё сильнее.

– Лили, я...

– Нет, Макс, лучше молчи, – пресекаю сразу его попытки поговорить, потому что нутром чувствую, что это будет что-то про нас. Унизительно слушать какие-то оправдания. Лучше оставить всё так, как есть. – Мне пора возвращаться, пока Тайлер не отправился на мои поиски. В камеру попал номер, по которому он звонил?

– Да, – Кроу встаёт, поднимая меня за руку вслед за собой. – Ты умница, но...

– Ты бы выяснил всё и без меня, – заканчиваю за него. – Я всё поняла, Макс. Пока.

В расстроенных чувствах покидаю кабинет и только на пути к Тайлеру задаюсь вопросом, как Макс вообще узнал, что я здесь.

ГЛАВА 23 ЛЮБИТ-НЕ ЛЮБИТ

– Ничего не хочешь объяснить?

Джилл, только что вошедшая в квартиру, вздрагивает от испуга, хватаясь за сердце. Я сижу на диване в полнейшей темноте, поэтому она меня не заметила.

– Господи, Лили! Разве можно так пугать? И почему ты не спишь? – Подруга скидывает туфли и скрючивается в смешную позу, чтобы размять уставшие стопы.

– А я отмечаю! – салютую ей своим почти пустым бокалом.

В клубе мне не удалось с ней поговорить, так как она встречала каких-то важных посетителей, поэтому, отшив Тайлера, я на такси отправилась домой.

– Что за повод? – эта предательница даже ухом не ведёт, почёсывая Бинго. Подумать только, я ещё мучилась угрызениями совести!

– Посмотри на мои уши! Видишь что-нибудь? – спрашиваю с сарказмом, поворачивая голову влево и вправо, но Джилл не замечает подвоха. Она подходит ко мне и, прищурившись, начинает их рассматривать.

– Не вижу ничего, – выпрямляется, складывая руки на груди, и впивается в меня взглядом строгой училки.

– Ха! Вот и я не вижу! Поэтому и отмечаю, ведь ещё несколько часов назад на них висела вот такая... – развожу

руки в стороны, демонстрируя метровую длину, – лапша!

Подруга внимательно меня изучает, а потом, закрыв рот ладонью, начинает хихикать.

– Тебе ещё и смешно? – кидаю в неё подушку, но промахиваюсь. Мой прицел немного сбился после трёх бокалов полусладкого. – Что за сговор за моей спиной?

– Неприятно, да? – подруга садится рядом со мной, и кладёт свою голову на моё плечо. – Я всё ждала, когда дождусь от тебя правды, а в итоге мне всё рассказал посторонний человек. Неужели ты совсем мне не доверяешь?

– В каком смысле всё рассказал? Когда? – от резкого взмаха рукой из бокала выплёскиваются остатки вина. Чистюля Джилл брезгливо морщится при виде красного пятна, расползающегося на обивке дивана.

– Когда ты усиленно делала отпечаток своего лица в подушке, не замечая ничего вокруг. Макс рассказал мне про твою фиктивную учёбу и попросил присмотреть за тобой.

– Как мило с его стороны, – грустно ухмыляюсь. – И почему ты не присматривала за мной? Ты же бросила меня! – слегка щипаю её за ляжку.

– Это тебе так кажется, – бросает на меня многозначительный взгляд. – И не смотри на меня, как на врага! – цокает, закатывая глаза в моей манере. – Он попросил сделать так, чтобы ты не ходила в универ какое-то время.

– Вот зараза!

– Помнишь, как ты торчала дома почти месяц, когда умер

твой Кот?

Кот – это кличка моего любимого кота. Он выпал из окна, когда мне было двенадцать, и тогда мне казалось это самой страшной потерей. Я совсем не выходила из своей комнаты, целыми днями занимаясь самобичеванием, ведь эта трагедия произошла из-за моего недосмотра. Мама даже психолога вызывала, испугавшись за моё состояние. Что поделать, если я не приемлю полумер. Если любить кого-то, то до кончиков ногтей, если ненавидеть, то до кончиков волос. Чужих, конечно.

– И-и? – меня настораживает то, к чему ведёт наш разговор.

– Лили, я тебя знаю, как облупленную. Я поняла, что ты депрессуешь из-за него, и решила не вмешиваться. Иначе мы с тобой ушли бы в разгул, как после Джейсона, в тебе проснулась бы жажда мести, а там и до пистолета недалеко, — Джилл слегка улыбается и, взглядываясь в мои глаза, мягко касается моей руки в утешающем жесте. Обычно так обращаются с пациентами в смирительных рубашках, опасаясь малейшим неправильным действием вызвать у них приступ неконтролируемой агрессии.

Не говоря ни слова, тянусь к бутылке с вином и обновляю свой бокал. Мне нужно срочно запить ту горечь, которая начинает заполнять все мои внутренности.

– Лили, скажи что-нибудь, – Джилл косится на мой бокал, а я смотрю на неё в упор, пытаюсь понять, есть ли рядом со

мною хотя бы один человек, который в меня верит.

– Мне нечего добавить, Джилл. Вы за меня всё решили. Зачем тебе моё мнение?

– Ты как обычно всё переворачиваешь! Как тебя Макс терпит вообще? – она рывком встаёт с дивана и, выудив из своей сумки какой-то спрей, принимается за выведение винного пятна, даже не подозревая, что задела меня за живое.

– А он и не терпит. Ему плевать. Всё, что ему нужно, так это избавиться от меня, чтобы я не путалась у него под ногами и дала спокойно заняться расследованием.

Джилл перестаёт шоркать салфеткой и присаживается на спинку дивана. Несколько секунд она таращится на меня, укоризненно качая головой.

– М-да... Если у меня и были сомнения, то теперь они точно отпали.

– Сомнения в моей правоте?

– Сомнения в том, что он по уши в тебя втрескался! Твой дурной характер сможет выдержать только тот, кто тебя любит, уж не сомневайся.

Я даже вином давлюсь от её уверенного заявления.

– Я не поняла, ты на его стороне или моей? Мы провели с ним ночь, Джилл! И знаешь что?

– Что? – она хитро улыбается.

– А ничего! – развожу руками. – Поматросил и бросил!

– И как оно? Тебе понравилось? – Джилл расплывается в широкой улыбке, не обратив никакого внимания на мои

последние слова.

– Джилл, это всё, что ты услышала?

– Лили, я не знаю, что там у вас происходит с этим вашим Дьяволом...

– Демоном, – поправляю.

– Да хоть Мефистофелем! Ты не видишь ничего дальше своего прекрасного носа! Уж не знаю, чего Макс добивается. Может, время потянуть хочет. Но ему на тебя не плевать. Сама подумай. Чего ради за тебя впрягаться, если ему всё равно! Он боится за тебя, дуручка!

– Он мог бы мне просто сказать об этом! Вместо этого он унизил меня перед посторонними.

– Просто сказать? С тобой не выходит «просто»! Вот сейчас я объясняю тебе простые истины, а ты продолжаешь показывать свою твердолобость! Я даже рада, что в твоей жизни появился человек, готовый взять всё в свои руки. Жаль, что ты этого не хочешь видеть.

– Ладно, допустим, он заботится обо мне. Что ему мешает быть со мной прямо сейчас?

– А вот это лучше спросить у него, Лили. Но, знаешь, я уверена, что на это есть веские причины. Поверь, отбоя от девок у него точно нет. В клубе к нему Салли клеилась, кстати.

Моё лицо в один миг начинает полыхать пожаром. Салли – эффектная брюнетка с порнушной внешностью. Не раз была свидетелем того, с каким желанием на неё глазеют муж-

чины.

– А он что?

– Видела бы ты себя сейчас! – засмеявшись, Джилл снова садится рядом со мной и крепко прижимает к себе. – Выдохни. Он сказал, что предпочитает блондинок.

Я обнимаю подругу в ответ, чувствуя, как где-то под рёбрами разливается необъяснимое умиротворение, а ещё надежда. Надежда на то, что это ещё не конец. Может быть, и правда всему этому есть другое объяснение? Только какое?

– Как-то странно он на тебя поглядывает, – замечает Глория, кивая в сторону соседнего столика, за которым сидит Тайлер со своими друзьями.

Поворачиваю голову в его направлении, и наши взгляды пересекаются. Парень флиртуяще подмигивает, видимо, не оставляя надежды на то, что я приму его предложение. Когда я вчера пошла на попятную, сказав, что передумала, на его лице отразилось явное разочарование, что только подтвердило слова Макса. Моя наивность всё-таки не знает границ.

После разговора с Джилл я приняла решение больше не связываться в такие рискованные затеи. Эта бессонная ночь заставила меня о многом задуматься, в том числе и о своём будущем. Я снова и снова перебирала в своей голове всевозможные варианты и сценарии своей жизни, и пришла к удивительному открытию. Ни в одном из них я не вижу себя сотрудником следственного управления. С моей везуче-

стью моя жизнь закончится раньше, чем я раскрою первое преступление.

– Лили? – Глория щёлкает пальцами перед моим лицом, прерывая хаос в моей голове.

– М?

– Ты какая-то рассеянная. С тобой всё нормально?

– Не обращай внимания. Просто задумалась, – отстранённо ковыряюсь вилкой в салате, так и не притронувшись к нему.

– Как дела с машиной, кстати?

– Как раз сегодня отрываю от сердца своего светлячка, – грустно улыбаюсь, потому что это моя первая машина, и в какой-то степени жалко с ней расставаться. Ну да ладно, куплю новую. Когда-нибудь. – Покупатель наконец-то уладил формальности с банком.

– Хочешь, с тобой поеду? – участливо спрашивает Глория.

Всё же я нисколько не жалею о своей роли в этом спецзадании. Оно подарило мне новых замечательных друзей.

– В такую погоду? Даже не думай. Я вызову такси.

– Может лучше на метро? Там льёт, как из ведра. Мне кажется, таксистов сейчас не дождёшься.

– Глория, перестань. Мы живём в огромном мегаполисе, а не в глухомани. Это их работа.

Уже через два часа после этого разговора я начинаю осознавать, насколько мои личные убеждения могут расходиться с реальностью. Уже битые сорок минут пытаюсь вызвать

такси, и всё тщетно. В приложении стоит пометка молния, сигнализирующая об удручающей дорожной обстановке. Повсюду пробки из-за непогоды. Даже если и есть свободные машины, водители отказываются куда-либо выезжать в ущерб себе. Вот же гадство! Снова переносить встречу с покупателем? От нервов начинаю перетаптываться на месте, вызывая сочувствующую улыбку на лице охранника Эндрю, у которого я, наверное, как бельмо на глазу, мешающее обзрывать входящих и выходящих людей. Что ж, придётся добираться на метро.

Выхожу на крыльцо и прикидываю, каким путём лучше бежать, чтобы обойтись наименьшими потерями, ведь зонт я с собой сегодня не взяла. Закон подлости – это, можно сказать, моё кредо по жизни. Хорошо, что я хотя бы додумалась надеть кроссовки и джинсы, а не туфли с узкой юбкой. Прикрыв голову сумкой, пускаюсь в сторону ближайшей станции, и уже через минуту я промокаю настолько, что с каждым шагом из моих кроссовок выстреливают целые фонтаны воды. Дождь льёт сплошной стеной, усиливая свой эффект порывистым ветром. Мокрые слипшиеся волосы хлещут по лицу, будто призывая меня одуматься и вернуться назад в тёплое помещение. Продолжаю терпеливо преодолевать лужи, но в тот момент, когда из-под колёс проезжающего мимо грузовика на меня обрушивается водопад Анхель²⁶, я резко торможу. Прохожусь взглядом по своему телу и обречённо

²⁶ Анхель – самый высокий водопад в мире (Венесуэла).

убираю сумку со своей головы. Прикрываться ей – всё равно, что носить воду в сите. Так же бесполезно. Ныряю в неё рукой и, не доставая оттуда смартфон, чтобы не намочить, печатаю покупателю сообщение о том, что встречу придётся перенести.

Обняв себя за плечи, продолжаю неспешно идти до пункта назначения. Что толку торопиться? Мокрее я уже точно не буду.

– Лили, давай скорее в машину! – родной голос прорывается до моего слуха сквозь шум дождя.

Прежняя я гордо шествовала бы дальше, сделав вид, что не заметила своего спасителя, но нынешняя я не видит никакого смысла отпираться и строить из себя неприступную фифу, особенно в таких условиях. Хлюпающей походкой, едва сдерживая улыбку, иду к тачке Макса, остановившейся возле меня. Забираюсь в салон и только в его тепле начинаю понимать, насколько я озябла. Мелкая дрожь охватывает всё моё тело. Или флюиды водителя так на меня действуют?

– Снимай обувь, живо, – Макс отдаёт жёсткий приказ, врубая подогрев сиденья и ног. – А желательно вообще всю одежду.

Изумлённо таращусь на него, пытаюсь понять, насколько серьёзен его тон. Он напряжённо на меня смотрит, по-видимому, ожидая исполнения требования.

– Всю?

Кроу всё же не удерживается и обводит взглядом мою фи-

гуру, задерживаясь на прилипшей к телу блузке. Уголок его губ слегка дёргается, и он отводит глаза.

– Если не хочешь заболеть, то всю, – прочищает охрипшее горло и заводит двигатель. – На заднем сиденье сумка с моей одеждой, надень сухую футболку.

Ухмыльнувшись, начинаю расстёгивать свою блузку, наблюдая за Максом. Он упрямо смотрит вперёд, даже не пользуясь зеркалами, чтобы я, не дай, Боже, не подумала о том, что он подглядывает за мной. Интересно, надолго ли хватит его выдержки? Где тот предел, после которого я снова смогу достать наружу того мужчину с любящим взглядом?

При выезде на главную дорогу мы встаём в пробку. За окном бушует ливень такой силы, что дворники не справляются, позволяя струям воды змейками сползать по лобовому стеклу. Боковые окна уже запотели от включённого обогрева. *Или от моего участвовавшего дыхания.*

Макс прибавляет музыку и, оперев локоть в стекло со своей стороны, начинает забавно постукивать указательным пальцем по своему носу. Я, напротив, откровенно плююсь на него, впитывая в себя каждую его родинку, каждую венку, увивающую его сильные руки. Мне всегда нравилось его крепкое телосложение. Этот красавец никогда не был протеиновым качком с перекачивающимися мускулами. В нём всё в меру. Своим рельефом и мужской красотой он обязан, в первую очередь, многочасовым тренировкам и упорной работе над собой.

После блузки в ход идут джинсы. Отрываю свою задницу от сиденья, чтобы стянуть их, и периферийным зрением замечаю, как его палец замирает. Мне кажется, даже его грудь перестаёт подниматься и опускаться. Он задержал дыхание? Эта игра мне начинает нравиться. Сама не понимаю, чего я добиваюсь, но это ведь он попросил меня раздеться, правильно? Оставшись в одном лифчике и трусиках, поворачиваюсь назад, чтобы дотянуться до спортивной сумки. Несмотря на то, что моя рука вполне достаёт до молнии, делаю вид, что это не так. Встаю на своё кресло коленями и лезу назад, упираясь руками в заднее сиденье. Благодаря этой позе моя пятая точка оказывается на одном уровне с плечом Макса. Схватив сумку, резко подаюсь обратно и с удовольствием подмечаю, что в этот же момент его голова дёргается в сторону. Поздно. Он пойман с поличным. Я успела заметить, *куда* он глазел.

Надеваю на себя его футболку, укутываясь в свежий аромат кондиционера с тонким шлейфом его туалетной воды, и поджимаю босые ноги под себя.

– Выключи, пожалуйста, подогрев, а то я сейчас сгорю, – *во всех смыслах этого слова.*

Макс послушно выполняет мою просьбу, случайно (или специально?) задевая рукой моё бедро, отчего кожу в этом месте начинает припекать.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

И снова это тягостное молчание. Не могу думать ни о чём, кроме тишины, которая затмевает даже музыку из динамиков. Мне так много хочется узнать, но своими вопросами я теперь боюсь выставить себя в глупом свете.

– Как дела?

– Как дела?

Мы спрашиваем друг друга одновременно, и спустя пару секунд оба прыскаем от неловкого смеха.

– У меня всё в порядке, – решаю ответить первая. – Думаю, как мне быть дальше с учёбой и работой.

– А что с ней? – Макс, наконец, поворачивает голову ко мне, мельком бросая взгляд на мои обнажённые ноги.

– Я всё равно не принимаю никакого участия в расследовании. Зачем это всё?

– Лили, – он упирается затылком в подголовник и прикрывает глаза, как от усталости, – я сам не думал, что дело примет такой оборот, понимаешь?

– Какой такой?

Он открывает глаза и, глядя в потолок перед собой, продолжает:

– Думаю, у Демона есть сообщник. И он – явно изощёрённый псих, которому нравится водить полицию по ложному следу.

– Тайлер? – выдвигаю предположение.

Макс насмешливо фыркает.

– Этот кретин – последняя спица в колеснице. Владелец

эскорт-агентства просто отстёгивает ему процент за то, что тот находит ему потенциальных работниц. Он ни к чему не принуждал девушек.

– А владелец что? Его проверяли?

– Его вызывали на допрос, – презрительно кривит рот. – Он заявил, что у него приличное заведение, а что там делают его «модели» помимо контрактных условий – не его дело. В общем, со дня на день ждём ордер на обыск, чтобы проверить всех клиентов.

– Почему ты думаешь, что мне угрожает опасность? – плавно возвращаюсь к началу разговора.

– Я не хочу испытывать судьбу, понятно? – снова обращает на меня свой свинцовый взгляд. – Прости за то, что наорал на тебя тогда.

– Ты про волейбол или про вчерашний вечер?

– Тогда дважды прости, – опускает глаза на мои пересохшие губы, которые я начинаю облизывать от волнения. – Так было нужно, – добавляет уже тише.

Только хочу спросить, кому так было нужно, как начинает звонить мой телефон. Мелисса.

– Алло.

– Лили, милая! Выручай меня! Пожалуйста-пожалуйста. Умоляю! – безостановочно тараторит подруга с паникой в голосе.

– Что случилось? – выпрямляюсь на сиденье, готовясь к худшему.

– В нашем пентхаусе настоящий всемирный потоп! Крис, как всегда, не дома. Я жду рабочих, а детей забрать из сада совершенно некому!

– Да, без проблем. Их когда нужно забрать?

– Десять минут назад, – я слышу на фоне какой-то всплеск и последующий вскрик Мелиссы. – Я предупрежу Фредди, что ты их заберёшь. Спасибо огромное, Лили!

Фредди – это кличка воспитателя, которая приклеилась к ней благодаря фамилии.

– Мел, я в пробке длиной с анаконду. Скажи ей, что я задержусь. Мы ползём со скоростью ленивца.

– Да, конечно. За дополнительную плату она, наверное, и ночевать бы их там оставила, но они разнесут всё здание, ты же знаешь.

Хихикаю, представив эту картину. Эти двое держат в страхе весь детский сад. Будущие гангстеры, ей Богу.

– Лили, и ещё кое-что. Будет совсем нагло, если я попрошу забрать их к себе? Здесь льёт со всех щелей.

– Запросто!

– Я – твой должник, дорогуля!

– Да не вопрос. Будешь потом с моими детьми сидеть, – ляпаю, не подумав.

Отклоняю вызов и смотрю на Макса, внимательно изучающего моё лицо. Мел так орала, что наверняка ему был слышен весь разговор.

– Какой адрес? – спрашивает, спокойно включая навига-

тор на приборной панели.

Разве можно любить его ещё сильнее? Он без лишних вопросов вбивает нужное место, даже не догадываясь, на что подписывается.

ГЛАВА 24 ЦВЕТЫ ЖИЗНИ

Спустя почти час забегаем с Максом в детский сад. Зная, что детей двое, он вызвался помочь, как доблестный рыцарь. Воспитательница с говорящей фамилией Крюгер уже ждёт нас с побагровевшим лицом и слегка взлохмаченной причёской. Мы с ней видимся не впервые. Я несколько раз приезжала за мальчишками вместе с Мелиссой. Жаль не могу сфотографировать её вытянувшееся лицо при виде моего одеяния. Я же ещё шорты Кроу надела, затянув их ремнём, вытащенным из его джинсов, и кроссовки, едва не слетевшие с меня во время бега от парковки до входа.

– Наконец-то! – она скрещивает руки, выражая недовольство нашим опозданием. Несмотря на свою внешнюю строгость она нравится мне как воспитатель. Кого-то напоминает, только не могу понять, кого.

– Здравствуйте, миссис Крюгер! Как там наши сорванцы?

– Бобби ударил Джейсона кулаком в глаз, а так всё сносно. Джейсона? Я не ослышалась? Кем бы ни был этот пацан, удар был явно заслуженным.

– А за что?

– Пусть сам расскажет, – смущённо улыбнувшись, женщина скрывается за дверьми игровой комнаты и зычным голосом оповещает братьев о том, что за ними пришли.

Макс в это время с интересом разглядывает полку с пла-

стилиновыми фигурками, вылепленными неумелыми ручками малышни.

– Лилиии! – дверь с грохотом ударяется о стену, и на меня с воплями радости бросаются Бобби с Робертом.

Мало кто их может отличить друг от друга, но для меня они абсолютно разные. Невзирая на то, что им почти по четыре, у них уже есть собственные ярко выраженные черты. Бобби – бунтарь, вечно стремящийся куда-то залезть, что-то сломать или разобрать. Его всегда можно узнать по хитрому взгляду, говорящему о том, что в его голове вертится какая-то опасная затея. А ещё, он то и дело норовит шлёпнуть меня по заднице, видимо, копируя своих горе-родителей. Он даже флиртующе подмигивать умеет, представляете? А Роберт – серьёзный ребёнок. Он постоянно заступает за девочек, которых кошмарит его брат-акробат. Он умеет говорить комплименты и всегда делится сладостями. В отличие от Бобби его взгляд выражает вдумчивость и здравомыслие. Но несмотря ни на что, он всегда на стороне своего брата. Даже сейчас они выбежали, держась за руки.

Вдоволь натискавшись с ребятами, отстраняюсь от них и с напускной суровостью спрашиваю Бобби:

– Кто это у нас сегодня кулаками махал?

Мальчуган хмурит свои светлые бровки и не долго думая начинает оправдываться:

– Этот дулак сказал, сто мы с Лобелтом одноййцевые близнецы! Я ему влезал и показал, сто у меня их два!

– Чего два?

– Яйца, конесно! Чего зе есё?

За моей спиной раздаётся взрыв хохота. Я сама закусываю губы изнутри, так как знаю, что Бобби терпеть не может, когда над ним смеются, но щёки уже сами по себе начинают надуваться от сдерживания неуправляемого смеха.

– Ты забыл добавить, что делал это при всех, – вставляет миссис Крюгер свои пять центов.

Бобби начинает сопеть, раздувая свои маленькие ноздри, но не от реплики воспитателя, а от того, что заметил Макса, стоящего за моей спиной. Своим гоготом он привлёк его внимание. Роберт же в это время невозмутимо переодевается в уличную одежду.

– Кто это? Твой жених?

У меня слова застревают в горле от внезапно образовавшегося кома, препятствующего вдоху и выдоху. Кем его представить? Другом? Боссом? Мой спутник выручает меня:

– Привет, дружище, я – Макс, – присев на корточки, он с дружелюбной улыбкой на лице протягивает ему руку. – Мне нравится твой подход к делу. Я бы поступил так же, – и подмигивает.

Естественно, увидев соратника в лице взрослого мужчины, Бобби в одночасье воодушевляется и вкладывает свою ручонку в его ладонь. Миссис Крюгер глубоко вздыхает, недовольная тем, что мы поощряем рукоприкладство и эксгибиционизм. Нет уж, пусть воспитанием занимаются роди-

тели.

Пока дети переодеваются, отхожу к полке с поделками, не переставая думать о том, что Кроу проигнорировал вопрос ребёнка. С другой стороны, лучше так, чем услышать ответ: «Нет». Или ещё хуже: «Конечно, нет». Пока рассматриваю странное существо, похожее на броненосца, за мной бесшумно встаёт Макс. Мне не нужно было слышать его шаги, чтобы догадаться о его приближении. Я почувствовала его обжигающее дыхание на своём затылке. По спине сверху вниз волнующей дорожкой пробегает озноб. Пока я запрещаю своему разуму не реагировать на его присутствие, моё тело живёт собственной жизнью.

– Есть идеи, кто это? – спрашивает вполголоса, случайно задевая губами моё ухо.

– Хм, сверху нечто похожее на чешую. Я бы сказала, броненосец, но лебединая шея сбивает с толку, – непринуждённо отвечаю на вопрос, никак не показывая свои истинные эмоции.

– Это голубь.

Я оборачиваюсь и упираюсь взглядом в его губы. Они так близко. До одури хочется снова ощутить их на себе. Почему у нас всё так... неопределённо?

– У него четыре ноги, Макс, – хмурю брови, по которым он шустро проводит своим большим пальцем, как бы разглаживая. Зачем он мучает меня?

– А надпись на стенде видела?

Отворачиваюсь от него и поднимаю взгляд наверх, чтобы только убедиться в его словах. Надпись гласит: «Лепим голубь мира». Прикрываю рот ладонью, чтобы приглушить своё хихиканье. И снова смотрю на монстра в своих руках. Боже, дети – это чудо природы какое-то.

– Понлавилось? Я лепил! – я догадалась, что лепил Роберт, потому что все поделки подписаны. Именно поэтому мой взгляд и зацепился за это пластилиновое создание.

– Это просто...вау, Роберт! У меня нет слов! – склоняюсь к гордому мальчишке, чтобы задать мучающий меня вопрос: – А почему у него четыре ноги?

– Стобы мог стоять! – даёт вполне разумный ответ, от которого у меня губы сами собой растягиваются от умиления.

Когда-нибудь у меня будет такой же смышлённый малыш.

– Тебе не кажется странным, что их зовут одинаково? – спрашивает Макс, понизив голос, пока дети резвятся на бабуге.

Да, этот непредсказуемый мужчина привёз нас в развлекательный центр угостить мороженым. В итоге мы находимся здесь уже больше двух часов, давая мальчишкам возможность вдоволь наиграться, чтобы они потом уснули мертвецким сном. А самое удивительное, к ним периодически присоединялся Макс, подменяя меня, потому что мне было стыдно вылезать из-за стола в своём прикиде. Мы заняли столик неподалёку, чтобы не выпускать ребят из своего поля

зрения.

– Я задавала Мел этот вопрос. Она убеждена, что Бобби – это Бобби, а Роберт – это Роберт. Ей глубоко плевать, если кто-то называет своих Робертов уменьшительно-ласкательным «Бобби».

– Забавная семейка. Я это понял ещё после того случая в «Komodo», – его губы изгибаются в весёлой усмешке.

– Это ты ещё не знаешь историю нашего знакомства, – хмыкаю.

Макс вопросительно приподнимает бровь, и я продолжаю:

– Когда я подрабатывала спасателем на пляже, ко мне подошла девушка и попросила присмотреть за её сыном, так как ей срочно нужно было отойти в туалет. Конечно, я согласилась. Особенно после слов мальчика о том, какая я «красивая».

– Это был Роберт? – догадывается Макс, улыбка которого становится всё шире по мере моего рассказа.

– Он самый, – немного расслабляюсь от чудных воспоминаний, а то последние полчаса я чувствую себя пленницей, привязанной к столбу: сижу так же прямо, и грудь будто перетянули верёвкой. Ноет нестерпимо.

– И вот, представь картину: он делает из меня песочную русалку, засыпая песком с головы до ног, и в какой-то момент я понимаю, что не чувствую на себе его ладошек. Вскрываю от ужаса, потому что его рядом нет. Это же какие-то секунды! Я в панике начинаю высматривать его среди голо-

пузов и нахожу, знаешь где?

– Я уже боюсь, – Макс улыбается во весь рот, готовый к продолжению.

– В океане! Конечно, там было мне по щиколотку, но это всё равно ни капли не смягчало весь масштаб ужаса, который мог произойти. Но даже это не самое страшное. – Отпиваю свой чай с лимоном и непроизвольно передёргиваю плечами от кислого вкуса. Не люблю чай, но мой визави настоял. Согреться мне нужно, видите-ли. *Меня согрела бы твоя любовь, дурак.*

– Давай уже, не томи, – усмехается, бросая на меня секси-взгляд исподлобья. Хотя сейчас все его взгляды мне кажутся сексуальными.

– Я схватила его и, несмотря на бурные протесты и вопли, понеслась обратно к спасательной вышке. А там...

– Мелисса с Робертом, – заканчивает за меня сообразительный Макс.

– Да! А я – с Бобби. Он всё это время резвился в воде со своей бабушкой. И я похитила его из-под её носа, – качаю головой, осуждая саму себя. – У неё сердце больное, а тут я: спасатель Малибу!

– А где Мел нашла Роберта?

– Так он сам к ней пошёл, когда увидел её, и сразу залез на руки. Она, наверное, отвернулась в этот момент. Сама не знаю, как я могла его не заметить. Но она своими глазами видела всю «спасательную операцию», потому что давилась

от смеха, когда я подбежала к ней с её вторым сыном.

– Лили, ты – нечто! – Макс не на шутку развеселился, прикрывая глаза ладонью.

Я тоже улыбаюсь, но, по большей части, чтобы спрятать своё уныние. Мне всё сложнее строить из себя мисс Невозмутимость и делать вид, что я не уязвлена его отношением ко мне. Мои мысли всё время убегают к разговору с Джилл, и я пытаюсь отыскать в каждом его взгляде, каждом движении, каждом прикосновении хотя бы малейший намёк на то, что она права в своих предположениях. Недосказанность между нами витает в воздухе тягучим туманом, отделяющим нас друг от друга, не дающим как следует рассмотреть. Мы словно стоим по разные стороны непроглядной пропасти, соединённой шатким висячим мостом. И никто из нас не решает ступить на него, боясь обрушения.

Вроде бы сидим болтаем, как старые-добрые приятели, создавая иллюзию штиля, а внутри бушует ураган высшей категории. Его взгляды украдкой, когда он думает, что я увлечена разглядыванием обстановки, будто случайное касание руки лишь усугубляют мои мысленные метания. Интересно, он прикидывается так же, как и я? Со мной всё понятно, а он-то зачем это делает?

– Значит, с тех пор вы подружились? – голос Макса врывается в мои сумбурные думы.

– Не совсем. После этого они стали появляться на пляже практически ежедневно. Близнецы постоянно тусовались ря-

дом со мной, чем была безумно довольна Мел. Она спокойно загорала на шезлонге, пока мы с детьми запускали фрисби. Думаю, будь её воля, она с удовольствием поселила бы меня с ними.

Конечно, я шучу. Просто Мелисса устала от материнских будней, а мне нравилось проводить время с мальчуганами. Даже моя спасательная команда закрывала глаза на то, что я периодически отлынивала от своих прямых обязанностей.

– Из тебя выйдет отличная мать, – произносит Макс, отводя взгляд в сторону детей.

Наш разговор сворачивает на запретную для меня дорогу и только берedit заживающие раны, но мой рот сам против воли спрашивает:

– А ты никогда не думал о том, каким мог стать отцом?

– Думал, – слегка кивает, возвращая ко мне свой потемневший взгляд. – Но я не хочу, чтобы мой ребёнок видел отца только на фотографиях и по праздникам.

– Работа на первом месте? – иронично усмехаюсь.

– Лили, я сделал свой выбор и не вижу себя в другом.

– Ясно, – с преувеличенным интересом пялюсь в пустую чашку, как будто в ней транслируют интереснейший фильм.

– Что тебе ясно? – Макс немного подаётся ко мне, укладывая локти на стол.

– Что ребёнок был бы для тебя помехой.

– Нет, Лили. Дело не в каком-то гипотетическом ребёнке, а во мне. Либо быть хорошим отцом, либо никаким, – уве-

ренность в его тоне говорит о том, что он размышлял на эту тему не раз и не два.

Поэтому он решил обрубить нашу связь на корню? Считает, что у нас слишком разные взгляды на жизнь? Задаю этот безмолвный вопрос, глядя в его серые глаза, обрамлённые тёмными ресницами. Он тоже продолжает безотрывно смотреть на меня, будто отвечая. И судя по его следующим словам, думаем мы об одном и том же.

– Лили, я не хочу, чтобы ты делала неверные выводы. Всё, что между нами было, это...

– Макс, не надо, избавь меня от объяснений. Мы отлично развлеклись. Как ты там говорил? Мы – взрослые люди, – хочу его опередить, чтобы не чувствовать себя продинамленной.

– Развлеклись?! – довольно громко восклицает Кроу, чем привлекает внимание посетителей с соседних столиков. – Для меня это не было развлечением, – произносит уже чуть тише, задумчиво потирая брови.

– Выглядит всё именно так.

– Не знаю, что ты там себе напридумывала, Лили. Просто... – он складывает ладони домиком, упирая их в переносицу, и вздыхает. Впервые вижу его таким обезоруженным. Словно он дико от всего устал.

Молча взираю на него, предоставляя возможность закончить начатое. Я же так хотела ответов на все свои «Почему?», и вот они – только руку протяни, но отчего-то я не готова их

слушать. Это будет означать конец моим надеждам.

– Просто ты сама не захочешь быть со мной, когда узнаешь ближе, – снова упирается в меня взглядом, ожидая реакции.

– Прекрасно. Ты и здесь решаешь за меня.

– Пойми, Лили, так будет лучше для нас обоих.

– Да, я понимаю. Я ведь уже сказала: всё о'кей. Не заморачивайся, Макс.

Он хмурит свои красивые брови, скорее всего, не ожидая от меня такого быстрого согласия. А что он хотел? Чтобы я кинулась ему в ноги, умоляя не прекращать наши отношения? Да и назвать отношениями секс на одну ночь можно лишь с натяжкой.

Почему же меня не покидает это давящее чувство под рёбрами? Почему я не могу так просто забыть и продолжать жить, как раньше? Почему?

Домой я попадаю ближе к десяти вечера. Планы изменились, и нам пришлось взять детей к маме Мелиссы, которая решила пожить там несколько дней, пока в их квартире устраняют последствия потопа.

С Максом мы больше толком и не говорили, постоянно отвлекаясь на болтовню мальчишек, чему я была несказанно рада. О чём ещё беседовать с мужчиной, который ясно дал понять, что я для него ничего не значащий фрагмент жизни, который можно легко отрезать и выбросить?

Стоя в душе под тёплыми струями воды, молюсь о том, чтобы они смыли вместе с собой мою глупую безответную любовь. Голова трещит от бесконечного потока мыслей, от множества вопросов, на которые у меня уже нет желания искать ответы. Моё будущее теперь кажется лишённым яркости. Я не вижу никакой определённости в своей профессии, в выбранном пути. А самое ужасное: я теряю ориентиры. Какой бес в меня вселился, когда я решила поступать в полицейскую академию? А главное, что мне теперь делать со всем этим? И как перестать чувствовать себя пустым местом?

ГЛАВА 25 ДАВАЙ БОЛЕТЬ ВМЕСТЕ

Просыпаюсь от ужасной ломоты во всем теле. Мышцы и суставы скручивает так, как будто накануне я участвовала в соревнованиях по пауэрлифтингу. В супертяжёлом весе. Видно, вчерашний ливень не прошёл даром. Головокружение и слабость не прибавляют оптимизма. Кое-как заставляю себя встать с постели, которая сейчас кажется пуховой периной, худо-бедно приносящей облегчение. Не помню, каково это – болеть. Совсем. На радость родителям я была крепким ребёнком.

Когда мои стопы касаются пола, бесконечные мурашки одним махом покрывают моё тело. Ламинатное покрытие кажется ледяным. Прикасаюсь ко лбу, и понимаю, что у меня жар. Сомневаюсь, что в квартире есть градусник, но всё равно отправляюсь на поиски, ёжась от озноба. Зубы клацают так, что ещё чуть-чуть, и я сотру их до основания. Обнаруживаю себя у открытого холодильника и не понимаю, какого чёрта я тут делаю. В голове туман, только усиливающий мою дезориентацию. Ах, да. Градусник.

В шкафчике нахожу аптечку Джилл, забитую какими-то витаминами, бинтами и пластырями. Ни одной жаропонижающей таблетки. И Джилл, как на зло, сегодня осталась но-

чевать у сотрудницы, отмечающей накануне день рождения. Что делать? Лечь обратно и подождать её возвращения или отправиться в аптеку самой?

Насыпаю корм Бинго и возвращаюсь в спальню, с грустью поглядывая на кровать, которая почему-то плывёт перед глазами. Меня начинает мутить. С большим трудом натягиваю на себя первые попавшиеся вещи и плетусь к двери, шаркая ногами, как старушка с радикулитом. Открываю дверь и до меня доходит, что я не взяла деньги и ключи. Что со мной? Я умираю? Мне не было так плохо даже при отёке Квинке. Тогда я хотя бы сразу отрубилась.

Хватаю сумочку с вешалки и тут же её роняю, вздрогнув от оглушающего звука рингтона. Наклоняюсь за телефоном и дрожащими руками не глядя смахиваю экран.

– Да? – из меня выходит какое-то сиплое карканье.

В ответ тишина. Всматриваюсь в дисплей, проверяя, приняла ли я вызов, и вижу большую букву «М».

– Лили?

– Что? – мой голос сипит, надо срочно попить воды.

– У тебя всё в порядке? Ты не пришла на учёбу.

В ужасе смотрю на часы и понимаю, что уже почти полдень. Как это возможно?

– Я... Вроде бы в норме.

– Вроде бы? У тебя голос, как у прокуренного мужика. Я даже не сразу понял, что трубку взяла ты.

– Спасибо на добром слове, – возвращаюсь на кухню и

наливаю стакан воды, осушая его в два счёта.

– Ты заболела?

– Нет, всё замечательно. Не беспокойся обо мне, – через силу шевелю языком, удивляясь, как я смогла воспроизвести столько слов. В горле адская смесь мелких стекляшек.

– Зачем ты мне врёшь?

– Ой, не суди по себе, – наклоняюсь, чтобы зашнуровать кеды, и внезапно пол начинает расплываться. Картинка смазывается, как при помехах в телевещании. Уши закладывает, отдаляя от меня голос Макса. Он что-то спрашивает, но никак не могу разобрать, что именно, потому что его речь становится какой-то протяжной, напоминающей звук зажёванной плёнки от старой магнитофонной кассеты. Последнее, что я помню, это резкий прилив холода к голове, а потом изображение гаснет, погружая меня в темноту.

Эта тьма меня убаюкивает. Я покачиваюсь в ней, как на волнах ласкового моря. Наконец-то я могу расслабиться. Улыбаюсь, укладываясь на тёплое водное одеяло, и закрываю глаза с умиротворённой улыбкой на губах, потому что меня обволакивает чувство блаженства и защищённости. Не хочу их открывать, опасаясь, что всё это сразу исчезнет. Мне уютно и спокойно. Правда, в какой-то момент от монотонного раскачивания меня начинает подташнивать, но и тошнота быстро проходит, когда меня начинают обнимать сильные руки. Они гладят меня по голове, волосам. Чувствую что-то приятное и тёплое на своём лице. Только не могу понять

что. Глаза ведь у меня по-прежнему закрыты. Я тоже хочу протянуть к нему свои руки, чтобы потрогать, но внезапно понимаю, что не могу ими пошевелить. Наверное, я запуталась в водорослях, пока плавала. Даже во сне я умудряюсь попасть в какую-то западню.

Мысленно прошу обладателя этих рук освободить меня, забрать с собой, но вместо этого слышу что-то вроде: «Истеричка моя любимая». Голос. Такой до боли знакомый. Не хочу боли. Хочу и дальше нежиться в спокойствии. Цепляюсь за слово «любимая». Оно мне нравится. И действует на меня, как пароль для доступа к моему мозгу, потому что я начинаю приходить в себя и вспоминать. Веки продолжаю держать сомкнутыми, чтобы разобраться, какая часть сна мне не привиделась. Лба касается что-то мокрое и холодное. Оно скользит по моим вискам, щекам, шее, груди, то опускаясь, то поднимаясь. Эта прохлада начинает ощущаться, как прикосновение оголённого провода. По телу волной прокатывается дрожь, сменяющаяся покалыванием.

– Лили, открой глаза, – до меня, как сквозь вату, доносится голос Макса, полный тревоги. Он. Конечно, это был он. Кто же ещё.

Так хочется продлить это состояние умиротворения, но мои веки уже начинают подрагивать от напряжения. Ещё немного, и он догадается, что я уже несколько минут притворяюсь. Нехотя разлепляю глаза и тут же зажимаюсь от яркого солнечного света. От пульсации в голове из меня вы-

рывается произвольный стон. Хочу назад в свой прекрасный сон. Когда надо мной нависает тень, снова предпринимаю попытку выйти из сумрака и упираюсь в мрачную физиономию Кроу.

– Я в аду? – шепчу заплетающимся языком.

– С возвращением, – улыбается Макс. – Хорошо, что я был возле твоего дома, когда звонил.

Ого. Он переживал за меня? Может мне почаще падать в обмороки?

– Ты как? Встать сможешь? Надо ехать в больницу.

– Только не в больницу! – привстаю на локтях, чтобы быть убедительнее. – Я уже в порядке, Макс. Спасибо.

– В порядке? Ты только что валялась возле двери и бредила о каких-то водорослях и освобождении. А ещё у тебя высокая температура. Я немного её сбил, но всё равно тебе нужен осмотр врача. И лекарства, – он прикладывает ладонь к моему лбу и осуждающе качает головой.

Бросаю взгляд на свою практически обнажённую грудь и в удивлении приподнимаю бровь. Моя пижамная рубашка с розовыми сердечками, которую я, оказывается, надела для похода в аптеку, полностью расстёгнута. Соски заботливо прикрыты. И что, он правда не подсматривал? Даже одним глазком?

– Мне пришлось это сделать, чтобы обтереть тебя мокрым полотенцем, — оправдывается Макс, демонстрируя мне то самое полотенце.

Запахиваю на себе рубашку и плюхаюсь обратно на подушку, влажную от пота. Пусть лучше он уйдёт, чем будет созерцать меня в таком безобразном виде.

– Нет, врача не нужно. Если не сложно, просто купи мне какие-нибудь жаропонижающие.

Кроу сжимает свои губы до побеления, а потом молча принимается застёгивать на мне пуговицы. Рывками, со злостью даже. Дойдя до последней, встаёт с кровати и так же молча берёт меня на руки.

– Эй, ты обалдел? Опустим меня! – мой крик, больше похожий на змеиное шипение, на него не действует.

Макс широким шагом пересекает квартиру, ногой захлопывает дверь и устремляется к лестнице, не обращая ни малейшего внимания на мои жалкие постукивания кулачками. Если честно, я не сильно старалась, но было бы странно, если бы я не сопротивлялась. Ближе ко второму этажу я всё-таки обвиваю его шею руками, потому что висеть на нём безвольной тряпкой как-то некрасиво. Да и неудобно.

– Смирилась? – с ухмылкой спрашивает Макс.

– Я босиком, не хочу пачкать ноги.

Кроу хмыкает, явно не поверив.

– Нажми на кнопку, – кивает на дверь машины, как только мы выходим на улицу.

Ах, да. У него же руки заняты. Послушно выполняю его просьбу, и он усаживает меня на сиденье, как маленького ребёнка. Дыхание сбивается от его близости, особенно когда

он перегибается через меня, чтобы пристегнуть ремень.

– Чтобы не убежала, – поясняет Макс, оказываясь со мной лицом к лицу.

Ничего не отвечаю, потому что дико смущаюсь своего болезненного состояния. Я не смотрела на себя в зеркало, но вряд ли сейчас меня можно назвать красавицей. Боже мой, я даже зубы не почистила! На всякий случай сжимаю губы посильнее, пока он идёт к водительской двери.

Спустя час выходим из частной клиники с диагнозом «острый фарингит» и рецептом на необходимые медикаменты. Мой обморок был вызван сужением сосудов из-за резкого скачка температуры. В общем, жить буду.

На мне снова кроссовки Макса, в которых я выгляжу, как Маленький Мук из одноимённой сказки. Я уже не говорю про помятую пижаму и не менее помятый внешний вид. Господи, это всего лишь простуда, а Макс требовал пропустить меня без очереди, как будто я при смерти. С одной стороны смешно, а с другой... приятно.

Таблетка тайленола, выпитая прямо на парковке возле аптеки, начинает действовать, избавляя меня от головной боли. От размеренной езды по пустой дороге меня снова начинает клонить в сон, и, кажется, я всё-таки засыпаю, потому что меня будит звук открывающейся двери.

– Лили, мы приехали. Сама пойдёшь или взять на руки? – Макс заглядывает в салон, опираясь одной рукой на дверь, а

другой – на крышу машины.

Его ироничная улыбка меня настораживает. И, как оказалось, не зря. Оглядываюсь вокруг и понимаю, что мы находимся на подземном паркинге. А раз в моём доме такой роскоши нет, делаю вывод, что мы приехали к нему домой.

– Не поняла.

– Что тут непонятного? Ты хочешь заразить Джилл? Я её предупредил, что тебя надо изолировать от общества. Побудешь на карантине.

Они уже и с Джилл спелись.

– А сам заразиться не боишься, значит? – смотрю на него в смятении, изо всех сил отгоняя от себя прочь мысль о том, что эта забота вызвана его чувствами ко мне.

Ведь не может равнодушный человек вести себя так? На смену растерянности приходит злость на саму себя, потому что мой надеждометр снова начинает стремительно ползти вверх. Я только-только смирилась с тем, что у нас нет будущего, а он снова делает это. Мучает меня.

– Возможно, я *уже* болен, – улыбка сходит с его лица, и он продолжает пронизывать меня своими серыми омутами, – поэтому если уж болеть, то вместе. И потом, кто позаботится обо мне, если завтра с температурой слягу я?

– Так ты меня привёз к себе в качестве своей потенциальной сиделки? Извини, но на руках я тебя носить не буду.

Кроу усмехается и отходит от машины, уступая мне дорогу.

Поездка на лифте стала для меня тем ещё испытанием. От обилия зеркал казалось, что я окружена несколькими Максами. Пока настоящий Макс не отрывал от меня своих обнаглевших глаз, его отражения нервировали меня ещё больше. Я не знала, куда себя деть от неловкости. Куда бы я не направляла свой взгляд, я чувствовала на себе его, прошивающий меня насквозь. Что ему надо, Боже? И почему я так безропотно согласилась остаться у него? Где я буду спать? Что буду делать у него? И почему я не задала себе все эти вопросы, сидя в машине? Горький опыт ничему меня не учит.

Пока Макс швыряется на кухне, гремя посудой, я стою у панорамного окна, восхищаясь открывшимся видом. Внизу стройным рядом выстроились десятки белых яхт, с нетерпением ожидающих своего выхода в океан. Несмотря на ослепительное солнце сегодня штормит. Гребни волн, опрокидывающихся на пристань, видны даже отсюда. Океан красив всегда, и, чтобы его любили, ему достаточно просто быть. Им любят при штиле, им восторгаются при разбушевавшейся стихии. И ему не нужно превращаться в спокойное озеро, лишь бы уступить мореплавателям, уставшим от непогоды.

Дерево тоже не спрашивает у опавших листьев, не желают ли они прирасти к нему снова. Оно просто выпускает новые.

Кажется, болезнь на меня плохо влияет: я уже мечтаю стать океаном или деревом, знающим себе цену.

– Тебе лучше? – если бы Макс знал о моих рассуждениях, то точно не задавал бы этот вопрос. Он встаёт рядом,

прислоняясь плечом к окну. В его руках спрей для горла и кружка с каким-то дымящимся напитком.

– Да. Всё хорошо. Спасибо, – забираю кружку и делаю глоток чая. Травяного, судя по вкусу. Он приятно успокаивает моё больное горло, но голос всё равно не возвращает.

– Я постелил тебе в спальне. На кровати чистая футболка. Как допьёшь чай, забрызгай в горло вот это и ложись спать, – после инструктажа он вручает мне флакончик, ненадолго задерживает взгляд на моём лице и направляется ко входной двери.

– Ты уходишь? – иду следом за ним, не веря тому, что он меня привёз сюда, а сам убегает.

– Лили, у меня сегодня две тренировки в универе. А что, ты не хочешь, чтобы я уходил? – насмешливо улыбается, забирая с тумбочки телефон и ключи.

– Хочу. Точнее нет. Не знаю, – путаюсь в своих показаниях от неожиданного поворота. – У меня нет даже телефона. Что если я умру и мне некому будет позвонить?

Макс хмыкает.

– На кухонном столе есть телефон. Мой номер на быстром наборе под цифрой «один». Не умирай без меня, скоро буду, – подмигивает мне и уходит.

Таращусь на закрытую дверь, пытаюсь осмыслить происходящее, а потом решаю отказаться от этой бесполезной затеи. Сил нет, как хочется принять горизонтальное положение, и сейчас даже неважно – где. Шлёпаю босыми ногами по

нагретому плиточному покрытию и только сейчас понимаю, что включён тёплый пол.

Прилежно исполняю все наставления и переодеваюсь в его футболку, оставив пижаму на пуфе перед кроватью. Так странно хозяйничать в квартире Макса без него самого. А главное, мне это настолько нравится, что уже плевать на то, как легко я поддаюсь его влиянию.

ГЛАВА 26 МЫ

Какой противный бесконечный звон. Хочется крикнуть Джилл, чтобы она взяла, наконец, трубку, но вспоминаю, что я всё равно не смогу докричаться дальше, чем на один метр. Голоса-то у меня вроде как нет. Стоп, домашнего телефона у меня тоже нет. Неохотно разлепляю глаза и до меня начинает доходить, что я не в своей комнате. Точно, я же у Макса. За окном очень темно. Получается, я проспала до самого вечера. Он до сих пор не пришёл? Наверное, это звонил он предупредить о чём-то важном или справиться о моём самочувствии.

Пока плетусь до кухонной зоны, телефон замолкает. С удовлетворением подмечаю, что чувствую себя гораздо лучше. Голова не болит, тело не ломит. Разве что глотать по-прежнему больно. Выпиваю микстуру и таблетки, оставленные на столе, и, зажевав их апельсиновым мармеладом, решаю принять душ. Надо привести себя в порядок к приходу Макса.

В его квартире две ванных комнаты. Одна с огромной гидромассажной ванной, а другая – с душевой кабиной. До первой идти дальше, да и ждать слишком долго, пока вода наберётся. Выбор очевиден.

Зеркала в ванной ещё больше расширяют её пространство. Всё блестит и сверкает чистотой. Белоснежные поло-

тенца аккуратной стопкой лежат на полке, в стакане одинокая зубная щётка, в воздухе витает едва уловимый аромат ментола. Значит, Макс пользуется, в основном, именно этой комнатой.

Отправляю футболку в корзину для белья, аккуратно перешагиваю через трусики, неразумно оставляя их прямо на полу, и вхожу в кабину, выложенную серебристо-чёрной мозаичной плиткой. На стене замечаю три душевые лейки, на которые в прошлый раз по понятным причинам я не обращала ни малейшего внимания. Бог мой, здесь даже отдельная лейка для ног, расположенная ближе к полу. Только сейчас осознаю, насколько Макс *тогда* завладел моим сознанием. Не видела ничего вокруг, кроме него...

Сенсорная кнопочная панель пестрит разнообразием функций, пиктограммы которых мне вообще ни о чём не говорят. Прикасаюсь к кнопке с изображением трёх капель, и на меня обрушивается ледяной тропический дождь. Бесшумно визжу от неожиданности, резко отступая к противоположной стене. Ударяюсь головой об полочку с шампунями и гелями, отчего они с грохотом валятся на пол. Проклятье! Как теперь подобраться к панели, ведь придётся снова встать под этот холодный водопад? Обнимаю себя руками, чтобы унять дрожь, и мысленно вычисляю, смогу ли протиснуться в пространство между струями воды и стеной.

– Лили? У тебя всё в порядке? – вздрагиваю от испуга и замечаю силуэт Макса по ту сторону тонированной стеклянной

ной перегородки.

– Нет! – кричу, но, разумеется, моё сипение ему неслышно из-за шума воды.

– Лили? Я зайду? – вижу, как он протягивает руку к двери.

– Нет! – но он снова не слышит и резко раздвигает перегородку.

Прикрываю свои стратегически важные места ладонями, но Кроу всё равно нагло тарашится на меня, пытаюсь подавить ухмылку. Заметив мою дрожь, он резко становится хмурым и вытягивает ладонь, пробуя температуру воды.

– Надо было дожидаться меня. Ты хочешь совсем слечь?

Быстро снимает с себя футболку и джинсы и так же быстро встаёт под душ, не обращая внимание на мой недоумевающий вид. Макс поворачивает какую-то крутилку, и кабина как по волшебству заполняется паром. Обхватив мои плечи, притягивает к себе под согревающие струйки воды и начинает растирать мои предплечья ладонями, не осмеливаясь опускать их ниже. Вода приятно массирует тело, но я не расслабляюсь. Наоборот, я какого-то чёрта начинаю возбуждаться. Перед моим лицом его мускулистая грудь, покрытая тёмными завитками волос, выступающий кадык, который совсем не вовремя захотелось лизнуть. Опускаю руки, служившие мне прикрытием, и он начинает замедлять свои растирания. Делаю короткий шаг к нему так, что моя обнажённая грудь касается его горячего тела.

– Лили... – то ли зовёт меня, то ли просит. Не могу по-

нять.

Он не снял свои боксеры, поэтому нас разделяет преграда из ткани. Адски хочется её убрать, чтобы снова почувствовать то, как сильно он меня хочет. Я и сейчас это чувствую, но мне этого мало. Хочу большего, хочу прикоснуться, хочу снова стать с ним единым целым. Как хорошо, что сейчас он не видит моих слёз, смешивающихся с водой, мелкими росинками оседающей на моей коже. Не решаюсь посмотреть в его глаза. Мне жизненно необходимо продлить этот момент абсолютного единения, видимости того, что мы вместе. Макс гладит меня по спине, всё ближе прижимая к себе. Его губы задевают моё ухо, обдавая его жёстким дыханием. Он рефлекторно толкается в меня и, кажется, до меня доносится его стон. Или у меня галлюцинации?

– Тебе нужен постельный режим, Лили, – его хриплый от возбуждения голос отдаётся внизу живота приятным потягиванием.

– Нужен, очень, – произношу практически одними губами, но он всё понимает, потому что через мгновение прихватывает мой подбородок пальцами и набрасывается на мои губы.

Его язык агрессивно вторгается в мой рот. Мы начинаем целоваться с таким диким напором, что наши зубы ударяются друг о друга. Руки Макса уже повсюду: мнут, гладят, пощипывают, снова гладят, будто боится, что я растворюсь в воздухе, как видение. Стягиваю с него намокшие трусы, и

его напряжённый член тут же ударяется об мой живот. Мы без малейшего стеснения стонем друг другу в рот, полностью отдаваясь ощущениям. Забыв обо всём, что было, не думая о том, что будет. Макс рывком разворачивает меня к себе спиной, укладывая мои руки на стену для опоры, и прикусывает шею сзади, как животное, пытающееся удержать свою самку на месте.

– Лили, я дурею от тебя, – шепчет у самого уха, поднимая во мне новую волну возбуждения. – Я так по тебе скучал...

И, нетерпеливо сжав мою грудь руками, одним движением входит в меня. Едва не падаю от острых ощущений, но он держит меня так крепко, что я окончательно забываюсь. Он начинает яростно вколачиваться в меня, как в состоянии аффекта. Боже, я сейчас умру. Подаюсь бёдрами назад, встречая его на полпути. Слышу его полустон, который ещё больше усиливает моё возбуждение. Влажные шлепки наших тел – настоящее сумасшествие. Мы сейчас не занимаемся любовью. Нет. Это чистой воды животное совокупление, в котором нет места сдержанности. Есть только инстинкты. Сейчас мы полностью открыты друг перед другом, как оголённые провода под напряжением. Искровые разряды между нами настолько мощные, неподвластные контролю, что ещё немного, и произойдёт короткое замыкание, а за ним – пожар. Макс обхватывает моё горло ладонью, вынуждая прогнуться в спине. Поворачиваю к нему голову, чтобы посмотреть в его глаза, и буквально тону в этом страстном взгляде,

полном обожания.

– Не могу без тебя, – читаю по губам.

И, не теряя времени, накрывает мой рот, сдавливая щеки так, что у меня, наверное, останутся следы от его пальцев. Он ускоряет ритм, доводя меня до грани, до вершины блаженства. Притягиваю его свободной рукой за затылок и прикусываю его нижнюю губу до крови, когда меня накрывает лавина кайфа. Я улетаю в космос, иначе не могу назвать своё состояние наивысшей степени эйфории. Макс совершает ещё несколько резких толчков и в последний момент выходит из меня. Развернувшись, наблюдаю, как он финиширует, закрыв глаза от удовольствия, и с ужасом понимаю, что не прочь приступить ко второму раунду.

– Мне даже начинает нравиться твоё молчание. Более стоворчивая, – он с самоуверенной ухмылкой наблюдает за моим зардевшимся от смущения лицом, потому что ловит меня на разглядывании его мужского достоинства.

Не дождавшись от меня никакого ответа, притягивает к себе и мягко целует в губы. Нежно проводит рукой по волосам, убирает большим пальцем капли воды с бровей, на место которых моментально приходят новые. Он с такой любовью смотрит на меня, что я готова расплакаться от счастья. Обнимаю его в ответ, прижимаясь щекой к тому месту, где бьётся его сердце.

– Макс, почему ты так со мной? – думала он не услышит меня, но он всё слышит, потому что отвечает сразу, ещё

крепче прижимая к себе:

– Прости меня, Лили, прости, – приподнимает моё лицо за подбородок. – Давай уедем, а?

– Куда? – отчаяние в его голосе меня пугает.

– Хоть куда. Подальше отсюда. Прямо завтра? Давай просто будем вместе.

– Я... я не знаю. К чему такая спешка, Макс? И зачем уезжать?

Вместо ответа он поднимает с пола флакон с шампунем, выдавливает немного на свою ладонь и начинает намыливать мои волосы. Стекающая пена приятно щекочет моё тело. Улыбаюсь, как дурочка, от такого проявления заботы и полностью отдаюсь на волю его рукам. Таким нежным со мной он ещё не был.

Макс серьёзно предлагает мне уехать? А как же дело Демона? Его работа и должность? Разве можно вот так просто взять и сбежать? А главное, зачем?

Уже два дня мы не можем насытиться друг другом. Всё, что мы делаем – это занимаемся любовью, в перерывах смотрим фильмы из коллекции Макса, едим готовые блюда из доставки, снова занимаемся любовью и говорим. Много и долго. Как будто прорвало плотину из наших недомолвок. К счастью, голос ко мне вернулся, и Макс стал задавать море вопросов о моей прошлой жизни, прежних увлечениях и детстве. Он постоянно смеётся над моими воспоминаниями, со-

всем не удивляясь тому, как я, например, училась кататься на велосипеде.

Мой дедушка почему-то решил, что шестилетняя я запросто сможет обуздать его взрослый велосипед. Я даже до сиденья не доставала, что уж там! Поставил меня на педали и сказал: «Крути!» Я и крутила. Вот только, когда настала пора тормозить, я поняла, что он меня уже не придерживает сзади, да и тормозить не научил. Так и въехала напрямиком в чей-то припаркованный автомобиль, чтобы не врезаться в кучку детишек.

Сейчас мы с Максом нежимся в джакузи, которое я заботливо приготовила к его приходу с работы. Правда, в мой план не входил секс прямо возле входной двери, но так тоже неплохо.

– У тебя были строгие родители? – теперь мой черёд засыпать его вопросами.

К слову, Макс не возражает против моего напора. Со всем наоборот. Целует меня в макушку и укладывает на себя, не забывая как бы невзначай скользнуть пальцами по моим взбудораженным соскам. Я лежу, устроившись между его ног, и блаженно прикрываю глаза от умиротворения.

– Нет, они были замечательные. Отец работал главным инженером в крупной строительной компании, мама – бухгалтером. Обычная среднестатистическая семья. Папа держал нас в ежовых рукавицах, а мама сглаживала углы.

– Нас?

– Нас с мамой, – уточняет Макс, прикусывая меня за ухо.

– Куда ты хочешь уехать? Обратю в Лос-Анджелес? – с того вечера мы решили не поднимать тему нашего отъезда, пока я не поправлюсь, а он не уладит дела с департаментом.

Спиной чувствую, как напрягаются мышцы его груди. Чую неладное, начинаю сооружать на его коленях, выглядывающих из воды, пенные фигуры, чтобы придать своему виду беспечность. Может, он передумал и не знает, как об этом сказать?

– А ты куда хотела бы?

– Честно? – резко крутанувшись, оказываюсь с ним лицом к лицу. – Я всегда мечтала жить в Калифорнии у океана, поэтому Город Ангелов был бы отличным вариантом. Мой отец вряд ли будет возражать. Тем более, я уже не в том возрасте, чтобы у него отпрашиваться, – протараторив ответ, чмокаю Макса в губы и укладываю подбородок на ладони, сложенные на его груди.

На лице Кроу появляется ласковая улыбка, и он начинает выписывать восьмёрки на моей спине.

– Что? – интересуюсь я, видя, как в его глазах разгорается дьявольский огонь. В живот начинает упираться что-то большое и очень многообещающее.

– Ты такая красивая, – произносит негромко, убирая мокрые пряди мне за ухо. Заметила, что он любит прикасаться к моим волосам, проявляя так, по-видимому, свою нежность.

– Спасибо.

– Спасибо в постель не положишь.

– Эм-м, мне кажется в этой фразе какая-то ошибка, – начинаю хихикать, когда он резко зажимает меня коленями, чтобы пощекотать. – Мааакс! Прекрати! – смеюсь против воли, не имея никакой возможности освободиться.

Ну всё, он сам напросился. Начинаю атаковать его рёбра в ответ и с удовольствием добиваюсь его раскатистого смеха.

– Всё-всё! Сдаюсь! – Макс отпускает меня на волю, тяжело дыша.

– Мне так хорошо сейчас, – не знаю, зачем я делаю это признание, но почему-то испытываю острую потребность сообщить ему об этом. Хочу, чтобы он знал.

– А мне всегда с тобой хорошо, – говорит на полном серьёзе, подкупая меня своей искренностью. Так непривычно слышать из его уст нечто подобное. Обычно я только и делаю, что разгадываю ребусы его мыслей, а теперь он добровольно их озвучивает. Неужели это всё на самом деле? Хочется себя ущипнуть, чтобы убедиться, что это не сон, и мы в самом деле теперь пара.

Из нашего рая нас выдёргивает мелодия его телефона. Макс перевешивается через край ванны, чтобы сбросить вызов, но краем глаза я успеваю заметить, что звонят с неизвестного номера.

– Лили, я совсем забыл отправить кое-какие документы.

– Да, конечно. Иди. Я сполоснусь и положу своё «спасибо» в постель.

Этот Аполлон во плоти со взглядом хитрого лиса целует меня в нос и, совершенно меня не стесняясь, выходит из воды. Даже не смыв с себя пену, он наспех обтирается полотенцем и покидает меня.

Хочу устроить ему небольшое шоу. Надеваю чёрный шёлковый халатик, который он купил мне вчера, и выхожу из ванной минут через десять после него, чтобы дать возможность уладить все дела. Нахожу Макса в его кабинете за компьютером. Лампы в комнате выключены, поэтому его сосредоточенное лицо освещается лишь экраном.

– Тук-тук-тук, – слегка стучу по дверной коробке, оповещающая о своём присутствии.

Макс отрывается от печатания, и я с удовольствием подмечаю смену выражений его лица: от озадаченного до заинтересованного. Всё дело в моей дерзкой позе с полураспахнутым халатом, оголяющим некоторые участки моего тела.

– Кажется, я не до конца выздоровела, и мне срочно нужен осмотр врача, – прикусываю кончик указательного пальца и бросаю на него кокетливый взгляд из-под ресниц.

– И что же у вас болит, мисс? – лукаво ухмыльнувшись, он включает настольную лампу и присоединяется к игре, откидываясь на спинку своего кресла.

Вот значит как. Любит смотреть на меня при свете? Я, тем временем, неторопливо обхожу его стол и встаю прямо перед Максом, не разрывая зрительного контакта. Он машинально облизывает верхнюю губу, когда я усаживаюсь на стол, слег-

ка раздвигая ноги. Полы халата разъезжаются ещё больше, но не настолько, чтобы увидеть то, что пока не позволено. В женщине должна оставаться загадка, в конце концов. Хотя бы на пару минут.

– Вот здесь, – прикладываю ладонь к своей левой груди, – что-то ноет постоянно.

Макс иронично вскидывает бровь и придвигается поближе, чтобы произвести «врачебный осмотр». Проведя нарочито медленно пальцами вдоль выреза, он ныряет ладонью под нежный шёлк и обхватывает мою налитую грудь, бережно сминая её.

– Здесь? – спрашивает слегка севшим голосом. – Или здесь? – зажимает пальцами мой сосок и начинает ласково тереть его. Вторая рука уже ползёт вверх по моему бедру. Господи, я хотела раззадорить его, а уже сама изнемогаю от безумного желания.

– Да, мне становится лучше прямо на глазах. У вас волшебные руки, доктор, – прикусываю нижнюю губу от нетерпения снять с него полотенце.

Макс встаёт с кресла и, развязав пояс, решительно распаивает на мне халат, впиваясь взглядом в моё тело, словно видит впервые.

– И не только руки, – шепчет, одаривая меня распутным взглядом, а потом наклоняется и, обхватив губами мою твёрдую вершинку, начинает её посасывать, вырывая из меня произвольный стон. Затем переходит к другой и проделывает

вает с ней всё то же самое.

– О... Вы – просто чудо, мистер, – нахваливаю этого самца. – Как вы смотрите на более детальное обследование... м-м-м... в кровати? – чуть не теряю нить рассуждений, когда он погружает в меня палец, сбивая дыхание. – А то мне вроде как показан постельный режим.

Пальцем ноги поддеваю краешек его полотенца, и оно падает на пол, открывая моему взору его обнажённое мускулистое тело. В полной боевой готовности, судя по внушительной эрекции, упирающейся в мою промежность. Макс отрывается от моей груди и ехидно выгибает бровь, наблюдая за моим поплывшим взглядом.

– Кажется, я тоже заболел, – прижимается своим лбом к моему, выдыхая эти слова мне в губы, – причём смертельно. Мне теперь тоже нужен постельный режим.

– Я тебя вылечу, – зарываюсь пальцами в его волосы на затылке.

– Не нужно, я хочу болеть, – ухмыляется и, подхватив под локотки, поднимает меня на руки, унося в сторону спальни.

ГЛАВА 27 КАТАСТРОФА

«Господи, как я счастлива! Спасибо-спасибо тебе за всё! Даже за мою внезапную простуду тоже спасибо, ведь если бы не она, то мы с Максом сейчас не были бы вместе», – произношу про себя эту благодарственную молитву, не в силах стереть счастливую улыбку со своего лица.

Я не стала доставать Макса вопросами по поводу его сомнительного поведения в течение нескольких прошедших недель, потому что тоже хороша! Включила гордость после нашей ночи, поставив во главу угла свои чувства, даже не думая о том, что чувствует он. А ведь он действительно всё это время заботился обо мне, думал о моей безопасности, а я только и делала, что воплощала в жизнь свои завиральные идеи. Что это, если не любовь? Конечно, он меня любит. Иначе и быть не может. Не знаю, зачем он так сильно рвётся уехать из Майами, но я готова. Готова, чёрт возьми!

Пока Макс принимает душ после наших любовно-лечебных мероприятий, направляюсь за своим халатом, оставленным прямо на столе в его кабинете. Широко улыбаюсь, вспоминая нашу спонтанную игру, и, пока иду, практически не чувствую пола под ногами, потому что мне кажется, будто я парю от одной лишь мысли, что наша жизнь только начинается. Впереди всё самое интересное и увлекательное, а об остальном подумаю завтра, как советовала моя полутёзка.

Хватая халат, случайно задеваю кнопку на клавиатуре, отчего монитор выходит из спящего режима, предлагая ввести пароль. Только собираюсь на выход, как решаю просто проверить кое-что. Не думая о возможных последствиях, смеха ради ввожу «СКАРЛЕТТ», и экран в тот же миг приветствует Макса Кроу, оповещая об успешном подтверждении пароля. Ничего себе!словно преступница, бросаю взгляд на дверь, опасаясь быть пойманной за свой длинный нос, и, услышав шум воды, с облегчением заношу палец над кнопкой питания. Вот только он так и зависает в воздухе, потому что всё моё внимание намертво пристывает к изображению на экране.

На лбу мгновенно выступает холодная испарина, а сердце начинает колотиться так, что на несколько мгновений перед глазами темнеет. Уши закладывает от мгновенного выброса адреналина. Меня будто запирают в вакууме, изолируя от окружающего пространства. Остаюсь только я и этот чёртов экран. Я не верю тому, что вижу. Криминалистические фотографии с присвоенными номерами. Очень много фотографий. И на каждой – Глория. Узнаю её несмотря на гематомы и отёки, которыми обезображено её красивое лицо. Прикрываю ладонь от ужаса, когда вижу снимок её спины, изувеченной множественными порезами и ранами. На других фотографиях её живот и бёдра с разных ракурсов, на которых просто нет живого места от синюшных припухлостей и ссадин. Мои глаза обжигают слёзы. Боже, что это? Что эти

фотографии делают у Макса?

К горлу подкатывает тошнота, когда я сворачиваю окно, и вижу следующее. Здесь множество разных файлов. Ставлю сортировку по дате и вижу, что самый первый файл датирован тем месяцем, когда мы с отцом переехали сюда. Открываю его, наплевав на реакцию владельца этого ящика Пандоры. Меня трясёт от дурного предчувствия, от ощущения надвигающейся катастрофы. Горло стянуло невидимым обручем так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Здесь тоже куча снимков разных девушек. Остервенело кручу колёсико мышки, пытаюсь сложить два и два. Глория появилась со мной в университете в один и тот же день. Она тоже новенькая, а ещё очень скрытная. Как она связана со мной? Как она связана с Максом? Мой палец замирает ещё на одной фотографии. Это совершенно точно Шерил. Её лицо практически не имеет травм, поэтому я узнаю её сразу. В голове вспышками проносятся её слова о товаре и мужчинах. Макс ведь говорил, что её похищали для продажи в Мексику. Господи, Глорию тоже похищали? Почему она мне ничего не сказала? Бедная моя девочка, как же так?

Все имена папок зашифрованы каким-то набором непонятных мне аббревиатур, поэтому открываю все подряд, сама не зная, что я ищу, а главное – хочу ли я это что-то найти. Мне нужны ответы. Глория появилась рядом со мной не просто так? В одной из папок в глаза бросается файл с именем «Батлер». В нерешительности останавливаю курсор на своей

фамилии, морально готовясь к тому, что я там увижу. Успокаиваю себя тем, что Макс, наверное, собрал на меня досье. Ну что такого? Следователь же. Даже интересно взглянуть, что он там на меня накопал.

Нервно сглатываю ком в горле, делаю глубокий вдох, как перед прыжком с трамплина, и дважды щёлкаю мышкой. На экране появляется отчёт. Но не обо мне, а о моём отце. По диагонали пробегаюсь по юридическим терминам, выхватывая из контекста какой-то бред про его имущество. На нём числится Rolls-Royce Cullinan? Что за чушь. Наша квартира в Нью-Йорке стоила в десять раз дешевле. Яхт-клуб, несколько апартаментов. Перед глазами мелькают фразы об отмывании денег и офшорных счетах. Мой отец – уважаемый следователь, противник взяток и всего противозаконного. Да он запрещал мне дарить школьным учителям даже конфеты, чтобы они не приняли этот презент за подкуп, а тут банковские выписки с баснословными суммами. Может быть, это какой-то однофамилец?

Прокручиваю файл дальше, только чтобы окончательно убедиться в своей правоте, и снова натываюсь на фотографии. На этот раз это чёрно-белые снимки. Не совсем качественные, сделанные, скорее всего, исподтишка. Вот отец выходит из незнакомой мне тонированной тачки, а вот здороваётся за руку с каким-то мужчиной, очень похожим на мексиканца. За спинами обоих – шеренга из громил в пиджаках и тёмных очках. Не знаю, зачем мой отец жмёт ру-

ку этому мерзкому типу, но уверена, что всему этому есть какое-то логическое объяснение. Наверняка он взял на себя очередное дело, поэтому встречается с такими людьми. Так ведь? И этот дорогой на вид костюм, несомненно, взят напрокат. Люксовый внедорожник, конечно, не знаю, как объяснить, но, вполне возможно, что Департамент обладает и такими средствами.

Моему самообману приходит конец на последней странице файла. Глаза, не моргая, быстро пробегают по небольшому тексту. Экран постепенно размывается, а рука замирает и начинает непроизвольно дрожать от неверия, ужаса и нахлынувшей скорби. Скорби от того, что мой отец – не просто гражданин США и даже не просто начальник Департамента полиции, а, как оказалось, совершенно незнакомый мне человек. Он – один из главарей преступной группировки, уличённой в торговле людьми.

Несколько месяцев назад. Возле клуба «Elleven»

Макс

– Ты понимаешь, что медлить нельзя? Продолжают пропадать девушки. Сколько ещё это будет продолжаться, чёрт возьми? Тебе не хватило Глории? – Брайан со злостью толкает меня в грудь, пытаюсь спровоцировать.

Я мгновенно закипаю, сжимая кулаки. С детства ничего не поменялось: он меня задирает – я отвечивал пару подзатыльников, от которых он петушился ещё больше, кидаясь

на меня с кулаками. И получал по морде в ответ. А потом родители зачитывали мне нотации о необходимости заботиться о младшем брате и уступать ему. Но мы уже не дети. И ему уже не семь, а мне не двенадцать. Он не дожждётся от меня братских тумачков, которыми он потом сможет козырять перед родителями, вызывая во мне чувство вины. Да и пожаловаться на старшего брата сейчас уже некому.

– Брайан, угомонись! Всё под контролем. Он ни о чем не догадывается. Я попробую подобраться к нему через его девочку, – грубо цежу сквозь зубы.

– Через эту тупую блонди? Ты серьёзно, б**дь? Я следил за ней несколько недель! Она целыми днями тусуется на пляже в компании спасателей. Я сильно сомневаюсь, что она в курсе, какой убудок её папаша! Чем она поможет?

– Слушай, действовать его же методами – не вариант. Чего ты добьёшься её похищением? Что он придёт с повинной? Мы должны быть уверены, понимаешь? Без доказательств всё это – пустышка!

Мой младший брат отворачивается и ударяет кулаком об кирпичную стену. Из-за его бешеного характера одни проблемы. Ему бы на ринг, а не в спецслужбы. Слишком неуравновешенный. Вдруг слышу, как со скрипом открывается дверь, и в темноту выходит она. Блонди, как назвал её Брайан. Она не замечает нас. Прислоняется спиной к стене и смотрит в ночное небо. Как же невовремя! Тихо шагаю в темноту, хватаю брата за грудки и шепчу:

– Подыграй мне.

И начинаю его «душить»...

ГЛАВА 28 ИСПОВЕДЬ

Макс

Август, запись 1:

Чёрт, тарашусь в белый лист и не знаю, с чего начать. Не занимался подобными душеизлияниями с тех пор, как какой-то пьяный урод сбил на смерть моих родителей прямо возле нашего дома. Тогда психолог из органов опеки настоятельно просила меня вести дневник, чтобы убедиться в моей адекватности. По её словам, я был слишком замкнутым, и она не была уверена, что в свои неполные двадцать два я способен нести бремя опекунства над братом и сестрой. Я служил по контракту в Ираке, а она хотела напугать меня каким-то опекунством. Странная женщина. Но чего только не сделаешь ради брата и сестрёнки...

Если бы экран ноутбука мог, он уже обсмеял бы меня. Полюбуйтесь, мне почти тридцать, и я, как та психолог, сам неуверен в своей адекватности. Может быть, эта писанина даст ответы на мои вопросы? Например, как вылезти из того болота, в котором я увяз по уши? Как перестать думать о той, о которой совершенно нельзя думать?

В последние дни её присутствие начало на меня странно влиять. Я постоянно отвлекаюсь от работы, любуюсь её ножками, любуюсь её глазами цвета безоблачного неба, любуюсь ей. Каждый раз, когда Лили поворачивается ко мне спиной,

я залипаю на ней, как сопливый подросток, но не для того, чтобы лишний раз оценить её аппетитную задницу, а чтобы вдоволь насмотреться на её силуэт, не опасаясь быть пойманым за этим странным для меня занятием.

Она смешная. И совсем не глупая, какой её считал мой брат. Для него дочь врага – априори враг, но мне становится всё сложнее следовать его примеру...

Наверняка Лили и сама не подозревает, какой эффект на меня производит её улыбка или то, как она забавно закатывает глаза, когда ей не нравятся мои увиливания от ответов на её назойливые вопросы о разбирательствах. Какие, к чёрту, разбирательства, если с её появлением в моём офисе я практически ежечасно пытаюсь усмирить свой стояк. Приходится постоянно сидеть за столом и делать вид, что печатаю. Хорошо, что Кейт заглядывает к нам на огонёк. Так я хоть немного отвлекаюсь.

Зная, как Батлер противится работе своей дочери в полиции, я предложил ему отличную альтернативу: засунуть её в университет под предлогом помощи следствию. В одном мы с ним сошлись: нужно было сместить всё её внимание на учёбу. Вот только мотивы были разные: Джон надеялся, что Лили захочет сменить профессию, а я хотел сплавить её подальше, чтобы она не мелькала у меня перед носом в кабинете. Она не вписывается в образ жертвы Демона, так что в этом плане ей точно ничего не угрожает. Особенно если она будет следовать моим инструкциям.

Сегодня мы ездили в тренировочный центр. Я хотел посмотреть, способна ли она защитить себя в случае необходимости, но сделал только хуже. Её упругая попка в этих шортиках похлеще моих самых смелых эротических фантазий. Я помешался на какой-то девчонке. Что в ней такого, чего нет в других? Дурная на всю голову, вечно суёт свой нос не в своё дело, болтает без умолку, но... Я чертовски хочу её. Это точно банальное влечение и ничего больше!

А ещё я попросил свою сестру помочь нам с Брайаном. Не знаю, какого дьявола я творю и зачем вмешиваю, но ей давно пора выходить из своего депрессивного состояния. Учёба в университете отвлечёт её. К тому же, если она вотрётся в доверие Лилиан, у меня будет больше информации. Сегодня Глория съехала с моей квартиры, чтобы не вызывать лишних подозрений. Сопротивлялась, конечно. Она привыкла жить со мной, но ей пора перебороть свои страхи и научиться дышать, как прежде, а защиту ей мы обеспечим.

Август, запись 2:

Кажется, мне можно ставить диагноз. Не помню, когда я столько смеялся. С ней весело. С ней я дышу полной грудью. С ней я забываю о мести, что совершенно недопустимо. Я должен ненавидеть её так же, как её отца, но не могу. Лили становится моей проблемой. И не только из-за того, что я теперь знаю о том, что она в меня втрескалась. Я начинаю подозревать, что и сам недалеко от неё ушёл. Вполне воз-

можно, даже обогнал. Не хочу бросаться громкими словами о любви. Может быть, это не она? Может, трахну её и всё пройдёт?

Хорошо, что она никогда не узнает, что повсюду напичканы жучки: даже в ошейнике их щенка. Я могу сколько угодно оправдывать свои поступки законом и данными мне полномочиями, но мне впервые стыдно. Я не имею никакого морального права влезать в её голову и её мысли. Она, не зная того, вручила мне оружие против неё самой: своё сердце.

Сентябрь, запись 1:

Я сорвался. В меня вселился безумный неуправляемый зверь, который думает не головой, а животными инстинктами. Я не видел её несколько недель, и меня начало буквально ломать. Я столько раз вертел в руке телефон, порываясь позвонить ей, чтобы просто услышать звонкий голос и пару колкостей, предназначенных лично для меня. Как у неё дела, я и так знаю благодаря сестре и прослушке. Я скучаю. Я, пи**ц, как скучаю по её запаху, по её дерзкому язычку, просто по её присутствию. Припёрся в ночной клуб, и, как сталкер, таранился на её развратные танцы.

Она будто не замечала, как на неё смотрели парни вокруг. Уверен, они не раз и не два будут представлять её, орудуя своей правой рукой. Кретины. Я был готов придушить их за эти похотливые взгляды на неё. Не выдержал. Договорился с Брайаном отвлечь её подругу. Конечно, ни в какое окно я не

влезал. Не успел бы. Просто опередил Лили, когда увидел, куда она направляется.

Она была такая податливая, такая нежная, такая... вкусная. Не мог оторваться от неё. Если бы позволила, мы бы занялись сексом прямо там, в туалете. Если честно, мне тогда было плевать и на место, и на время. Чувствовал себя монахом после долгого воздержания.

Пишу и ржу. Психолог была бы мной довольна? Я достаточно адекватен?

Сентябрь, запись 2:

Найден ещё один труп. Интуиция меня обычно никогда не подводит, и сейчас она мне кричит о том, что Лили ходит по лезвию ножа. Эта сумасбродная девчонка без мыла влезет куда угодно, а я своими руками всунул её в это пекло. Но больше всего меня пугает то, что на фоне всего этого я беспокоюсь в первую очередь о ней, а не о родной сестре, которая тоже в самом эпицентре событий. Я вообще в своём уме? Что я за брат?

Сентябрь, запись 3:

Сегодня я отвозил Лили к той скале, хотя не планировал. Всё, что от меня требовалось – это понаблюдать за её реакцией, убедиться, что она не расчётливая лгунья. Чёрт побери, это была яхта, принадлежащая её отцу, как и весь яхт-клуб, а она даже не в курсе, насколько на самом деле богата.

Её неподдельное удивление, восторг, та детская радость от поездки просто выбили меня из колеи. А ещё я никогда не забуду тот момент, когда она обняла меня сзади и прижалась своими бархатными губами к спине. Эта девушка соткана из противоречий. Стерва в ней проявляется так же быстро, как ласковая кошка. Они сменяют друг друга со скоростью кометы, и я сам не успеваю проследить за этим перевоплощением. Иногда у меня ощущение, что я влюбился сразу в десять девчонок.

Я написал «влюбился»?!

Сентябрь, запись 4:

В своей жизни мне приходилось убивать. Безжалостно, хладнокровно, ни о чём не жалея. Потому что я избавлял мир от настоящих отморожков. Нет, меня вряд ли можно назвать Робин Гудом и хорошим человеком. Я такой, какой есть. Мне нужна справедливость. Я хочу защищать слабых и уязвимых людей, давать им возможность жить и наслаждаться жизнью, которую у них хотели отнять ради денег и власти.

Я не могу спокойно жить в мире, в котором есть тот, кто насилует женщин, похищает и убивает детей, продаёт девушек, как товар на рынке.

А ещё я не могу спокойно смотреть, как к Лили прикасаются другие особи мужского пола.

Хотел устроить ей что-то вроде сюрприза. Думал, она обрадуется, увидев меня в университете. И что я получил? Ка-

кой-то белобрысый сморчок обнимал её своими клешнями и пытался поцеловать, пока она хихикала, будто вовсе не возражает. Как я был зол... Хорошо, что я отвлёкся на занятие, слегка выпустив пар.

Именно в тот момент я резко изменил своё мнение и решил, что Лили должна выйти из игры. К тому же, после тренировки мне позвонил Батлер собственной персоной и попросил отговорить его дочь от учёбы. Смешно, этот человек владеет миллионами, в его власти сотни людей, у него есть личная охрана. *Почему же он дочь не бережёт?*

Глории я тоже хотел дать отбой, да только она так втянулась в учёбу, что наотрез отказалась. Я не стал мешать, видя в ней перемены к лучшему. Просто обеспечил ей безопасность другим известным мне способом, о котором ей лучше не знать.

Когда я отслеживал местоположение Лили, был настроен решительно. Но... Как всегда, это пресловутое «но». Я в очередной раз не устоял перед её чарами, стоя в том чулане. Ведьма.

Октябрь, запись 1

Самообман – отличная штука, уводящая от реальности, но порочная. Когда я не смог противостоять соблазну, то, как последний слабак, начал убеждать самого себя, что мы с Лили – обычная пара, которая может иметь ни к чему не обязывающие отношения. Каждый раз говорил себе: «Ещё чуть-

чуть и всё», «Этот раз точно последний». Знакомо? Точно так же говорят алкоголики, наркоманы и все зависимые люди, как только на горизонте маячит иллюзия ухода от проблем. И я стал заложником зависимости под названием «Лириан Скарлетт Батлер».

Это пугает меня больше, чем война. Это делает меня слабым. Это заставляет меня чувствовать себя полным ничтожеством, потому что я знаю, что у нас нет будущего, но продолжаю планомерно изматывать её своим поведением полного придурка. Лили никогда не простит мне отца. Он – единственный близкий человек в её жизни. Он – тот, кого она всегда любила и любит. Тот, кто был для неё примером для подражания. Тот, кто, к моему огромному сожалению, является подлецом и предателем. И я собираюсь своими руками лишить её его. Лишить её иллюзий о той семье, которая у неё была, разочаровать. Разве она останется со мной после этого? Ответ однозначный: нет.

Сегодня она подарила мне лучший подарок на день рождения из всех возможных: себя. И я им эгоистично воспользовался, потому что знаю, что такой возможности уже, скорее всего, больше не будет. Смотрю сейчас на неё спящую и чувствую разгорающуюся внутри агонию. В грудной клетке адское жжение, кулаки само собой сжимаются от желания что-то ударить, выместить на чём-то свою злость, свою обиду на несправедливость. Почему именно она?

Вчера вечером мы подрались с Брайаном. Он принёс мне

подарок: игрушечного полицейского, которого Лили видела в моей машине. Красноречиво напомнил о том, кто я такой. Чуток ошибся. Ну да ладно, наверное, фигурки агентов федеральной разведывательной службы не продаются в сувенирных лавках. Заявил, что я предаю семью ради красивой киски, за что справедливо получил от меня по зубам.

Октябрь, запись 2

Лили на меня обижена. На звонки и смс отвечает через раз, в универе обходит стороной, избегая даже парковки. Не уверена в том, что ей нужна эта связь, обречённая на провал? Как бы то ни было, я решил ухватиться за предоставленную возможность и свести наши отношения к таким, какими они должны были быть изначально: сугубо рабочим. Так будет проще завершить начатое с минимальными потерями. Я не могу лишиться того, к чему шёл больше десяти лет. У меня есть обязательства, в конце концов. Я должен защищать людей от таких преступников, как Батлер. Но вместо того, чтобы как следует сосредоточиться на своём долге и чётком планировании дальнейших действий, я думаю только о Лили. Надо держаться на расстоянии, чтобы сохранить холодный рассудок.

Я не планировал высмеивать её на тренировке. Просто был взвинчен после очередного наезда Брайана, а она попала под горячую руку. Слабое оправдание, да. Я – подонок, недостойный её. Этим всё сказано.

Октябрь, запись 3

Лили невероятная. Пока она несла какую-то ересь про рыб, я смотрел на неё в восхищении, а руки чесались прижать её к себе, похвалить, сказать, какая она молодец, какая самоотверженная и смелая. Зачем ей полиция? Она остра на язык и обладает незаурядным умом. Ей бы журналистом работать или адвокатом. Лили достала бы любого обвиняемого, влюбила бы в себя всех присяжных и судей, отстояла бы честь своего подзащитного. Какого дьявола она всё время подвергает себя опасности?

Не мог спокойно смотреть на грусть в её глазах, особенно зная, что источник этой грусти – я. Я знаю, о чём она думает. Уверен, она колотила подушку, представляя, что это моё лицо. Пусть. Это пройдёт. Так будет лучше... Хотел написать «для нас обоих», но нет. Так будет лучше для неё.

Октябрь, запись 4

Сегодня я следил за её отцом. Этот ублюдок организывает новую партию. Смотрел на него издалека и не мог понять, как он докатился до этого и когда вообще это началось? До появления Лили или позже? Знала его жена или нет? Управлению известно только о четырёх последних годах, но ведь наверняка всё началось гораздо раньше. У него самого дочь, а он лишает дочерей других людей и ломает их судьбы.

Чёрт, я совсем сник. Моя голова кипит от миллионов разных мыслей. Пытаюсь найти какой-то выход из ситуации и не могу. Чутьё меня обычно не подводит, и оно говорит мне о том, что скоро конец. Скоро я уничтожу Батлера, а вместе с ним и его дочь. Я вернусь домой, меня отправят на новое задание, и всё встанет на свои места. Только без неё. Как она будет жить с тем знанием, кто её отец? Сможет ли простить меня?

Вечером приходила Глория и вlepила мне пощёчину. Прямо с порога. Заявила, что Лили не заслуживает того, что я задумал. Сказала, что ей уже плевать, если Батлер будет разгуливать на свободе, но ей не плевать, что её брат ради принципов лишит себя счастья. Счастья... Как я могу быть счастлив, зная, что этот урод чуть не отнял у меня сестру? Её насиловали грязные мексиканцы целой толпой, а она просит меня отказаться от мести? Моя сестра – святая. И свободы Батлеру, как и всей его шайке, не видать абсолютно точно. Что моё счастье против сотен покалеченных судеб? Выбор очевиден.

Октябрь, запись 5

Она на дурацкой тыквенной вечеринке. Зная её сверхспособность находить неприятности, попросил Брайана приглядеть за ней. Судя по его усмешке, он начал подозревать, что я прошу его об этом не ради расследования, но промолчал, прикрывшись тем, что всё равно планировал понаблю-

дать за Глорией. И правильно сделал, что промолчал. Сейчас меня лучше не злить.

Глория со мной не разговаривает с того вечера. Она заявила, что будет рада, если Лили найдёт себе нормального парня, который будет ставить её на первое место.

Парень.

Я впервые задумался о том, что когда-нибудь у неё появится муж, семья, дети. И меня заколотило от ярости. Что если этот её муж окажется каким-нибудь моральным уродом и будет обижать её? Хотя она не позволит. Могу быть спокоен. Спокоен??? Кого я обманываю...

Дописываю, еле попадая по клавишам от трясучки. Только что отвёз Шерил домой и вернулся в свою одинокую холодную пещеру. Женщина-кошка, твою мать! Она специально так вырядилась? Ещё и Брайан подлил масла в огонь, прислав фотку её танца с летучей мышью. Поскорее бы уже всё закончить и свалить из этого города и из её жизни.

Ноябрь, запись 1

Встречались с Глорией на нашем месте. Кажется, моя сестра заразилась от Лили болезнью под названием «стервозность». Она с самодовольной улыбкой заявила, что у её подруги сегодня свидание. Когда я узнал, с кем, чуть не задымился. Эта девчонка сведёт меня в могилу. Б**дь, это невыносимо. Мне удавалось сохранять спокойствие, когда в меня летели пули, но вскипаю от одних только мыслей о ней.

Она повсюду. Я даже из квартиры подумываю съехать, лишь бы не видеть то панорамное окно.

Ноябрь, запись 2

Я наорал на неё. И сразу пожалел. Не могу видеть её потухший взгляд. До связи со мной он таким не был. Она была жизнерадостной, отчаянной, иногда безбашенной, но точно не несчастной. Я уже отравил её жизнь. Как мне всё исправить? Мне так много хочется ей рассказать, но я связан по рукам и ногам. Теперь мой единственный собеседник – электронный лист. Дожил.

Ноябрь, последняя запись

Сегодня мне снился такой реальный сон. Я проснулся и увидел рядом с собой Лили. Она тихо сопела в моё плечо, смешно подёргивая своим носиком, на который через жалюзи попадала тонкая полоска света. В её волосах торчало перо из подушки, которым я тут же начал водить по её лицу, а потом ниже и ниже. Я почувствовал, что Лили проснулась, по её сбившемуся дыханию, но она упорно продолжала делать вид, что спит. В этом вся она. Думает, что может кого угодно обвести вокруг пальца. Возможно, кого угодно и сможет, но не меня.

Только собирался стянуть с неё трусики, как услышал топот. Первая мысль: «Мы забрали себе их лабрадора?», а когда на меня запрыгнуло двое детей с криками: «Папа!», за-

вис, как ноутбук древней модели. Мальчик и девочка. Оба светловолосые и голубоглазые, как она. Словно два маленьких волкодава, они набросились на меня, и начали щекотать. Я ржал, как конь и ... проснулся. Осмотрелся по сторонам на всякий случай, а когда понял, что я один, почувствовал не облегчение, а разочарование.

Сегодня же удалю всё, что написал. Пора на работу.

ГЛАВА 29 КТО ТЫ?

Макс

– Лили, открой! – разбиваю костяшки в кровь, пока долблюсь в её дверь, как обезумевший псих.

– Молодой человек, что вы тут устроили! Я сейчас полицию вызову! – от моего увлекательного занятия меня отрывает тётка в бигудях, стоящая на нижних ступенях лестницы.

– Полиция уже здесь! Не отвлекайте, – рывкаю на неё, наплевав на приличия, и снова колочу в это проклятое дерево, хотя умом понимаю, что вряд ли Лили поехала домой. Она знает, что это первое место, где я бы её искал. В прослушке тишина, но я должен был попробовать.

Безысходно опускаю руку и прислоняюсь спиной к двери. Незнание меня дьявольски пугает. Как на зло, её разряженный телефон с маячком сейчас по ту сторону двери. Я не стал его брать, когда выносил Лили на руках. Было совсем не до него, а теперь я понимаю, как сильно облажался. Как я мог допустить столько промахов за такое короткое время? Первую роковую ошибку совершил, когда не захватил её телефон или хотя бы ту штуку с прикроватной тумбочки, а вторую – когда не успел закрыть запароленные папки. Эта девушка вскружила мне голову настолько, что я забыл обо всех мерах предосторожности, которые за годы службы стали частью моей ДНК. Успел нажать лишь кнопку питания, пока

она забиралась на мой стол. Чёрт, чёрт!

– Дома никого нет, – до моего слуха доносится голос докучливой соседки.

Она всё ещё здесь?

– С чего вы взяли?

– Их дурная собака скачет, как жеребец, когда девушки дома. Поверьте, этот звук копыт, проходящий через мой потолок, я не спутаю ни с чем.

Прислушиваюсь. Действительно тихо. Джилл наверняка в клубе, потому что не берёт трубку, и я только зря теряю драгоценное время. Пока я стою тут, Лили в порыве отчаяния может натворить каких-нибудь глупостей. Думай, Кроу, думай! Куда она могла пойти после того, что узнала? А узнала она наверняка очень много, раз сбежала. К Мелиссе? К отцу? К нему вряд ли. Она думает, что он в очередном отъезде. К Глории? Точно! Глория.

Перепрыгивая через несколько ступеней, набираю сестру.

– Соскучился, братишка? – слишком беззаботный и весёлый голос рушит мою надежду.

– Лили у тебя? – запускаю двигатель и срываюсь с места, сам не зная, куда ехать.

– Нет, а что случилось? – в её голосе тревога.

– Она всё узнала. – Бью ладонью по клаксону несколько раз, чтобы придурок на машине спереди сдвинулся к обочине.

– Господи... И как она?

– Не знаю! В том то и дело, что ни черта я не знаю! – осекаюсь, чтобы не срывать свою злость и отчаяние на Глории. – Куда бы ты пошла на её месте?

– Макс, ей сейчас плохо. Возможно, даже хуже, чем когда умерла её мама. В ней ей хотя бы не пришлось разочаровываться, – ненадолго замолкает. – Скорее всего, она в каком-нибудь тихом месте, где её никто не потревожит. Я бы сделала так.

– Дай мне, пожалуйста, знать, если она придёт, – отключаюсь и, отшвырнув трубу на соседнее сиденье, несколько раз ударяю по рулю.

Ей пришлось столкнуться с суровой реальностью, она наверняка меня ненавидит и проклинает, а я даже не могу ей ничего объяснить.

И Брайан вернётся только завтра. Как же всё не вовремя!

Лавирую в потоке машин, нарушая всевозможные правила и скоростной режим. Спешу, потому что так и не успел сказать ей самое главное.

Лили, детка, где же ты?

Лили

Так странно. Всего несколько месяцев назад эти бескрайние лазурные воды океана казались мне самым чистым и совершенным божьим созданием.

Теперь я вижу в этом некогда любимом океане сплошную черноту и грязь, способную затянуть с собой на самое дно.

Опускаю отрешённый взгляд на свои руки и с несвойственным мне равнодушием наблюдаю, как из моей сжатой в кулак ладони сочится кровь, которая в кромешной тьме тоже кажется чёрной. Настанет ли тот день, когда я снова смогу различать краски вокруг? Или что-то чувствовать? Хотя бы боль. Внутри пустота и снаружи – тоже. На моём лице нет слёз. Только застывшая безучастная маска. Разжимаю онемевшую ладонь и с безразличием смотрю на ключ от своей так и не проданной машины. Даже не помню, как добиралась до стоянки. Вроде бы меня кто-то подвёз. Не знаю, сколько прошло времени после самого ужасного события в моей жизни. Может быть, час, а, может быть, вся ночь.

Меня обдувает прохладный ветер, но мне почему-то не холодно, хотя на мне только та самая пижама. На повторе прокручиваю в своей голове сцены своей жизни, связанные с отцом, и пытаюсь понять, в какой именно момент всё началось. До маминой смерти или после? Знала ли она? Надеюсь, что нет.

Для чего это отцу? Ему мало денег? Или... Ему нравится сам процесс? Грудную клетку снова начинает распирать гигантский горький ком. Ловлю себя на мысли, что не так страшно прозрение, как понимание того, что вся твоя жизнь была фарсом и не очень удачной постановкой режиссёра. И какую роль в ней играла я? Далеко не главную.

Макс. Вот ещё один актёр первого плана.

Теперь многое встаёт на свои места: его метания от ме-

ня-ко мне, странные взгляды, недомолвки, пропадание с радаров. Он с самого начала знал, чья я дочь, а значит... Значит ему было от меня что-то нужно. И это что-то – не я.

Непроизвольно вздрагиваю, когда слышу шорох за своей спиной. Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто это. Молчу и продолжаю делать вид, что нет ничего увлекательнее, чем вглядываться в темноту. Краем глаза вижу, как Макс аккуратно усаживается на соседний шезлонг, словно боится спугнуть меня. Ошибается. Мне всё равно. Снова стискиваю руку в кулак, что, судя по всему, расценивается им как мой выход из состояния оцепенения.

Как он меня здесь нашёл? Этот пляж на отшибе города был нашим с отцом местом. Здесь всегда немногочленно, а ночью и подавно никого не встретишь. Хотя что за глупые вопросы я себе задаю. Конечно, за отцом была установлена слежка. Как и за мной.

Макс тоже молчит. Его присутствие выдаёт только прерывистое дыхание. Боковым зрением наблюдаю, как он упирает локти в колени и обхватывает руками свою голову.

– Лили, скажи что-нибудь, – его сдавленный голос пропитан безнадёгой, но это меня сейчас совершенно не трогает.

– Кто ты?

Макс выпрямляется, услышав мой вопрос, но, к моему удивлению, не медлит с ответом:

– Если коротко, то спецгент ФБР.

Криво усмехаюсь, вспоминая самое первое прозвище, ко-

торое я ему дала: «Агент 007». Это какая-то насмешка судьбы, иначе не назовёшь.

– Лили, я хочу, чтобы ты знала, – продолжает, слегка развернувшись ко мне. – Независимо от того, каким было наше начало, главное – каким будет конец. Решать только нам, понимаешь?

Мне требуется несколько секунд, чтобы осмыслить услышанное, а потом меня пробирает истерический смех. Меня накрывает. Ничего не могу с собой поделаться, но изо рта сами собой льются эти звуки, напоминающие гомерический хохот. Мне не смешно, а я смеюсь, понимаете? Останавливаюсь, когда вижу обеспокоенное выражение лица моего собеседника.

– Конец? – спрашиваю срывающимся голосом. – Будем вместе навещать моего отца в тюрьме, держась за ручки? Ты так это себе представляешь? У меня нет никого, кроме него, Макс!

– У тебя буду я, – как-то не совсем уверенно отзывается на мою реплику.

– Ты – лжец. Всё это время ты подло врал мне. Ты вообще – Макс?

– Это настоящее имя. Всё – настоящее, Лили!

– Ну, конечно. Стивен, – фыркаю пренебрежительно. – С его лёгкой руки он может создать тебе любую историю жизни. А его можно попросить стереть из моей памяти последние четыре месяца? – Встаю с шезлонга, намереваясь уйти

отсюда подальше.

Макс подрывается следом, пытаясь ухватить мою ладонь. Я резко выдёргиваю её и выставляю руку вперёд, чтобы он не приближался ко мне. Он замирает, правильно считывая моё неозвученное требование.

– Поверь, я не хотел, чтобы так вышло. Всё это время я пытался найти выход, чтобы обойтись наименьшими потерями!

– Ну как? Нашёл?

– Нашёл, – молча кивает, переводя взгляд на океан. – Хотел передать это дело в другие руки, увезти тебя отсюда и молчать о том, что знаю, до конца своих дней.

Вздыхает, взъерошивая волосы на затылке.

– Лили, я несу долг перед страной, – зачем-то оправдывается передо мной. – У меня есть обязательства. И я не могу вот так просто взять и спустить всю операцию на тормозах!

– Делай, что должен, Макс, – обнимаю себя за плечи, чтобы унять дрожь в своём теле. – Я всё равно ничем тебе не помогу, если нужна была для этого.

– Не для этого, Лили! Не для этого, чёрт возьми! Всё изменилось! Скажи, что мне сделать, чтобы ты поверила? – рассерженно вскидывает руки.

– Что сделать? – на этот раз полная решимости, делаю шаг к нему и злобно цежу практически по слогам: – Исчезни из моей жизни.

Эти ядовитые слова попадают точно в цель. Макс с ока-

меневшим лицом смотрит в мои глаза неверящим стеклянным взглядом. Обхожу его и иду стремглав к машине, глотая слёзы, которых нет.

И только сев за руль, понимаю, что в этот раз он за мной не пошёл.

ГЛАВА 30 ДЕМОН

Макс

Тяжёлым шагом вхожу в ненавистный Департамент, игнорируя приветствие офицеров. Плевать на всё и на всех. Не пришёл бы, если бы Лоуренс не позвонила, сказав, что дело не требует отлагательств.

Бросаю взгляд на пустой стол своего стажёра, и в грудной клетке моментально появляется непривычный дискомфорт, заставляющий задержать дыхание. Я всегда был стрессоустойчив и выдержан. Внешне, возможно, ничего и не изменилось, но внутри... Внутри словно кто-то тушит об моё сердце окурки. Хочется его выдрать, чтобы не чувствовать это нестерпимое пекло, не вспоминать ненавидящие глаза Лили и не думать о том, что я испортил ей жизнь. Видимость спокойствия удаётся создать только благодаря тому, что я знаю, где она сейчас. Дома, судя по маячку.

Я не спал всю ночь, размышляя о своих поступках, и понял, что она права. Мне нужно исчезнуть, потому что, как ни крути, она всегда будет видеть во мне только причину развала её жизни. Сколько она меня знает? Меньше четырёх месяцев. А отец – её плоть и кровь. И, каким бы он ни был, она

мне никогда его не простит. А ещё она никогда не простит мне то, что я специально привязывал её к себе. Если бы у нас не начались отношения, мне было бы куда проще упечь её отца и всю его банду за решётку, не думая о последствиях для неё.

– Привет! Ты пришёл? – Кейт, как обычно, без стука заходит в мой кабинет.

– Как видишь, – хмуро бросаю в ответ.

– Полюбуйся, – ехидно улыбается и швыряет мне на стол папку. – Это список моделей, а это... – сверху кладёт ещё одну папку, – список клиентов эскорт-клуба. Угадай, кто – один из них?

– Хантер, – даже не заглядываю в документы, потому что в её вопросе уже звучит скрытый ответ.

– И угадай, есть ли там наши студенточки? – самодовольство в голосе Лоуренс слегка напрягает, но пусть забирает себе минуту славы, мне не жалко.

Откидываюсь на спинку кресла, закрывая глаза. Сейчас нужно усиленно думать, а в голове – ноль ясности. Этот говнюк часто тёрся возле Лили. Что, если бы...

– Я же говорила, что надо было доверить это дело мне, а не этой...

– Так, хватит, – пресекаю её попытки оскорбить Лили. – Вызывай его на допрос. Быстро! – гаркаю на Кейт, сам того не ожидая. Она обиженно поджимает губы и отправляется исполнять приказ.

Тут же возникает непрощенный образ Лили, заставляющий улыбнуться. Если бы сейчас на месте рыжей была она, за такой тон эти папки уже красовались бы на моей голове.

Скрестив руки, наблюдаю за допросом Крейга Хантера через зеркало Гезелла²⁷. Я его вижу, а он меня – нет.

– Мистер Хантер, вы знали этих девушек? – Кейт раскладывает в ряд фотографии убитых студенток. На снимках они живые, разумеется.

– Слушайте, меня уже опрашивали следователи. Ни одна из них не училась на моём курсе. Я не знал их! – он пытается быть сдержанным, но его нервозность выдаёт пот, проступивший на висках. Будто прочитав мои мысли, профессор достаёт платок из нагрудного кармана пиджака и проходится им по своему лицу.

– А этих? – перед Хантером появляется новый ряд снимков тех же девушек, только профессиональных, сделанных для портфолио. На них они с ярким макияжем и в париках. Я и сам узнал их с трудом.

Отмечаю крайнюю степень изумления на лице Хантера. В его глазах мгновенно появляется узнавание и испуг. Он нервно сглатывает и мрачно кивает. Надо же, не отпирается.

– И откуда вы их знаете? – подталкивает его Кейт к при-

²⁷ Стекло, выглядящее, как зеркало с одной стороны и как затемнённое стекло – с противоположной. Используется в комнатах допроса, переговорных, комнатах служб безопасности, психологов.

знанию.

Хантер снимает очки и, уперев локти в стол, закрывает лицо ладонями.

– Мистер Хантер?

Тот убирает руки и пристыженно отводит взгляд.

– Я пользовался их... – прочищает горло, – услугами. Клянусь, я не знал, что это студентки!

Презрительно усмехаюсь. Можно подумать, если бы это были не студентки, ситуация выглядела бы менее мерзко. Владелец клуба уже под подпиской о невыезде, но, чувствую, ему светит немалый срок. Тайлер Фокс, к сожалению, отделается только условкой.

– Как вы их убили? – Кейт задаёт вопрос в лоб.

– Что? Я их не убивал! – Хантер вперивается в следователя возмущённым взглядом. – И вам следует быть поаккуратнее с такими обвинениями. Я прекрасно знаю законы. Прежде чем предъявлять такое, следовало дожидаться моего адвоката.

Убийца, вызываемый на допрос, обычно готовится к любым провокационным вопросам. К этому он точно не было готов. Он не врёт. С*ка... Мы снова в тупике? Скрещиваю пальцы на затылке и начинаю ходить туда-сюда, будто это поможет.

– Мистер Хантер, вы же понимаете, как это выглядит? Со всеми убитыми студентками у вас была интимная связь, – продолжает напирать на него Лоуренс.

– Это противозаконно? У меня маленькая дочь и свои взрослые потребности! Я не могу пока позволить себе отношения с женщинами. Я не понимаю, откуда такое совпадение, но повторяю: я не убивал их! Я заказывал их через клуб, мы встречались в отеле среди бела дня, занимались сексом. На этом всё. Ни одну из них я не видел больше одного раза.

– Вы встречались только с этими девушками или были ещё?

– Были ещё, – миг оживляется Хантер, зацепившись за то, что убиты не все, с кем он спал.

– Почему вы отдавали предпочтение брюнеткам?

– Чушь! Они все были в париках. Я не имел ни малейшего представления об их натуральном цвете волос.

Лоуренс шумно выдыхает и начинает стучать кончиком ручки по столу.

– Запишите названия всех отелей, в которых вы были. Мы поднимем записи с камер, – протягивает ему листок. – И пересмотрите вот эти снимки, – кладёт приличную стопку фотографий, изъятых из клуба. – Отложите тех, которых вы узнали.

Пока профессор выполняет её просьбу, вспоминаю, чем интересовалась Лили.

– Кейт, спроси про мать ребёнка, – подсказываю ей в наушник, вставленный в её ухо.

– Мистер Хантер, а что с матерью ребёнка? Почему вы воспитываете дочь один?

Он отпивает воду из стоящего возле него стакана и отвечает еле слышно:

– Она бросила её после рождения.

– Вы с ней общаетесь?

– Она лишена родительских прав.

– Вы не ответили на вопрос.

– Нет.

Хантер нервно теребит ручку. Прищуриваюсь, пытаюсь прочесть его мысли. Врёт или не врёт?

– Ладно, Кейт. Пока заканчивай с ним, – говорю ей в ухо. – Я приставлю к нему человека. Надо за ним понаблюдать.

– Мистер Хантер, пока можете быть свободны. Разумеется, выезжать за пределы города вам запрещено. Соответствующее предписание уже есть.

Тот с нескрываемым облегчением вскакивает со стула и направляется к двери.

– Если вдруг что-то вспомните, свяжитесь с нами, – прилетает ему вдогонку, – и найдите себе адвоката.

Профессор ненадолго застывает и, молча выслушав наставления, скрывается за дверью.

Лили

Шок прошёл, и на его место пришло отрицание. Не знаю, зачем я это делаю, но пытаюсь ухватиться за последнюю ниточку. Может, всё, что есть у ФБР на моего отца – ложь? Его подставили? Заставили? Может быть, он тоже какой-нибудь

двойной агент, внедрившийся в преступную группировку?

С этими мыслями подхожу к дому отца. Точнее, к нашему дому, в котором я не жила ни дня. Моя необъяснимая потребность в самостоятельности теперь выходит мне боком. Мы с отцом стали абсолютными чужаками. Как же так? Он всегда был со мной добрым и, как мне казалось, любящим. Неужели я настолько не умею разбираться в людях?

По дороге сюда заметила за собой хвост. Тонированный чёрный джип, который подозрительно сворачивал туда же, куда и я. Ехал с той же скоростью, что и я. Пришлось знатно постараться, чтобы его скинуть. Оставила свою машину возле одного кафе и вышла через служебный вход с другой стороны. Дальше я шла уже пешком. Кроу не унимается? Вчера вечером купала Бинго и случайно порвала его ошейник, под которым обнаружила жучок. Подлец. Обыскала квартиру и нашла ещё два. Возможно, остались ещё, поэтому теперь мы с Джилл договорились общаться старым добрым способом: записками и языком жестов.

Отец звонил мне утром и оживлённо рассказывал про солнечную погоду в Джексонвилле, в котором проходит какой-то съезд сотрудников правоохранительных органов, и я очень надеюсь, что пришла сюда зря. У меня есть свои ключи, поэтому беспрепятственно захожу через парадные двери. Поднимаюсь на лифте, с каждой цифрой на табло волнуюсь всё больше. Что я там планирую найти? Связанных девушек? Трупы? Горы денег? К нужному этажу приход сюда начал ка-

заться бессмысленной затеей.

Вставляю ключ в дверь, но она не поддаётся, как будто заперта изнутри. Он дома? Настойчиво стучу в дверь, и она открывается почти сразу. Только передо мной не отец, а женщина в форме клининговой службы.

– Здравствуйте, чем вам помочь? – спрашивает приветливо, но настороженно. Наверняка услышала скрежет ключа в замке.

– Добрый день. Мне бы хозяина квартиры найти. Я соседка снизу. Вы меня топите, – сочиняю на ходу, а ведь раньше врать не умела.

– Не может быть. Я только что проверяла все краны. Прихожу сюда дважды в месяц, чтобы пропылесосить и убедиться, что всё в порядке. Сам хозяин здесь не живёт.

Вот это я удачно зашла.

– Не живёт? Или просто в отъезде?

– Не живёт.

– Откуда такая уверенность? – невольно повышаю на неё голос, хотя понимаю, что эта женщина вообще не причём.

Та недовольно хмурит брови.

– Я сейчас ему позвоню при вас.

– Давайте шустрее.

Уборщица достаёт сотовый и набирает моего отца. Через динамик совершенно чётко слышу его голос, когда он отвечает.

– Мистер Батлер, это Мэри. Тут соседка снизу уверяет,

что вы её топите, но это точно не так. Я всё проверяла.

– Так в чём проблема? Закрой дверь и всё, – доносится до меня его раздражённый тон.

Я красноречиво вставляю ногу в дверной проём и, отрицательно качая головой, демонстрирую экран своего нового смартфона, на котором набраны цифры «911».

– Она грозитя вызвать полицию. Вы можете подъехать и сами с ней разобраться?

На другом конце провода раздаётся чертыхание, а потом совершенно неожиданное:

– Ладно, буду через пятнадцать минут, – и скидывает звонок.

Через пятнадцать минут.

Его нет в Джексонвилле.

Под недоумевающий взгляд женщины трясущейся рукой убираю телефон в карман и плетусь в сторону лифта. Пока его жду, обессиленно припадаю лбом к стене, пытаюсь упорядочить свои мысли и понять, как мне быть дальше с тем знанием, что я жила в огромном воздушном замке, построенном моим воображением. И как мне смириться с тем фактом, что мой отец, которого я так обожала, которого с нетерпением поджидала с работы, сидя на подоконнике, за которого молилась, стоя на коленях перед Распятием в комнате моей верующей бабушки, на самом деле – подлый двуличный человек. Хотя нет, хуже. Он – чудовище. А я – его порождение, которое никогда об этом не забудет.

Выйдя на улицу, присаживаюсь на скамейку неподалёку и натягиваю пониже капюшон своего худи, чтобы отец меня не узнал и не заметил. Это, своего рода, мазохизм, но раз уж я всё равно пришла, решила добить себя окончательно. Вряд ли может быть хуже. Всё, что меня окружало, оказалось фальшивым и притворным, а моя доверчивость, наивность и открытость сыграли со мной злую шутку, ведь реальность сильнее всего бьёт как раз по таким, как я. Лишь моё состояние полной протрации помогает мне держать лицо и не обращать внимания на пустоту в душе.

Пока жду отца, думаю, что мне делать дальше. Первое желание – сбежать из этого города, оборвать все нити, связывающие с его жителями, и начать новую жизнь. Второе – поговорить с отцом и задать все вопросы прямо в лицо. Но разве он ответит? Как я себе это представляю?

– Пап, привет, как обстоят дела с продажей девушек? Спрос есть?

– Привет, дочь. Ещё какой! Собираемся на днях расширять ассортимент.

Горько усмехаюсь, понимая, что не желаю ничего знать. Хочу, как те три обезьяны, закрыть глаза, рот и уши, лишь бы продлить это приятное бесцветное состояние. Лучше не чувствовать ничего, чем ощущать непрерывную тупую боль под сердцем и потерю твёрдой опоры под ногами.

Через пять минут к дому подъезжает три одинаковых внедорожника. Те самые, что были на фотографиях. Наблюдаю,

как водитель первой машины открывает заднюю дверь, и оттуда выходит мой отец. Надо же, у него есть личный водитель, как у грёбаного президента. Вслед за ним к дому отправляются четыре бугая. Как ему удаётся так мастерски играть несколько ролей?

Когда эта пятёрка скрывается за парадными дверями, рывком встаю со своего места, и, набравшись мужества, отправляюсь к человеку, который сможет помочь мне начать новую жизнь.

ГЛАВА 31 ДЕМОН. ПОПЫТКА НОМЕР ДВА

Макс

Для всех в университете Лили находится на больничном, поэтому ни у кого не должно возникнуть вопросов по поводу её длительного отсутствия. Откровенно говоря, я надеюсь, что она больше сюда и не вернётся. Уладить это будет проще простого даже без её согласия. Я переживу, если она будет ненавидеть меня ещё больше, чем сейчас, зато буду спокоен за неё.

Моё участие в деле Демона, как и во всех остальных разбирательствах, было условным. Прикрытием, позволяющим отвести взгляды посторонних от более важной деятельности. И сейчас я жалею, что не занимался им вплотную, распределив обязанности между подчинёнными. Маньяк до сих пор на свободе, вполне возможно, где-то рядом с нами, а я так его недооценил, расставив приоритеты в другом порядке. В любом случае, поздно разводить демагогию. Я уже подписал необходимые бумаги о передаче этого дела Кейт, чтобы не заморачиваться с бюрократическими процедурами, когда мне нужно будет возвращаться домой.

Домой... Где теперь мой дом?

Вздыхаю, наблюдая за откровенной позой Виктории, за-

нимающей, как обычно, место поближе ко мне. Она мне уже осточертела своими бесконечными вкрадчивыми взглядами искустельницы. Ни разу не давал ей ни малейшего намёка на то, что она меня интересует, как женщина. Нет, бесспорно, она – красотка, и тело у неё – полный отпад, но таких, как она – сотни, а безрассудная, бесстрашная и бесстыжая блондинка, запустившая однажды в меня яд – одна. Я отравился, а противоядия так и не нашёл.

Вчера стоял в душе и хохотал, как ненормальный, когда понял, в какой момент всё началось: с её удара каблуком. Она всадила в меня шпильку, как воинственная амазонка, готовая вступить в драку с крепким мужчиной лишь бы защитить более слабого, а я думал только об одном: я провалю, на хрен, всё задание.

– Мистер Кроу, можно я сегодня снова буду в роли жертвы? – брюнетка не оставляет попыток оказаться подо мной, пусть и на спортивном мате.

Она будто не замечает, что я не в духе, продолжая всю кокетничать. Ну, как знаешь.

– Давай, выходи в центр, – стою рядом с кучкой студентов, убрав руки в карманы спортивных штанов, и, пока она идёт в указанном направлении, выбираю ей напарника.

– Мейсон, кажется? – бесстрастно взираю на шуплого парнишку в запотевших очках. Видно, его слабая психика плохо справляется с полуголым «цветником» вокруг. Тот неуверенно кивает, краснея, как перезревший томат. – Сегодня ты

будешь в роли грабителя. Вперёд!

Виктория слегка приоткрывает рот, удивившись такому неожиданному повороту, но деваться уже некуда. Пусть хоть одному парню сегодня будет хорошо.

Тренировка проходит мимо меня, потому что я то и дело возвращаюсь мыслями к Лили. Она по-прежнему дома. Джилл тоже это подтвердила в ответном сообщении. Сегодня или завтра всё решится, и её отца упекут за решётку. Что она будет делать дальше? Эта неизвестность и страх за неё мучают больше всего. Звонок Кейт вырывает меня из этих тревожных дум.

– Лучше бы ты была с хорошими новостями, – буркаю, отойдя в сторону.

– Смотри с какой стороны посмотреть. Хантер сейчас в департаменте и сказал, что догадывается, кто убийца. Мы запросили срочный ордер на арест. Наряд уже наготове.

– Кто он?

– Это она, Макс, – тяжело вздыхает. – Кэтрин Шанталь.

– Твою мать... Эта тихушница? Сейчас поднимусь к ней.

– Сегодня она взяла выходной, её нет в университете. Лучше приезжай в Департамент. И поскорее.

Не попрощавшись со своими подопечными, мчусь к выходу, едва не снося дверь с петель. На душе скребёт мерзкое чувство. Вроде бы должен радоваться, что мы, возможно, у цели, а что-то не даёт мне покоя. Что?

– Мистер Хантер, давайте по порядку. Какие отношения вас связывают с Кэтрин Шанталь?

– Она – моя бывшая жена, – профессор с отрешённым выражением лица снова сидит в комнате допроса.

– Она – мать вашей дочери?

– Да. После родов Кэти впала в затяжную депрессию. Дошло до того, что она чуть не выбросила из окна нашего ребёнка. Она считала, что я разлюбил её и отдал предпочтение девочке, а не ей. Понимаете, она даже нашу дочь называла девочкой, а не по имени... – Крейг опускает голову и начинает тереть свой лоб, вспоминая прошлое. – Мы любили друг друга с самого детства. Я не мог... – на мгновение кажется, что он сейчас заплачет, – просто не мог заявить на неё в полицию.

Помещение по ту сторону стекла наполняется тревожной тишиной. Лоуренс терпеливо ждёт, пока профессор соберётся с дальнейшими мыслями. Через несколько долгих секунд он снова поднимает на неё свои покрасневшие глаза:

– Мы договорились, что она напишет отказную, а я позволю ей иногда видеться с дочерью, если пойму, что она не представляет для неё опасности.

– Как вам удалось скрыть тот факт, что она – мать девочки и ваша бывшая жена?

– Друг со старой работы оказал содействие, – нервно сглатывает. – Вы можете меня осуждать, но я руководствовался благими намерениями. Не хотел, чтобы моя дочь стыди-

лась своей матери. Я и подумать не мог, насколько далеко всё зайдёт!

– За сокрытие этих фактов вам придётся понести ответственность. Вы это осознаёте?

Молчаливый кивок.

– Как Шанталь оказалась вашей коллегой?

– Я лично помог ей с трудоустройством. У Кэтрин хорошее образование, и так она могла быть у меня на виду. К тому же, на протяжении трёх лет по моему требованию она посещала психотерапевта, который выдал заключение о том, что она здорова. Я был уверен, что всё налаживается, понимаете? Вы знаете, что это такое, когда ваш ребёнок зовёт маму по ночам, а вы не в силах её заменить?

– С чего вы взяли, что тех девушек, с которыми вы встречались, убила она? – игнорирует его вопрос Кейт.

Хладнокровная стерва. Далеко пойдёт.

– Кэтрин приходила ко мне вчера, пока дочь была в детском саду. Сначала я подумал, что она пришла просить об очередной встрече с дочерью, но, когда я услышал вопрос о том, почему я вчерашнему свиданию в кино предпочёл заменить колесо соседке, понял, что она снова впала в безумие.

– Вы с ней не договаривались встретиться в кино?

– Договаривались. Пятнадцать лет назад.

Кейт в удивлении приподнимает бровь, и Хантер продолжает:

– Мы ещё только собирались пожениться и впервые силь-

но поспорились. В тот злополучный вечер я помогал соседке поменять колесо на машине и совсем потерял счёт времени. В кино я опоздал, как вы понимаете, а разъярённая Кэтрин в тот вечер избила мою соседку до полусмерти.

– Мистер Хантер, и после этого вы не заподозрили в ней неладное?

– Я любил её! – с досадой выпаливает профессор.

– И опять же. С чего вы взяли, что это она?

– Я не утверждаю. Я сказал, что догадываюсь. Все убитые – мои любовницы. Услугами эскорт-клуба я начал пользоваться около двух лет назад, как раз когда была убита первая жертва. Все дороги ведут ко мне, дураку же понятно, – стреляет в Кейт глазами, будто упрекая, как она сама не смогла прийти к такому выводу. – Просто покрывать Кэтрин больше не намерен. Она не воспользовалась теми возможностями, которые у неё были на протяжении стольких лет, – он горько ухмыляется. – Мать честная, да она думает, что ей сейчас двадцать пять, а не сорок! Даже если это невероятное совпадение, и у всех жертв был один и тот же клиент, который их потом методично убивал, по Кэтрин плачет психушка.

– Почему же она не устранила всех девушек, с которыми у вас были интимные отношения?

– Думаю, у неё не было возможности следить за мной круглосуточно, – пожимает плечами. – Остальным повезло.

Повезло... И рядом с этими вырожденками работала моя девочка. Каким местом я думал, когда отправлял её на это за-

дание?

– Чем закончилась ваша встреча, мистер Хантер?

– Я подыграл ей. Сказал, что она перепутала даты, и в кино мы пойдём завтра. Вызвал ей такси, и она уехала.

Запыхавшийся офицер, влетевший в переговорную, отвлекает меня от допроса.

– Майор Кроу, до вас не могли дозвониться. Шанталь дома не застали. Объявляем в розыск?

– Конечно, объявляем! – мой гневный рык заставляет его выпрямиться по стойке смирно. – Ты устав не изучал?

Тянусь за своим телефоном и обнаруживаю, что он разряжен. Очень вовремя. Только собираюсь уйти в свой кабинет, как слова Хантера заставляют меня похолодеть:

– Вчера ко мне заходила моя студентка. Боюсь, ей теперь тоже угрожает опасность. Моя бывшая жена пришла буквально через пять минут после её ухода. Она вполне могла её увидеть и сделать неверные выводы.

– Что за студентка? Имя, фамилия? – приготовилась записывать Кейт.

– Лилиан Пусси.

ГЛАВА 32 ЦВЕТ НАСТРОЕНИЯ СИНИЙ

Чуть ранее в этот же день...

Лириан

– Лили, ты уверена?

Джилл, на протяжении всего дня мельтешащая перед моими глазами, задаёт этот вопрос уже двадцатый раз. Я считала.

– Уверена. Я сообщу, как устроюсь. Сниму квартиру на двоих, ты приедешь, если захочешь, и заживём, как прежде, – уверяю её, бережно укладывая вещи в спортивную сумку.

Конечно, я скрыла от подруги тот факт, что мой отец – особо опасный преступник. Я всё ещё не знаю, как принять это и понять. Буду ли навещать его в тюрьме? Звонить и писать письма? Это, вообще, нормально, что я так спокойно задаю себе подобные вопросы? Может, мне пора уже хотя бы поплакать? Поистерить? Что-нибудь разбить, как это делают все нормальные люди? Я словно со стороны наблюдаю за своим амёбным состоянием, не в силах возродить былую себя. Меня успокаивает только то, что я не одна. У меня есть замечательные подруги. У меня есть я. Осталось дело за малым: найти то занятие, которое будет приносить мне радость.

– Может, у вас ещё всё наладится? Подумаешь, поругались! – Джилл не оставляет попыток оставить меня в Майами.

– Мы разорвали отношения, а не поругались. Не могу видеть ни его, ни этот город. Он будет мне всегда напоминать о нём. Новое место – новая жизнь! – и, вскинув вверх руки со сжатыми кулаками, для убедительности добавляю погромче: – Ехуу! – *Надеюсь, он сейчас слушает.*

Нахмуренная Джилл скептически оценивает мой наигранный жест, но на этот раз молчит, надув губы.

Напоследок осматриваю свою комнату, и мой взгляд цепляется за синий отблеск в углу кровати. Приподнимаю одеяло и вижу сапфировую подвеску, которую мне подарила Глория. С грустью улыбаюсь, вспоминая добродушие этой девушки. И это после всего, что ей пришлось пережить! Очень жаль, что не удастся с ней поговорить, но её подарок я точно заберу с собой. Прошу Джилл застегнуть подвеску на шею и, поцеловав её, отправляюсь в путь.

До пункта назначения мне предстоит ехать почти целый день, поэтому решаю сначала заехать в Долфин-молл, чтобы прикупить вредной еды и какой-нибудь тёплой одежды. В отличие от Майами в Саванне настоящая осень. Перспектива переехать в прохладный климат, конечно, так себе, но пока я не вижу других вариантов. Спасибо Терминатору и на этом. Один звонок – и меня уже ждут в Юридической школе с возможностью подработки ассистентом у его хорошего друга –

прокурора. Документы из УМ я забрала ещё вчера, поэтому осталось заскочить к Хантеру за рекомендательным письмом, и дело в шляпе. Моя фальшивая фамилия пришлась даже кстати. Начну всё с нуля.

Проезжая по Оушен-драйв, замечаю, как сильно раскачиваются на ветру пальмы. Будто машут мне на прощание. Или, напротив, зовут. В горле встаёт предательский ком и, чтобы не дать волю слезам, врубаю музыку на полную.

Не думать.

Не думать.

Я не должна ни о чём жалеть. Я всё делаю правильно. И *он* тоже всё делает правильно. Только вот незадача: наши «правильности» – это две непересекающиеся прямые. Я знаю, что Макс доведёт это дело до конца и не имею права его осуждать. На кону не моя прихоть, а жизни людей.

Боковым зрением вижу мигающий экран смартфона, оповещающий о входящем звонке с неизвестного номера. Братъ или на братъ? Экран гаснет. Только расслабляюсь, как он начинает снова раздражающе мерцать. Ну ладно. В крайнем случае просто сброшу вызов.

– Алло.

– Лилиан? Здравствуй, это Кэтрин, – слышу торопливый голос своего преподавателя.

Миссис Шанталь? Твою мать, конкурс. Наверное, Брауни сообщил ей о моём уходе, и она теперь запереживала о срыве моего участия.

– Здравствуйте, миссис Шанталь. Извините, что так вышло, но обстоятельства...

– Да, я понимаю. Крейг просил кое-что передать тебе. Ты можешь подъехать к моему дому?

Хм. Он решил передать рекомендательное письмо через неё? Очень странно.

– Да, конечно. Диктуйте адрес, – тут же соглашаюсь я, решив не тратить время, которого у меня нет. Скоро уже начнёт смеркаться, а я ещё даже за черту города не выехала.

К счастью, Кэтрин живёт в частном секторе на севере Майами, и мне не приходится делать лишний крюк. Довольно приятный район. В стиле сериала «Отчаянные домохозяйки». Никогда не задумывалась, как и с кем живёт эта женщина. По-видимому, у неё обеспеченный муж, или она – богатая наследница. Не думаю, что простые преподаватели могут позволить себе подобные особняки с большим гаражом и огромной прилегающей территорией.

Подъезжаю к двухэтажному дому с белым фасадом. Перед крыльцом замечаю красивую ухоженную клумбу в виде альпийского луга и идеально подстриженный газон. Выхожу из машины, вдыхая запах свежескошенной травы. Вокруг такая тишина, что создаётся впечатление, будто здесь застыло время. Нет шума машин, фоновой музыки, бесконечных вспышек с рекламных баннеров, разноголосья прохожих. В общем, абсолютно очевидно: ни за что не буду жить в частном доме.

Трижды стучу в дверь металлическим кольцом дверного молотка, и мне почти сразу открывает Кэтрин. У неё такой вид, словно она плакала всю ночь: полопавшиеся сосуды в глазах, бледное лицо, опущенные уголки губ. Я теряюсь, не зная, что сказать.

– Добрый вечер, Лилиан. Проходи, – она первая вступает в диалог.

– Нет, спасибо, – неловко переминаюсь с ноги на ногу, отводя взгляд от её изучающих глаз. – Я просто тороплюсь. Может быть, вы мне сразу отдадите то, что просил передать мистер Хантер? – Намеренно не упоминаю о рекомендательном письме, посчитав, что могу ненароком подставить Хантера. Наверняка он запечатал его в конверт. Не будет же он трубить на каждом углу о подобных вещах?

На лице Кэтрин мелькает тень недовольства, но она не спорит.

– Хотя бы зайди в дом. На пороге стоять некрасиво. – Она распахивает дверь шире, приглашая зайти внутрь.

Сердце начинает подавать признаки жизни, учащённо ударяясь об мои рёбра, но я глушу в себе это непонятно откуда взявшееся беспокойство. Коротко кивнув, прохожу мимо неё. Пока Кэтрин закрывает дверь позади меня, спешу восхититься внутренним убранством, чтобы не казаться невоспитанной гостьей:

– Как у вас тут хорошо!

– А будет ещё лучше.

Я даже не успеваю обернуться на озадачивший меня озлобленный тон Кэтрин, потому что к моему лицу в ту же секунду с силой прижимают что-то мокрое и вонючее, заставляющее меня делать короткие рваные вдохи, только усугубляющие положение. Перед глазами в тот же миг начинают мелькать разноцветные мушки, руки против воли слабеют, разжимая сухие запястья, сомкнутые вокруг моей шеи, и я проваливаюсь в кромешную тьму.

Макс

После допроса Хантера...

Я перестал верить в Бога в тот день, когда впервые побывал в горячей точке. Тогда я убедился, что не Бог творит зло или добро, а мы сами. Это не Бог вкладывает в наши руки оружие и не Бог отнимает жизни, нажимая на курок, а люди, возомнившие себя вершителями судеб. Но сейчас я почему-то молюсь. Прошу только о двух вещах: пусть она будет жива, и пусть это дурное предчувствие, которое занозой засело в моём подреберье, окажется какой-нибудь желудочной коликой. Меня уже не волнует Демон, Батлер и все те, кто встанет на моём пути в будущем. В данный момент для меня имеет значение только настоящее. Я боюсь не успеть и боюсь, что Лили догадалась про отслеживающее устройство в телефоне, и на самом деле она сейчас не у себя. Плохи мои дела. Раньше в моём лексиконе не было трусливого слова «боюсь».

Резко торможу возле дома Лили, сбивая урну, судя по грохоту металла. Но сейчас мне настолько плевать, что вылетая из машины, я даже не закрываю за собой дверь.

У меня дежавю: я снова колочу по этой двери, только на этот раз она открывается. На меня в упор смотрит ошеломлённая Джилл. Не дождавшись приглашения, молча и бесцеремонно вхожу в квартиру, держа курс на комнату Лили.

– Макс, она уехала, – останавливает меня безжизненный голос девушки.

Будто не услышав, распахиваю дверь спальни и понимаю, что Джилл не врёт. Комната пуста. Разве что на тумбочке лежит её телефон. Нажимаю кнопку питания. Так и есть: включён. *Что же ты наделала, Лили...*

– Куда? – наконец, отмираю я.

– Она просила не говорить, – Джилл начинает шмыгать носом, будто догадываясь, что без причины я не стал бы вламываться к ним вот так. – В Саванну, – тут же не выдерживает моего испепеляющего взгляда.

– Давно?

– Часа два назад, а ч-что?

– Лили сменила номер? Я звонил ей. Она недоступна.

– Нет. Просто купила новый телефон. Макс, ты меня пугаешь. В чём дело?

Снова вхожу в спальню Лилиан и начинаю обыскивать тумбочку, судорожно цепляясь за последнюю надежду. Её нигде нет. Нет, не надежды, а синей безделушки.

– Что ты ищешь? – Джилл кружит вокруг меня, ещё больше нервируя.

– Сапфир. Он у неё?

– Д-да.

– Хоть что-то, – сдержанно отвечаю несмотря на пламя внутри и спешу на выход, набирая Брайана.

Неугомонная Джилл шагает вслед за мной:

– Макс, что случилось? Скажи, что мне делать?

Оборачиваюсь, пока идут длинные гудки:

– Молись, – и захлопываю дверь.

Брат отвечает с третьего дозвона, громко зевая:

– Здравия желаю, полковник. – Знаю, что он не спал почти сутки, но что поделать.

– У нас проблемы, – лихорадочно расстёгиваю верхние пуговицы рубашки, удушающие меня, и завожу двигатель. – Сколько тебе нужно времени, чтобы определить местоположение Лилиан? На ней камень.

– Так и знал, что ты помешался на этой девчонке, – зло усмехается, явно взбодрившись, и добавляет: – Она того стоит?

– Она стоит гораздо больше! – практически рычу на него. – Будем и дальше вести задушевные беседы, или ты всё-таки мне поможешь?

– Не нуди. Уже ищу, – на фоне слышу звук клавиш. – Нашёл. Майами-Лейкс. Радиус поиска метров пятьдесят. Поче-

му-то сигнал плоховат, но точка не двигается.

– Скинь мне координаты.

– Слушаюсь!

– Не дерзи. И спасибо, – скидываю Брайана и сразу набираю Кейт.

– Макс, наконец-то! До тебя не дозвониться! – взволнованная тирада Лоуренс заставляет меня напрячься.

– Ну? – подгоняю её.

– Мы вскрыли дом Шанталь. Слушай, это пи**ц. – *Если она нецензурно выражается, дело – дрянь.* – Тут целый алтарь, посвящённый Хантеру. Сотни его фотографий. Она точно душевнобольная. И ещё... В гараже стоит машина Лириан, но её самой здесь нет. Экспертов уже вызвала.

– Кейт, ты серьёзно? Может, надо было начать с этого? – скрежещу зубами, вцепляясь в руль мёртвой хваткой.

– Я звоню Батлеру? Он должен знать, – спрашивает уже более поникшим голосом.

– Я сам ему позвоню, – отклоняю вызов.

Чёрт, чёрт... В очередной раз вымещаю свой гнев на несчастном руле, ставшем мне боксёрской грушей. В последнее время я стал так часто обращаться к чёрту, что он наверняка ждёт меня в аду с распростёртыми объятиями. Если я сейчас сообщу координаты местонахождения Лилиан, ко мне будут вопросы. Я подставляю всех, кто участвует в спецоперации по Батлеру. Придётся действовать в одиночку. Тяну руку под соседнее сиденье и, достав оттуда свой Кольт,

засовываю его за пояс. Если понадобится, убью эту с*ку, не дрогнув. Спасибо тому гневу, который сейчас бурлит во мне, как вскипающая лава.

Казалось, этот день уже не может быть хуже, но нет. На дисплее смартфона высвечивается имя контакта, который звонит только в экстренных случаях.

– Слушаю, – прочищаю горло, чтобы вернуть себе самообладание.

– Макс, думаю, ты должен знать. Через час состоится передача партии.

– Я отказался от этого дела, Майкл, – ещё крепче стискиваю руль, готовясь услышать то, что мне точно не понравится.

– Знаю. Но решил предоставить тебе выбор. У них приказ открывать огонь на поражение.

– Какого дьявола? Ты дал слово! – глаза мгновенно наливаются кровью от неконтролируемой злости.

– Стивен перехватил один файл. Сегодня на встрече мы ждём чикано²⁸, который ускользает от нас уже больше десяти лет! Извини, но под раздачу попадут все. Сам знаешь, эти сволочи плодятся, как насекомые. О ней я позабочусь, не переживай.

О ней...

Только вот, если протянуть время, заботиться, возможно, уже будет не о ком.

²⁸ Чикано – американец мексиканского происхождения.

– Где встреча?

– В порту, – быстро отвечает мой босс, будто только и ждал этого вопроса.

Сукин сын. О каком выборе он говорит? Надеюсь, моя семья простит мне этот поступок. Резко сворачиваю на обочину и снова звоню единственному человеку, на которого я могу рассчитывать, как на самого себя.

ГЛАВА 33 СПАСИТЕЛЬ

Лилиан

Господи, что за вонь? Джилл наверняка включила какую-нибудь «Битву шеф-поваров» и пытается повторить их шедевры. Знает же мою «любовь» к рыбе, а всё туда же. И почему так холодно? Она поставила кондиционер на минусовую температуру? Как же хочется спать... Но нужно встать и позвать её, иначе я здесь околуюсь. Пытаюсь пошевелить конечностями, но тело меня не слушается. Ощущение, будто я отлежала не только руки, но и ноги.

Внезапно в ноздри ударяет резкий аммиачный запах, который заставляет меня выйти из небытия. Распахиваю глаза и рефлекторно тяну руку к ним, чтобы прикрыться от ослепляющего света.

– Проснулась? – этот голос служит триггером для моего сознания, в котором тотчас начинают мелькать кадры: вот я стучу в дверь, она открывается, и меня встречает заплаканная миссис Шанталь. Вот я вхожу в её дом и... И всё. Темнота.

– Что случилось? – не узнаю свой охрипший голос. Пытаюсь привстать, и тут до меня доходит, что я лежу на ледяном полу. Приподнимаюсь, опираясь на руку, и осматриваюсь. Вокруг меня металлические стеллажи с ящиками, а сверху подвешен светодиодный фонарь, служащий здесь единствен-

НЫМ ИСТОЧНИКОМ СВЕТА.

– Ты случилась, Лилиан. Давай соображай быстрее, а то ты меня разочаровываешь. – Кэтрин, одетая в рабочий комбинезон и берцы, отходит от меня на пару метров.

Это какой-то абсурд. Что ей от меня нужно? Сажусь прямо, даже не пытаюсь встать. Не знаю, чего ждать от этой женщины с безумным взглядом. Подтянув ноги к себе, натягиваю прямо на колени свою трикотажную футболку, потому что я одета, так скажем, «не по погоде». Растирая побледневшие предплечья, пытаюсь сопоставить факты, но ничего не выходит.

– Так, ладно. У меня нет времени с тобой возиться, – раздражается Кэтрин, постукивая по ладони каким-то металлическим прутком. – Так и быть. Из уважения к твоим стараниям в учёбе дам тебе умереть без особых мучений.

– Умереть? – возмущаюсь я, но при виде злобно выпяченной челюсти Кэтрин мигом решаю изменить тон на покорный: – Миссис Шанталь, что происходит? Я вас чем-то обидела?

Женщина направляет на меня свои вытаращенные глаза, как будто я задала наиглупейший вопрос.

– Обидела? Ты легла под моего мужа, тварь! – делает два быстрых шага в моём направлении и со всего размаха вклепывает мне обжигающую пощёчину. В щёку будто вонзаются тысячи игл. На мгновение я даже о холоде забываю.

Кэтрин тут же отходит назад, словно догадывается, что у

меня уже промелькнула мысль накинуться на неё. *Так, для начала надо попробовать встать.*

– Я... я не понимаю, о чём вы. Я не знаю вашего мужа, – кое-как встаю на слабых ногах и прислоняюсь к стеллажу позади меня. – Это какая-то ошибка, миссис Шанталь.

– Прекрати называть меня «миссис Шанталь»! Моя фамилия – Хантер! – и тычет в меня своей палкой, заставляя отклонить голову в сторону, чтобы уберечь глаза. Сразу отбрасываю своё удивление по поводу того, что она жена Терминатора, концентрируюсь только на том, что лежит в ящике за мной.

Едва заметно перетаптываюсь на месте, чтобы хотя бы немного разогнать кровь по своим сосудам. Здесь жутко холодно, а на мне шорты, футболка и кеды. Я уже поняла, что это помещение – что-то вроде рефрижератора, судя по размеру и автомобильным дверям за спиной этой психопатки.

– Хорошо, миссис Хантер. Давайте поговорим, – выставляю руку вперёд в примирительном жесте. – У меня ничего нет с вашим мужем.

Моя некогда милая преподавательница закатывается мерзким громким смехом, и я, пользуясь тем, что она отвлеклась, ныряю рукой в контейнер. Схватив своё мёрзлое «орудие», прячу его в задний карман шорт. Что бы сказал Макс, узнав, чем я собралась обороняться? Он уже надорвал бы живот от смеха. Но я должна хотя бы попытаться. Мне ни в коем случае нельзя дать Кэтрин уйти отсюда, иначе она

меня здесь закроет, и уже через час я покину эту бrenную землю. Как-то не планировала умирать в скрюченной позе. Я же ещё и фиолетовыми трупными пятнами покроюсь. Господи, у меня уже начал отмерзать мозг? Какого чёрта в такой ситуации я думаю о подобной ерунде?

– Лилиан, хотя бы ты не отнекивайся, – её мнимое веселье сходит на нет, и она снова впериывает в меня свой злорадный взгляд. – Вы даже в университете особо не скрывались. Я прекрасно видела, как вы тёрлись друг об друга! – её крик в таком небольшом помещении звучит особенно зычно. – Да ты даже свою помаду не потрудились стереть с его рубашки!

Она про тот случай, когда мы столкнулись с Хантером? Она точно больная. Что же предпринять? *Думай, думай...* Делаю крошечный шаг в её направлении и пытаюсь заболтать её:

– Миссис Ш... Хантер, – делаю жалобное лицо. – Вы всё поняли неверно. Моя помада осталась на рубашке профессора совершенно случайно, – делаю ещё один микроскопический шагок. – Я налетела на него в коридоре. Это было недоразумение.

– Недоразумение – это ты, и все те шлюхи, которые влезли в мою семью! Вчера ты тоже заходила к нему случайно? Адресом ошиблась? Наши отношения благословлены Богом, а вы все – исчадия ада, от которых нужно избавляться, не жалея. Ну ничего. Их проучил сам Демон! Ты – следующая. Что за ахиня? Исчадия ада?

Внезапная догадка заставляет меня застыть на месте. *Холодильник, «те шлюхи», Демон...*

– Вы – и есть Демон? – все волоски на теле мгновенно встают дыбом, хотя, казалось бы, куда уж больше. Я и так вся в мурашках от собачьего холода.

Кэтрин ядовито ухмыляется, но на вопрос не отвечает.

– Я думала он поймёт, догадается, что мы предначертаны друг другу. Что каждого, кто посмеет нам помешать, настигнет кара. Но он продолжал снова и снова наказывать меня. Специально вызывал мою ревность, чтобы я вернулась к нему. Думаешь, случайно он выбирал брюнеток? – и многозначительно показывает на свой цвет волос. – Только последняя выбилась из общей картины, – она задумчиво всматривается в мои волосы, снова принимая злобное выражение лица, и продолжает: – Но я вернулась бы только в одном случае: если бы стала для него единственной.

Пока она несёт всю эту чушь, успеваю ещё немного приблизиться к ней несмотря на жуткую слабость во всём теле. Кажется, у меня начинает развиваться гипотермия, а значит у меня не так много времени до потери сознания. Мой взгляд падает на кочергу в её руке. Она собиралась её накалить и тоже пометить меня пятиконечной звездой? Женщина, будто прочитав в моём взгляде немой вопрос, поясняет:

– Остальным повезло меньше, чем тебе. Они умирали в полном неведении, за что, – на её лице появляется злобный оскал, такой непохожий на милые улыбки, которыми она

одаривала своих студентов всего несколько дней назад. – Как тебе идея с меткой? Если честно, сама не ожидала, что нашу вездесущую полицию удастся водить за нос таким способом.

Боже, бедные девушки. Выходит, Хантер имел связь со студентками? Вот говнюк.

– Так что можешь сказать спасибо, что ты сейчас не кричишь, умоляя о помощи, которой не будет, но зато успеешь помолиться и покаяться перед Всевышним.

Кэтрин начинает отступать к двери, не спуская с меня глаз, а я прикидываю, с какого угла на неё наброситься. Только дёргаюсь, чтобы совершить рывок, как она замирает и со смехом хлопает себя ладонью по лбу:

– Чуть не забыла! Ты мне нравишься Лилиан, честно. Поэтому дам тебе возможность самой выбрать, где на тебе поставить клеймо после того, как ты подохнешь. – Может, здесь? – и резким движением втыкает прут в мой живот.

Сгибаюсь пополам от внезапной боли и невольно начинаю хватать ртом воздух. *Ну, коза, ты меня разозлила!* Притворно закашливаюсь, чтобы рассеять её внимание, а сама пользуюсь тем, что эта ненормальная упёрла кочергу в пол. Рывком кидаюсь в её сторону и, схватившись за прут, с силой дёргаю его на себя вместе с Кэтрин, вцепившейся в него мёртвой хваткой. От неожиданности она оступается и по инерции летит прямо в стеллажи, которые были за моей спиной.

– Не подходи! Убью! Клянусь, убью! – ору, размахивая

перед ней палкой, выдернутой из её рук.

Теперь мы с ней поменялись местами: я – у двери, а она – на моём прежнем месте. Женщина явно не ожидала такого поворота. Её растерянное выражение лица и бегающие глазёнки только подтверждают это. Свободной рукой пытаюсь нащупать замок на двери, но у меня ничего не выходит. Либо мне придётся развернуться и подставить спину своей убийце, либо так и будем тут стоять, пока обе не околеем. Но Кэтрин решает за меня.

С безумным воплем она бросается ко мне, хватая за волосы. Я успеваю лишь перехватить кочергу в обе руки, чтобы приставить к её шее. Шанталь закашливается и я усиливаю нажим, отталкивая её к боковой стене. Она рефлекторно хватается за прут, пытаясь оттянуть его от своего горла и давая, тем самым, мне преимущество. Начинаю душить её по-настоящему так, как нас учили в академии, но, когда я вижу, как она багровеет и обмякает, закатывая глаза, мне становится страшно. Действительно страшно от того, что я вот-вот лишу человека жизни и стану убийцей. Такой же, как она. Я не могу. Не могу!

Откинув кочергу ногой под нижние полки, отстраняюсь от Кэтрин и сразу кидаюсь к двери, пока она ловит ртом желанный кислород. Долбаный замок! Дёргаю его что есть силы, но он не поддаётся.

– Помогите! Кто-нибудь! – кричу во всё горло, колотя по двери.

Оборачиваюсь как раз в тот момент, когда разъярённая стерва заносит над моей головой замороженный брикет. Не успеваю даже ахнуть от нестерпимой боли, на доли секунды отключающей картинку перед глазами. Она валит меня на пол и, усевшись верхом, снова ударяет по голове. Не могу сфокусировать зрение. Я практически ничего не вижу и ничего не чувствую. Ощущаю только что-то влажное, стекающее по моим вискам.

– Надо было сразу оставить тебя подыхать, как тех идиоток! – перекрутив гайтан с сапфировой подвеской, она начинает с силой затягивать его, перекрывая мне доступ воздуха. – Но нет же! Захотела посмотреть в твои лживые глаза. Чтоб тебя... – и ещё сильнее стягивает мою шею.

Кэтрин зажала мои руки своими бёдрами, полностью обездвигив и лишив меня любой возможности хоть как-то защититься. Мои голосовые связки способны только на свистящие звуки. Не могу никого позвать на помощь. Да и кто услышит меня в этом грёбаном бункере? От удушья глаза заполняют слёзы. Понимаю, что это конец. Так глупо и нелепо. Не эти глаза я хотела бы видеть напоследок. Совсем не эти.

Внезапный грохот, вскрик Шанталь и освобождение моей шеи от удавки возвращают меня из преисподней. Её стаскивают с меня, и я, наконец, могу вдохнуть. Надсадный кашель вкупе с хрипами заставляет меня скорчиться, отодвинув на задний план мысль о том, чтобы рассмотреть своего спасителя. Краем глаза только замечаю, как голову Кэтрин

прижимают к полу, и раздаётся знакомый щелчок наручников. Она не кричит, не стонет, и, кажется, будто не дышит. Её остекленевший взгляд застывает на одной точке.

– Ты как? Встать можешь? – Перед моим лицом появляется рука, протянутая ладонью вверх.

Поднимаю взгляд, услышав смутно знакомый голос, и не могу скрыть своего изумления:

– Хоук?

ГЛАВА 34 СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

Брат Глории хмурит свои тёмные брови и цокает языком:

– Можешь не благодарить. Давай скорее, у нас нет време-

ни.

Принимаю его крепкую руку, облачённую в тактическую перчатку, и он помогает мне встать на ноги. Перешагиваю через свою душегубку, подмечая, что она всё же дышит.

– А её мы тут оставим?

– Пусть остынет. – Парень спрыгивает с фургона и, ухватив меня за талию, мягко опускает на землю.

Угрюмо осмотрев мою голову, он вынимает из кармана какой-то пакетик, разрывает его и прикладывает к ране прохладную салфетку, по-видимому, пропитанную антисептиком. Не ожидала такого бережного обращения от этого грубияна. Замираю, вглядываясь в его глаза необычного оттенка, напоминающего траву, освещаемую солнцем.

– Да не парься ты так, святоша! Копы уже в пути. – Мой ступор он расценивает, как беспокойство о Кэтрин. – Бегом в машину! Чует моя задница, братцу нужна помощь.

Хоук открывает мне дверь серебристого спорткара Porsche. Мы поедem на гоночном автомобиле? Боже, кто он такой? И только сев в салон, до моих отморозенных извилин доходят его последние слова и, вообще, всё, что произошло за последние несколько минут.

– Хоук, погоди. У тебя ещё и брат есть? У Глории два брата? И как ты вообще тут оказался?

Он невозмутимо накидывает на глаза солнечные очки, хотя на улице уже стемнело, и трогается с места, сразу разогнавшись до немыслимой скорости. За окном степь. Получается, Кэтрин вывезла меня за пределы города.

– Так, давай проясним сразу. Не привык жевать сопли, поэтому скажу как есть. Глория – моя сестра, а Макс – мой брат. Улавливаешь цепочку? – Он ловко орудует рычагом переключения передач, даже не представляя, насколько ошарашил меня. – Жвачку будешь? – и протягивает Dirol с таким видом, будто он не от смерти меня сейчас спас, а подобрал на обочине, как случайную попутчицу.

На автопилоте беру пачку, достаю белую подушечку и кладу в свой онемевший рот. Это что получается: Глория – сестра Макса? Бог мой... Она – его сестра! Она со мной дружила после всего, что с ней произошло по вине моего отца? Тот факт, что Глория, находясь рядом со мной, наверняка должна была выудить какую-то информацию, уже совсем не беспокоит. На фоне обилия новостей это кажется сущим пустяком.

– Чем воняет?

Хоук чуть склоняется в мою сторону, обнюхивая воздух в районе моего плеча. Я тоже начинаю ощущать этот рыбно-тухлый аромат, который только усиливается по мере нагрева сиденья подо мной.

– Чёрт... – лезу в карман и достаю оттуда довольно длинное щупальце краба, которое я схватила, чтобы воткнуть, к примеру, в глаз Кэтрин. Не судите строго. У меня не было выбора. К тому же, в замороженном виде оно выглядело не так убого, как сейчас. Открываю окно и выбрасываю.

– Даже знать не хочу, что эта штука делала у тебя в шортах, – фыркает. – Но догадываюсь.

Никак не реагирую на его язвительную реплику, потому что все мои мысли теперь заняты только одним.

– Ты сказал, что брату нужна помощь. Где он?

Хоук нажимает пальцем на сенсорный экран небольшого планшета и начинает шустро вводить какие-то символы, умудряясь ещё и за дорогой следить. Да он – долбаный Цезарь!

– В порту, – кидает быстрый взгляд на часы, потом на спидометр. – Надеюсь, тебя не укачивает? Голова в норме?

Отрицательно машу головой, но на всякий случай хватаюсь за ручку, когда вижу, что стрелка уже приблизилась к цифре 200.

– Что он там делает?

– Папашу твоего спасает.

– К-как? – внутри всё леденеет.

– Так! – слышу раздражение в его голосе. – Макс отошёл от этого дела, но узнал, что сверху отдали приказ убрать всех, кто будет на сегодняшней сделке.

– И что он собирается делать?

– Самую большую ошибку в своей жизни.

– Ты можешь отвечать нормально?

– Слушай, куколка, – парень сжимает челюсть, словно пытается усмирить в себе гнев. – Расклад такой: он хочет опередить бойцов SWAT²⁹. Один. Сечёшь?

– Он сам сказал это?

– Не сказал, – нервно вздыхает. – Я сам знаю, что это так. Он не назвал даже место передачи товара. Если бы не моя предусмотрительность, – Хоук щёлкает по голове фигурки точно такого же полицейского, как в машине Макса, – совсем скоро вы бы с ним встретились.

– Встретились?

– Ага. На небесах.

– Как тебя Макс до сих пор не прибил?

– Любит, наверное, – усмехается, пожимая плечами.

Оцениваю профиль Хоука и подмечаю сходство обоих братьев. Такой же нос с небольшой горбинкой, форма подбородка и губ. Только волосы у него темнее и стрижка более дерзкая: с выбритыми висками. А ещё, он явно младше Макса и характером попротивнее.

Отворачиваюсь к окну, думая о своём любимом мужчине. Не могу поверить, что он пошёл на такой риск. Ради меня? Уж точно не ради отца, который был не только его служеб-

²⁹ SWAT – подразделения в американских правоохранительных органах, которые используют лёгкое вооружение армейского типа и специальные тактики в операциях с высоким риском, в которых требуются способности и навыки, выходящие за рамки возможностей обычных полицейских.

ным заданием, но и личной вендеттой. И он был готов уехать со мной? Как он может быть с той, кто будет постоянным напоминанием о его враге? Как я смогу жить дальше, зная всё это, и смотреть в глаза Глории?

Господи, отец... Его собираются убить.

Голова начинает раскалываться от гудящего роя вопросов. А что если Макс не успеет? Что если что-то пойдёт не так? Спецотряд не будет разбираться, где свой, а где чужой. Боже, у меня сердце сжимается в колючий клубок при мысли о том, что с ним может что-то случиться. Когда я сгоряча бросила в него едкие слова о том, чтобы он исчез, конечно, я этого не хотела. Никогда не хотела. Ни единой секунды своей жизни...

Сердце с перебоями ударяется о грудную клетку, и губы невольно начинают подрагивать, сигнализируя о том, что мой шок начинает сходить на нет. Обхватываю рукой горло и только сейчас вспоминаю о своей саднящей коже в месте удушения. Нащупываю камень, и меня осеняет догадка. Ну конечно! Как бы ещё меня нашёл этот брутал.

– Ты тоже агент ФБР? – решаю пообщаться с ним, чтобы собрать себя в кучу и не раскисать.

– Хуже, – спокойно отвечает Хоук, маневрируя в уплотняющемся потоке машин. Мы подъезжаем к городу.

Кстати.

– Это твоё настоящее имя?

– Решила поиграть в репортёра? – Резко тормозит на све-

тофоре, забавляясь тем, что меня откидывает вперёд.

С чего я взяла, что, раз он меня спас, мы теперь можем болтать, как старые приятели? Он наверняка ненавидит моего отца вместе со мной в придачу. Отвожу взгляд в боковое окно и спустя минуту слышу:

– Это мой позывной. Меня зовут Брайан.

Брайан. Вспоминаю это имя, случайно произнесённое Стивенем в «Komodo», и машинально вздыхаю. Я уже начинаю привыкать к тому, что всё это время была невольным участником спецоперации, и меня окружали одни обманщики и подставные друзья. Интересно, Глория передавала Максиму все мои откровения? Ухмыляюсь себе под нос. Даже если передавала, это никогда не искупит мою вину перед ней.

Всю оставшуюся дорогу до порта мы проводим в напряжённом молчании. Не знаю, что собирается делать брат Максима, но хочу верить, что у него есть надёжный план. Он внушает доверие, особенно после того, как я стала обязана ему жизнью.

Брайан благоразумно отключает фары и, сбавив скорость до минимума, практически беззвучно въезжает на огромную территорию порта. Днём здесь оживлённо и шумно от криков снующих туда-сюда грузчиков и работающих подъёмников, а сейчас всё вымерло. Но эта тишина обманчива. В этом я убеждаюсь, как только мы тормозим в затемнённой зоне возле одного из контейнеров. Примерно в трёхстах метрах от нас просматривается погрузочная площадка и небольшая

кучка людей в застывших позах с широко расставленными ногами. В ужасе хватаюсь за панель, когда вижу, что двое из них держат Макса, а мой отец стоит напротив и направляет на него дуло пистолета. Кажется, он что-то ему говорит, судя по дёрганым движениям рукой.

– Сиди здесь и даже не думай высовываться, поняла?

Брайан быстро достаёт из-под своего сиденья два пистолета, прячет один в кобуру, а второй снимает с предохранителя и оставляет в руке. Аккуратно открывает дверь машины и, прежде чем закрыть её за собой, заглядывает в салон:

– Под твоим сиденьем есть нож, не поранься. – И убегает прочь, скрываясь за рядом контейнеров и оставляя меня один на один со своим страхом. Не за себя. А за мужчину, который мне дороже всего на свете и которого я безумно боюсь потерять.

Макс

– Кроу, ты – идиот! – меня пронизывает жалящий взгляд Батлера. – Неужели ты думал, что я ничего не знаю? – усмеяется, раздражённо почёсывая свой лоб дулом пистолета.

Сплёвываю кровь из разбитой губы ему под ноги и стискиваю зубы от ярости, не сводя глаз с этого надменного ублюдка. К сожалению, я – не ниндзя, и положить сразу четырёх вооружённых охранников мне не по силам.

Сначала всё шло, как надо. Я позвонил Батлеру, сказав, что Лили угрожает опасность, и нам нужно срочно встре-

титься, чтобы обсудить дальнейшие действия. Разумеется, он уже был на пути в порт, и я почти со стопроцентным попаданием предугадал его дальнейшие шаги, кроме одного. Я и подумать не мог, что он занимался тем же самым.

Я подждал его Гелендваген у въезда в ангар. Мне нельзя было допустить встречи Батлера с мексиканцем. Моей целью был его арест с конфискацией всех бумаг, которые должны были быть при нём, а что дальше будут делать с остальной группировкой – уже не моя забота. Так отцу Лили светило бы только заключение и, вполне возможно, я бы даже поспособствовал тому, чтобы ему слегка смягчили наказание. Мне лишь нужно было уберечь его от запланированной зачистки, иначе я никогда не простил бы себе бездействие. Я знаю, как этот человек важен для Лили. Она совершенно точно предпочла бы справедливый суд, а не расстрел. Что предпочитал сам Батлер, было последним, о чём я думал. И зря. Я просчитался по всем фронтам.

Сев рядом с ним на заднее сиденье, я двумя точными ударами по шее вырубил тех, что были спереди, а Джон продолжал восседать с невозмутимым видом, даже не шелохнувшись. Словно знал наперёд, что именно этим я и буду заниматься. Он произнёс всего две фразы, которые заставили меня, пусть и временно, признать поражение: «Я знаю, кто твой брат. Если через минуту я не выйду из машины, мой человек отправит его данные по нужному адресу».

Мне нужно было протянуть время, чтобы перестроить

первоначальный план, поэтому теперь я стою перед ним в унижительном побеждённом положении, выслушивая насмешки. По крайней мере, я знаю, ради *кого* я пошёл на это.

– Пока твои ищейки вынюхивали на меня компромат, мои люди шли за ними след в след. Как тебе такое, а? – ехидно скалится, демонстрируя своё превосходство. – Твоя интрижка с моей дочерью была мне даже на руку. Ты совсем растерял бдительность, Кроу, ай-ай-ай... – порицательно покачивает головой в издевательской манере. – Ну, ничего, она переживёт твоё внезапное исчезновение. Тем более, находясь в другом городе.

Смотрю в его голубые глаза, такие же, как у его дочери, и не могу понять, как у такой сволочи мог родиться ангел. Хоть и с рожками. Улыбаюсь, представляя перед собой Лилян. Пусть лучше это будет моим последним воспоминанием. Телефон в кармане не вибрирует, значит Брайан успел. Это самое главное. Мой брат – гений.

– Тебе весело? – приставляет дуло пистолета к моему лбу. – Я посмотрю, как ты будешь веселиться через... – смотрит на свои наручные часы, – десять минут. Хочу, чтобы ты своими глазами увидел свой проигрыш.

Я продолжаю упорно молчать, мысленно вставляя нож в его сердце и прокручивая до самой рукоятки. Батлер делает небольшой шаг в мою сторону и понижает голос:

– Через десять минут вся твоя дружная компания, включая дружка-хакера и тех, кто остался в Лос-Анджелесе, бу-

дет ждать сюрприз. Некто, пожелавший остаться неизвестным, скинет очень занятные файлы в Управление. Представляешь, совершенно случайно они оказались двойными агентами, занимающимися шпионажем! – хищно скалится, даже отдалённо не напоминая того человека, который расхаживал по Департаменту.

Стараюсь не ухмыляться, чтобы не разочаровывать его раньше времени. Хотя бы такой исход мы давно предусмотрели. Краем глаза улавливаю движение за спиной двоих амбалов, которые уже через секунду валятся на землю, как подкошенные, и шея Батлера тут же оказывается в захвате. Остальные среагировать не успевают и застывают, соображая, что предпринять дальше.

– Ты и ты, отпустили его! Живо! – рявкает Брайан тем, что меня держат. Одной рукой он прижимает к себе Джона, а другой вдавливая пистолет в его висок.

Меня отпускают, и я с лёту наношу удар одному в солнечное сплетение, отчего он сгибается пополам и начинает пошатываться. Выдёргиваю пистолет из его кобуры и сразу же направляю его на второго отморозка, приготовившегося к нападению.

– Это всё, конечно, занятно, но вы уверены, что справитесь? – сдавленный голос Батлера вынуждает меня обернуться, и я наблюдаю, как на территорию въезжает целый кортеж из чёрных машин. Плохо, очень плохо.

Кивком даю понять Брайану, что пора отходить, и в тот

момент, когда он начинает отступать, продолжая удерживать Батлера, в нескольких метрах от нас раздаётся оглушающий взрыв. Его волна сбивает меня с ног. Вскрываю почти сразу, удерживая пистолет перед собой и прищуриваясь от едкой пыли и мусора, витающего в воздухе. Не успеваю крикнуть Брайану о том, что в паре метров от него люди в масках. Раздаётся выстрел, выбивающий пистолет из его руки, и меня сзади снова хватают, перекрывая ненадолго обзор на происходящее передо мной. Ударяю затылком схватившего меня, но, как только понимаю, что я снова на свободе, слышу голос Лили, который ещё долгое время будет звучать в моей голове страшным набатом:

– Папа, не надо! – Передо мной внезапно появляется любимая белокурая макушка, и раздаётся выстрел. А потом ещё и ещё.

Я уже не понимаю, откуда все эти звуки. Меня словно погружают в безвоздушное пространство. Или меня настолько оглушил взрыв? Не вижу ничего и никого вокруг, потому что фокусируюсь только на том, как хрупкая фигурка Лили неестественно дёргается и застывает. Подхватываю её сзади, пытаюсь уберечь от шальных пуль, и замечаю, что её неверящий взгляд замер на точке перед собой. На отце, ещё секунду назад направлявшем своё оружие на меня. Тот оседает на колени, захлёбываясь собственной кровью и хватаясь за грудь, но продолжает точно так же безотрывно смотреть на свою дочь. В глазах – отголоски сожаления. Только когда я слышу

его хриплое «Прости», замечаю, что Лили тоже прикрывает рукой живот, а на её футболке расплзается алое пятно.

Нет, нет, нет...

Опускаюсь с ней на землю, прижимая к своей груди. Нахожу взглядом Брайана, который уже звонит, куда следует. Дрожащей рукой пытаюсь пережать кровоточащую рану, но понимаю, что этого мало. Лили прикладывает свою ладонь к моей щеке как раз в тот момент, когда я начинаю бегло осматривать её тело на признаки других ранений:

– Макс, – зовёт полушёпотом.

Смотрю в небесные глаза, которые мне столько раз снились одинокими ночами, и её губы растягиваются в подобии улыбки.

– Ш-ш-ш, молчи, – целую её. – Всё будет хорошо. Помощь уже едет.

Судорожно отрываю от её футболки лоскут ткани, нервно скручивая его в тампон, которым прижимаю пулевое отверстие.

– Макс, посмотри на меня, – возвращаю взгляд к её лицу и впервые чувствую себя настолько уязвимым, беспомощным, жалким. Глаза покрываются мутной пеленой, сердце нестерпимо ноет от её взгляда. Какого чёрта она улыбается и смотрит вот так? Как в последний раз...

Эта чёртова пуля предназначалась мне, и сейчас я отдал бы всё, чтобы поменяться с Лили местами. Не отрываясь, вглядываюсь в неё, прижимая одной рукой ещё сильнее, и

целую в лоб, успокаивая то ли её, то ли себя:

– Упёртая моя малышка, тебе нельзя сейчас говорить.

– Хочу видеть твои глаза, Макс. Смотри на меня.

– Смотрю, – шепчу в её губы. – Скорая вот-вот будет. У тебя крошечная царапина, – натянуто улыбаюсь.

– Ты любишь меня? – задаёт идиотский вопрос, от которого хочется волком завывать.

– Больше жизни, – снова целую её в губы и приглаживаю растрепавшиеся волосы, стараясь избегать приличной ссадины у виска. Об этом спрошу позже.

– Так и знала, – снова улыбается, слегка прикрывая веки.

Чувствую, как она тяжелеет в моих руках из-за полуобморочного состояния. Она не закрывает глаза. Не допущу. Встаю с ней на руках и направляюсь в сторону въезда, чтобы стать ближе к скорой помощи хотя бы на несколько метров. Мне дорога каждая секунда. Лили слабо обхватывает мою шею и продолжает улыбаться, не сводя с меня своего затуманенного взгляда.

Вокруг бегают люди в форме, разгребая последствия перестрелки. Вдоль чёрных машин с поднятыми руками стоят уроды, приехавшие на сделку. По снаряжению узнаю бойцов SWAT, на фоне которых выделяется одинокий силуэт Майкла, не решающегося подойти к своей крестнице. Нас свела вместе служба в Ираке. Я его спас, и в благодарность он предложил мне высокую должность в ФБР с большими перспективами. Кто же знал, что так всё обернётся...

Прохожу мимо Брайана, в глазах которого отражается сочувствие, и отрицательно мотаю головой.

Нет, он ошибается. Он даже не подозревает, насколько она сильная. Зато я знаю. Лили мне ещё не весь мозг вынесла, чтобы так просто сдаться.

ГЛАВА 35 ДО КОНЦА

Лили

– Поверить не могу, что у этой гадины ещё и любовник был! Мир сошёл с ума. – Джилл щёлкает кнопкой пульта, и экран телевизора гаснет.

«Теперь Майами может выдохнуть. Особо опасный преступник Демон пойман», – с гордостью известила журналистка, подытоживая слова нового начальника Департамента полиции.

По новостям только что сказали, что у Кэтрин была связь с водителем авторефрижератора. Разумеется, он не был в курсе, для чего этой женщине на самом деле требовался его рабочий автомобиль. Лопух какой-то, ей Богу. Да и полиция подкачала... Я читала то заключение с места обнаружения трупа возле «Еleven». Доставка охлаждённой продукции была в тот же день, поэтому следы шин не стали для следствия основополагающей уликой. Авторефрижератор проезжал через то место не раз, осматривался в том числе, да и у водителя было алиби: он всю ночь пьянствовал в одном баре. А сам он умолчал о том факте, что иногда одалживал машину своей «любимой».

Как она в своём психически ненормальном состоянии умудрялась не наследить? Хотя глупый вопрос, если учесть, за кем она была замужем. Наверняка изучила литературу по

уголовному праву вдоль и поперёк, а ещё знала расположение камер, ухитряясь осуществлять свои тёмные делишки в слепых зонах.

Подумать только, почти два года они охотились за маньячкой, которая спокойно работала преподавателем, общалась с людьми, никак не выказывая свою истинную сущность сумасшедшей. Конечно, рано или поздно на ком-то этот круг в любом случае должен был замкнуться, но хорошо, что не на мне. У меня большие планы.

Вздыхаю и тут же морщусь от тупой боли в животе. Ранение ещё даёт о себе знать. Как сказал хирург, селезёнка – не тот орган, о котором стоит переживать, и со своей ролью в моём организме она справилась на ура, приняв пулю на себя. Правда, у меня была большая кровопотеря, но Брайан уверил, что у такой кровопийцы, как я, этой красной жидкости так много, что я не могла умереть ни при каком раскладе. Если Макс приставил ко мне своего брата в роли «семейного психолога», то он не ошибся в кандидатуре.

Да-да, после того, как Макса вызвали в Управление, Брайан стал частенько наведываться в больницу, а его первым приветствием было: «Опасная женщина, ты щупальца все убрала? Можно входить?». У нас с ним особая дружба и общий секрет, как вы поняли.

– Ну ладно, я побежала на работу. Я принесла тебе такой роман, закачаешься! Не скучай, – Джилл чмокает меня в щёку и устремляется к выходу.

Вот только в дверях она застывает, потому что сталкивается нос к носу с Брайаном. Наблюдаю, как у неё отвисает челюсть. Парень сегодня выглядит сердцеубийственно, конечно. Но его брат для меня всё равно лучший из лучших.

Как он там в Лос-Анджелесе без меня? Макса в срочном порядке вызвали на ковёр какие-то очень важные люди. Причём в тот же день. Но он, наплевав на приказы, уехал только после того, как моё состояние стабилизировалось. Безусловно, мне было приятно, но, надеюсь, из-за самоуправства ему там не придётся слишком туго. Ещё не хватало, чтобы он лишился работы, которой так дорожит.

– Привет, Джилл, – усмехается брюнет. – Готов поспорить, у меня для твоей подруги есть роман получше.

Не поняла. Он её знает?

Привстаю на койке, чтобы ничего не упустить.

– П-привет, – смущается подруга и поворачивается ко мне, показывая указательным пальцем на Брайана: – Откуда ты знаешь Брэндона?

– Брэндона? – Изгибаю бровь, бросая вопросительный взгляд на парня, который складывает ладони в молитвенном жесте и, пока Джилл не видит, интенсивно шевелит губами, что распознаётся мной как слово «Помоги». – Ах ты, гад! Ты зачем морочил ей голову? – И запускаю в него апельсином с тумбочки.

Дело в том, что Брэндон – это тот самый Летучий Голландец, который периодически возникал на горизонте нашей

жизни. Теперь я понимаю, зачем. Осталось только посвятить в это свою подругу.

– Так, девушки, полегче! – Брайан поднимает руки, в одной из которых держит какие-то бумаги. – Джилл, извини, но я – не Брэндон, – переводит на неё свой наглый взгляд, в котором нет ни намёка на сожаление о содеянном.

Засранец.

– Лилипут, – обращается на этот раз ко мне, и за эту кличку в него прилетает ещё один апельсин. Он его ловко ловит и с улыбкой Донжуана протягивает насупившейся девушке напротив него, – у нас ничего не было, кроме нескольких поцелуев, честное слово! Объясни ей, пожалуйста, всё сама. У меня аллергия на женские вопли. Это тебе. Почитай на досуге. – Кладёт мне в ноги распечатанные листы и спешно ретируется, подарив Джилл напоследок свою «в-постель-укладывательную» улыбку.

– Это как понимать? – справедливо возмущается Джилл, когда дверь за брюнетом закрывается.

– Он – родной брат Макса. Помогал ему в деле моего отца, – с некоторых пор мне сложно произносить это слово без болезненной гримасы на лице несмотря на то, что за несколько недель я успела смириться со всем, что произошло. Зато теперь я могу спокойно говорить всю правду, как раньше, не боясь ляпнуть лишнего. – Джилл, не расстраивайся, пожалуйста, хорошо? Но с этим бабником тебе точно ничего не светит. Лучше плюнь, разотри и забудь, ладно? – Похло-

пываю по койке, призывая сесть рядом со мной, но подруга лишь грустно вздыхает и, пригладив свои длинные волосы, снова прощается и уходит.

Хорошо, что она быстроотходчивая. Но Брайан – точно не её формат. Или она – не формат Брайана. За те три недели, что тут отлёживаюсь, я успела с ним познакомиться. Если я считала Макса скрытным человеком, то его брат – это радиоактивный уран, захороненный под толстым слоем свинца. Откопаешь – рванёт так, что мало не покажется. Вся его внешняя дерзость, беспечность, а, местами, и пошлость – лишь мишура, которая беспроегрышно действует на местных медсестричек. Он даже не скрывал своих намерений, когда приглашал на днях одну из них оказать ему первую помощь. В процедурном кабинете. Наедине.

Брайан никогда не говорит о себе, не рассказывает о детстве или учёбе, предпочитая слушать меня или выдавать порции историй из юности старшего брата. О том, как он лет с тринадцати мечтал стать военным и упорно шёл к своей цели, тренируясь по несколько часов в день (в то время как его друзья тусовались на вечеринках, наращивая печень, Макс наращивал мышцы), а ещё о том, что в двадцать с небольшим ему пришлось стать не только братом, но и опекуном, взявшим на себя все родительские заботы.

От меня не укрылось, с какой гордостью обо всём этом говорил Брайан...

Представляю Макса подростком, и на лице автоматом по-

является безмятежная улыбка. Как я по нему скучаю... По его голосу, по его прикосновениям, по его рукам, в которых мне так хорошо и безопасно. У меня уже пятки горят от желания сорваться к нему. Ну да ладно, немного ждать осталось.

Ещё на днях меня навещал мой крёстный Майкл. Оказалось, что стрельба, которую я устроила, была на руку ФБР. В штабе зацепились за этот повод, чтобы перевести отца в Майами, который на тот момент уже несколько лет был у них под колпаком. Управление рассчитывало на то, что благодаря близости к Мексике криминальная паутина, сплетённая не без участия моего отца, распутается гораздо быстрее. Во-первых, здесь ему не пришлось бы выдумывать многодневные отъезды и командировки, которыми он прикрывался, будучи в Нью-Йорке, а, во-вторых, эта мнимая свобода действий сыграла бы с ним злую шутку: он потерял бы бдительность, и его мексиканский партнёр, на которого уже много лет была устроена охота, попался бы в заготовленные сети. В принципе, так оно и вышло.

Разумеется, всё имущество, которое принадлежало отцу через доверительных собственников, будет конфисковано. Майкл заверил, что похлопочет насчёт офшорных счетов, но я не хочу иметь никакого отношения к этим деньгам. Так и сказала, что перепису всё на имя любого благотворительного фонда. Всё, что меня волнует сейчас – это будущее без оглядки на прошлое. Надеюсь, со временем все мои воспо-

минания притупятся, и я заменю их новыми: яркими и красочными. Вместе с одним очень важным человеком, у которого есть просто потрясающая семья.

Когда я очнулась после наркоза, со мной рядом была и Глория. Мы вместе с ней рыдали, прося друг у друга прощения. Хотя за что *ей* передо мной извиняться? Глупенькая. Я до конца своих дней буду думать о том, что какую-то часть своей жизни жила на деньги с запахом крови и женских слёз.

До конца своих дней.

Вспоминаю эту фразу, брошенную Максом тогда, на пляже. Он планировал до конца своих дней скрывать от меня правду о том, по какой причине оказался в Майами. Он действительно планировал быть со мной до конца? Укладываюсь обратно на подушку и по шелесту бумаги вспоминаю, что Брайан принёс какие-то документы. Кое-как дотягиваюсь до них и с первого взгляда на лист понимаю, что это что-то вроде дневника, потому что он начинается со слов:

«Август, запись 1».

Как я ждала этого дня! Даже домой не стала заезжать. Куплю всё необходимое на месте. Попросила девочек привезти мне несколько вещей только потому, что ближайшие пару дней в моих планах нет походов по магазинам.

Как только меня выписали из больницы, я сразу ринулась в аэропорт, чтобы успеть на ближайший рейс до Эл-Эй (*Прим. авт. LA – сокращённое название Лос-Анджелеса*).

Но куда же без закона подлости? Я застряла в огромнейшей пробке, от которой хотелось выть, грызть ногти и придушить водителя, пропускающего вперёд более проворных водителей, вклинивающих в ряд машин.

Я оказываюсь у стойки регистрации за сорок пять минут до вылета и буквально швыряю свой паспорт в сотрудницу аэропорта с просьбой как можно скорее пропустить меня. Девушка нарочито медленно, одним пальцем начинает вводить моё имя в систему, пока я пыхчу и кряхчу, давая понять, что у меня тут вопрос жизни и смерти. И какой ответ я слышу?

– Пассажира с таким именем нет в наших списках, – и с улыбкой чеширского кота протягивает мне паспорт.

Проверяю документ и хлопаю себя по лбу от своей дурацки.

– Ой, простите, пожалуйста! Это не тот паспорт! – И лезу за вторым, настоящим. Это же надо, а? За месяц больничного пребывания совсем забыла про содержимое своей сумки.

Взяв мой второй паспорт, девушка принимает убийственное выражение лица и тянется за телефоном, не отрывая от меня изучающего взгляда.

– Нет, нет, – встаю на цыпочки, выдёргивая трубку из её руки, разгадав её намерения вызвать охрану или того хуже: полицию. – Мисс... – пробегаюсь взглядом по бейджу, – Джефферсон, вы не подумайте ничего плохого. Этот паспорт настоящий, правда-правда! Тот первый – просто розыгрыш

друзей.

Эта курица багровеет на глазах и, выпрямившись во весь рост, одним движением руки жмёт на красную кнопку рядом с собой. Только этого ещё не хватало.

– Я опаздываю на рейс, вы понимаете? Вам сложно проверить информацию в системе? Зачем же сразу охрану? – Оглядываюсь вокруг себя в поисках поддержки, но встречаюсь лишь с настороженными взглядами остальных людей, стоящих в очереди позади меня. Сейчас они немного отступили назад, предоставив охране отличный доступ для моего задержания.

Бросаю взгляд на табло вылета, и в этот момент надпись «Регистрация» меняется на «Посадка», а это означает одно: я опоздала. Опускаю плечи, готовая сию секунду разрыдаться. После всех больничных обезболивающих я стала какой-то чересчур чувствительной и восприимчивой. Я так хотела к Максусу...

Дрожащими губами прошу курицу Джефферсон вернуть мне паспорт и на всякий случай спрашиваю, когда будет следующий рейс в Лос-Анджелес. Услышав вердикт о том, что мне ждать почти пять часов, слёзы всё-таки вырываются на свободу.

– А если с пересадкой? – предпринимаю ещё одну попытку улететь из Майами.

Девушка немного смягчается при виде моих слёз и даёт отмашку двум охранникам, подоспевшим на её сигнал тре-

воги.

– Пересадка через Будапешт вас устроит?

Только собираюсь кивнуть, как вдруг понимаю, что этот город находится в Европе. Она издевается надо мной?

Разочарованно стягиваю свой паспорт со стойки и делаю шаг назад, наступая на чью-то ногу. Представляю, какую боль я кому-то причинила своим тонюсеньким каблуком. Без раздумий оборачиваюсь, чтобы попросить прощения, но происходит то, чего я никак не ожидаю.

Мир вокруг меня резко проясняется.

Сотни пассажиров аэропорта растворяются в воздухе, будто кто-то убрал их волшебной палочкой.

Остаёмся только мы двое, когда я вижу любимые серые глаза.

Глаза, которые меня провожали, когда мне надевали кислородную маску в машине скорой помощи.

Глаза, которые так много говорили без слов.

– Привет, – произносит Макс, стирая большими пальцами мои слёзы. – У тебя есть дурная привычка впечатывать в меня свои каблуки, – он пытается подавить улыбку, но я настолько счастлива его видеть, что не хочу терять времени на ненужные разговоры.

Запрыгиваю на него, не обращая внимания ни на кого вокруг. Макс поддерживает моё рвение и сразу же крепко обхватывает мои бёдра, не давая мне соскользнуть и прервать такой долгожданный момент. Он довольно смеётся, пока я

обнимаю его со всей силы, боясь обнаружить, что он – всего лишь плод моего воображения. Он осыпает мою шею короткими поцелуями от основания до подбородка, пока идёт куда-то. Не знаю, куда мы направляемся. Мне абсолютно всё равно. Дрожу от отпускающего меня напряжения, от неверия в такую случайность. Что если бы мы с ним разминулись?

Отстраняюсь от него, только чтобы снова вспомнить вкус его губ. Впиваюсь в своего любимого суперагента так, что он задерживает дыхание и останавливается, вмиг перехватывая инициативу в свои руки. Макс обхватывает своим ртом мой и нетерпеливо погружает в него язык, совершая им такие желанные манипуляции. Это не поцелуй, нет. Это – нечто глубокое. То, что нельзя потрогать, но можно почувствовать. Когда знаешь, что только с этим человеком ты становишься цельной. Только с ним ты можешь дышать свободнее, потому что он – твой кислород. Мы синхронно стонем, не в силах сдержать нахлынувших эмоций. Обхватываю его голову, оглаживая щетинистые щёки пальцами, ощущая его жажду, как свою. Господи, как я могла даже допустить мысль о том, чтобы его не было в моей жизни?

– Я люблю тебя, Макс. Так сильно люблю, – трусь своим носом об его, прикрывая глаза.

Под ладонями ощущаю, как кожа на его скулах растягивается в улыбке. Я никогда в своей жизни не произносила этих слов мужчине. Только теперь я понимаю, что просто не испытывала ни к кому таких чувств. Оказывается, нет ничего

проще говорить «люблю» тому, кого любишь по-настоящему и в ком уверен на миллион процентов.

– Так сильно, что готова была уехать под фамилией Пусси? Серьёзно? – он ухмыляется, захватывая мою нижнюю губу и слегка прикусывая её.

– Мне плевать на фамилию, если честно, – шепчу ему в губы, ненавязчиво касаясь их своим языком. От этого зрачки Макса красноречиво расширяются, и я даже могу прочитать его мысли. Я тоже до безумия хочу его.

Кроу резко становится серьёзным и начинает осторожно вести свои губы в сторону моего уха, вынуждая сжаться от щекотки, но моё хихиканье мгновенно прекращается, как только до моего слуха доносится его волнующий полушёпот:

– Тогда... – специально томит меня, делая паузу, заставляющую замереть от ожидания, – предлагаю срочно её сменить.

КОНЕЦ

Но мы же знаем, что конец – это всегда начало чего-то нового?